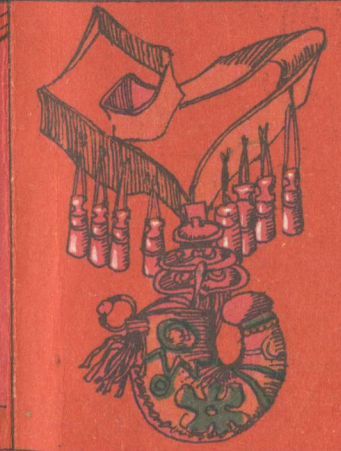
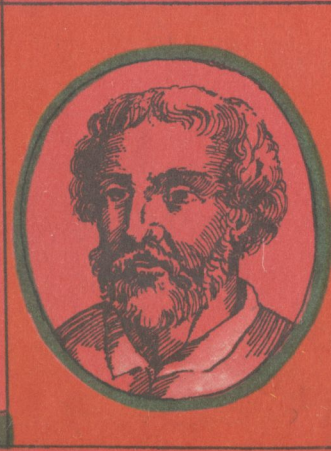
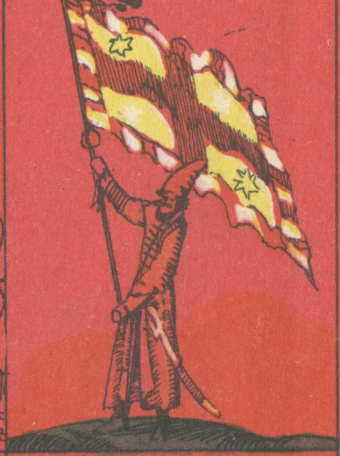
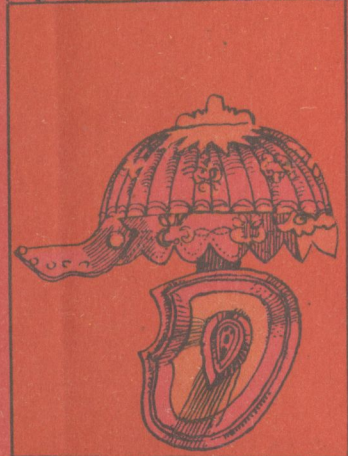
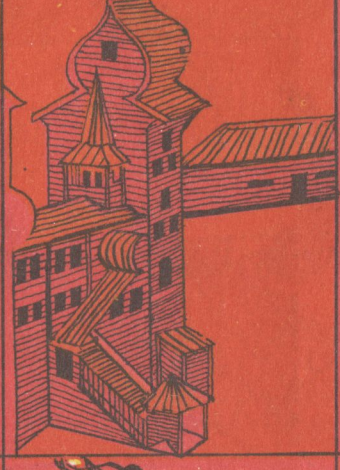
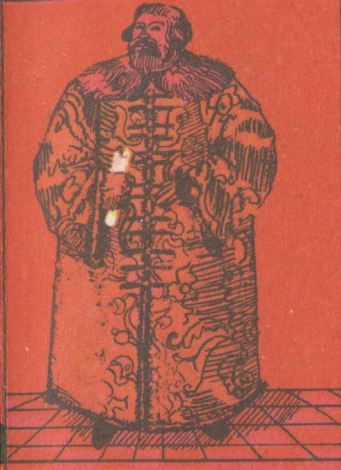
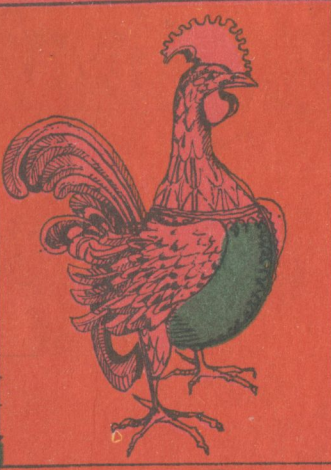
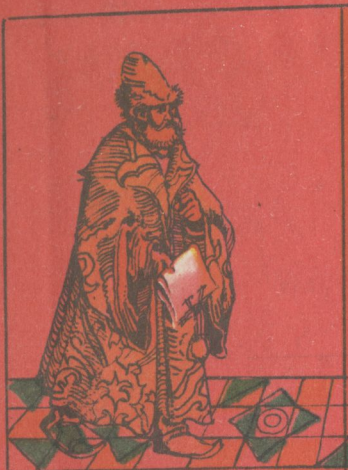
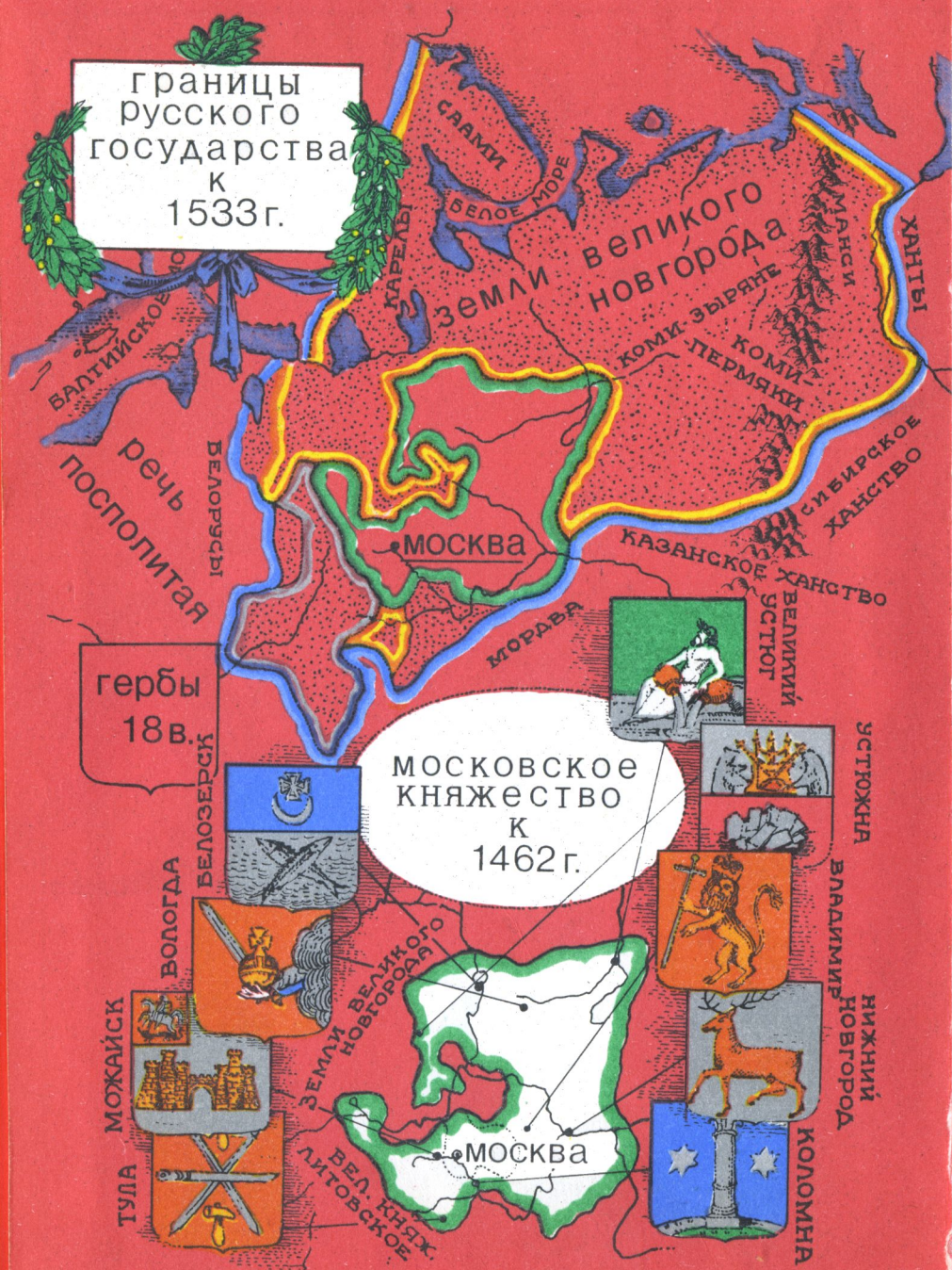

А. Дегтярев

границы
русского
государства
к
1533 г.

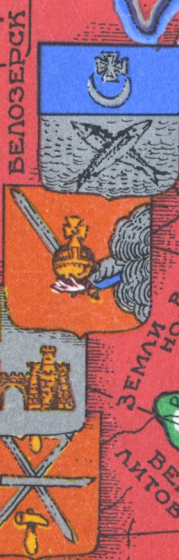

гербы
18 в.

МОСКОВСКОЕ
КНЯЖЕСТВО
к
1462 г.

МОЖАЙСК
ТУЛА

ВОЛОГА

ЗЕМЛИ ВЕЛИКОГО
НОВГОРОДА
БЕЛ. КНЯЖ.
ЛИТОВСКОЕ

МОСКВА

УСТЬЮЖНЫ
ВЛАДИМИР

НИЖНИЙ
НОВГОРОД

КОЛОМНА

А.Дегтярев

А. Дегтярев

ТРУДНЫЙ ВЕК РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК
ВЕРШИЛОСЬ СОБИРА-
НИЕ РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ
О КРЕСТЬЯНСКИХ ТРУДАХ,
РЕМЕСЛЕННЫХ ЗАБОТАХ
И ТОРГОВЫХ ХЛОПОТАХ
ОБ ОПРИЧИНЕ ЦАРА
ИВАНА ГРОЗНОГО И ЗЛОЙ
СМУТѢ О ДѢЯНИЯХ
АТАМАНА БРѢЖКА ТИМО-
ФЕЕВИЧА, КУПЦА КУЗЬМЫ
МИНИНА, КНЯЗЯ ДМИТ-
РИЯ ПОЖАРСКОГО, ГЕТМАНА
БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО,
АТАМАНА СТЕПАНА РАЗИ-
НА И ИНЫХ ДѢЛАХ СТАРО-
ГО ВРЕМЕНИ

Рисунки
В. ЦИКЛЫ

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук, профессор Р. Ф. Итс,
доктор исторических наук, профессор Р. Г. Скрынников

РОССИЯ...

Имя это впервые прозвучало в конце XV века. Многие продолжали называть страну, возникшую в результате объединения древних русских земель вокруг Москвы, Русью, как повелось со стародавних времен. Иные называли ее Московией, а обитателей — москвитями. Но все чаще и чаще звучало, постепенно выходя на первый план, и новое гордое имя — Россия!

Трудными были первые шаги молодой страны. Много крепких узлов на разрыв затянутых противоречий досталось ей от прошлых времен, много завязалось и новых. Дела были — одно грандиознее и тяжелее другого. Освобождение от ордынского ига и непрестанная борьба на южных и западных рубежах, превращение великого княжества в царство и смелые реформы, четвертьвековая Ливонская война и присоединение Сибири, опричнина и Смутное время, героическая борьба народа с иностранной интервенцией и закрепощение крестьян, воссоединение Украины с Россией и потрясшие феодальное царство крестьянские войны...

Великие, подчас трагические события вместили в себя два первых века централизованной России.

глава 1

На крутом подъеме

ГЕРБОВАЯ
ПЕЧАТЬ
ВАСИЛИЯ III

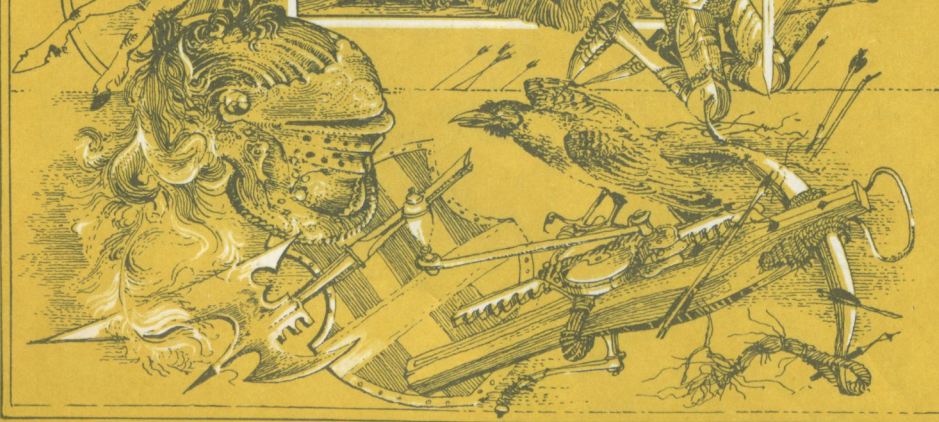
ВАСИЛИЙ III

ШАПКА
МОНОМАХА

ИВАН III
ГОСУДАРЬ
ВСЕЯ
РУСИ

СОБИРАНИЕ ЗЕМЕЛЬ

московский князь Иван III пробыл на великокняжеском престоле 43 года. В далеком 1462 году он унаследовал от отца, Василия Темного, ослепленного в молодости соперниками, большое Московское княжество, территория которого достигала 400 тысяч квадратных километров.

А сыну своему княжичу Василию Иван III оставил огромную державу, ее площадь выросла в пять раз и превышала 2 миллиона квадратных километров!

Стремительное завершение формирования Русского государства и длительное княжение Ивана III в старое время многим казалось тесно связанными. Ивана III долгое время прозывали Великим. Лишь постепенно его фигура потускнела (может быть, и незаслуженно) на русском историческом небосклоне и даже прозвище свое уступила другому. Великим стали именовать Петра I.

Думается, что Ивану досталось имя эпохи. Вторая половина XV века была великим временем, родившим достойных себя людей. Их бывает немало у каждой эпохи, но лишь немногим удастся, совершив действительно выдающиеся деяния, выделиться барельефом на застывающем историческом времени. Ивану это удалось. Можно сказать, ему повезло — время позволило раскрыть многие имевшиеся у него дарования: военные, государственные, дипломатические... А родился он, к примеру, на полвека раньше, все они бессмысленно сгорели бы в братоубийственной феодальной войне.

Конечно, не нужно его фигуру идеализировать (так же как и всякую другую) — история сложна, соткана из противоречий. В ней нет одноцветья — ни парадно-золотого, ни черного. Князь Иван был сыном своего времени, нес в себе все его черты. Как верховный правитель феодального государства он немало сделал для того, чтобы уже в обозримом будущем поднялось и окрепло, стало первым сословием государства русское дворянство, угнетавшее крестьян. Как полководец он воевал с подобными себе средневековыми правителями: великими князьями, королями, ханами. Но была одна существенная разница: бился Иван за возвращение в российское лоно земель древней Киевской державы, а не за куски чужих владений... Под знаком этой борьбы и прошел почти полувековой срок его княжения. Московское княжество, хотя и было уже самым крепким из русских земель, в середине XV века еще подвергалось многим опасностям и зависело от Орды. На его северной границе — всего в восьмидесяти верстах от Москвы — лежали владения своенравных тверских князей, давних и упорных соперников Москвы. На юге — в ста верстах — тянулась вдоль Оки тревожная сторожевая линия, устроенная для защиты против татарских набегов, против Орды, не утратившей надежд возродить иго в былых батыевых масштабах. Беспокоил Ивана и западный предел княжества. Здесь тоже лишь в сотне верст от Можайска начинались владения великого князя литовского, который захватил когда-то у Руси смоленские, брянские и прочие земли.

Московскому княжеству удалось во второй половине XV века не только ослабить и умалить опасность, но и изменить весь облик своего государства — превратиться из сильного княжества в мощную централизованную державу.

В 1480 году укрепшая Русь сбросила ярмо ордынского ига. Одолев силы Орды в знаменитом «стоянии» на реке Угре, она добилась полной и окончательной независимости.

Ивану III удалось избежать больших потерь в решающем столкновении с Золотой Ордой. Он прекрасно владел как искусством войны, так и искусством дипломатии. Его отличительной чертой было великолепное умение превращать военные проблемы в дипломатические, а уж если требовалось, то использовать военных средств столько, сколько было необходимо для достижения поставленной цели.

Выступая в поход против двинувшегося на Русь хана Ахмата и собрав для этого все имеющиеся силы, он одновременно предпринимал энергичные действия для того, чтобы, во-первых, не допустить соединения ордынских сил с польским королем Казимиром IV, а во-вторых, замирить своих ударившихся в распри брать-

ев — Андрея и Бориса. Первое удалось сделать с помощью крымцев, вторгшихся во владения Казимира IV, а второе — путем терпеливых и настойчивых разъяснений.

Но и после этого Иван не бросился всей тяжелой силой московского войска на оставшегося без союзника Ахмата. Вновь взвесив обстановку, он понял, что наступление ордынцев можно отразить и без большого генерального сражения. Став на берегу Оки, русское войско вело упорные бои на переправах, где сотни пищалей исправно делали свое дело, отбивая у ордынцев охоту даже приближаться к берегу. Распри в стане врага, измена союзников, голод, холод и лошадиная бескормица довершили дело — Ахмат бежал на юг, бросив свое ослабшее войско. Зависимость Руси от Орды пала.

Вместе с освобождением шло объединение разрозненных русских земель. Еще в начале правления Ивана присоединилось к Москве Ярославское княжество — местные князья сделали это добровольно. В 1472 году отошла к Москве Пермская земля. В 1474 году пришло под руку великого князя московского Ростовское княжество. В 1478 году настал черед Господина Великого Новгорода — богатейшая феодальная республика, владения которой обнимали весь восточноевропейский север, стала частью Русского централизованного государства. Еще через семь лет Иван III завершил борьбу с давней соперницей Москвы — Тверью. В 1485 году Тверское княжество, владения которого теперь оказались зажатыми между Москвой и Новгородом, склонило голову перед московским князем. Правда, еще задолго до последнего натиска тверские бояре и дворяне группами и поодиночке «отъезжали» на Москву. А когда Иван III с войском в 1485 году подступил к Твери, вознамерившись наказать ее за союз с враждебными Москве силами, целые толпы тверских дворян стали появляться в его стане — и все били челом о приеме на московскую службу.

В 1489 году был предпринят поход московского войска в Вятскую землю. Обширная, богатая пушным зверем область присоединилась к Москве. Еще позднее, в 90-х годах, один за другим присягнули на верность московскому князю удельные князья: вяземские, новосильские, мезецкие и многие другие — вместе со своими владениями вошли в растущую Московию.

Собирание русских земель пришлось не по душе литовским князьям, захватившим во времена ига многие исконно русские земли. На грани нового, XVI века это привело к трехлетней войне между Литвой и Россией. Победу в ней одержала Москва, боровшаяся за воссоединение русских земель в едином государстве. Семьдесят волостей и двадцать пять городов — Чернигов, Брянск, Рылск, Путивль и многие другие — вернулись в русское владение.

В эти годы завершалось огромное дело объединения, требовавшее вековых напряженных усилий всего народа. Вокруг когда-то скромного княжества сложилась мощная держава, ставшая самой крупной в Европе.

Карл Маркс так писал о великом времени ее стремительного возникновения: «В начале своего царствования Иван III все еще был татарским данником; его власть оспаривалась удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских республик, господствовал на Севере России; Польско-Литовское государство стремилось к завоеванию Московии; наконец, ливонские рыцари еще не сложили оружия. К концу царствования мы видим Ивана сидящим на вполне независимом троне об руку с дочерью последнего византийского императора. Мы видим Казань у его ног, мы видим, как остатки Золотой Орды толпятся у его двора. Новгород и другие республики покорны. Литва уменьшилась в своих пределах, и ее король является послушным орудием в руках Ивана. Ливонские рыцари разбиты. Изумленная Европа, в начале царствования Ивана даже не подозревавшая о Московии, затиснутой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах, и сам султан Баязет, перед которым она трепетала, услышал впервые от москвитов надменные речи».

В конце XV века появилось и новое имя Русского централизованного государства — Россия. Оно впервые встречается в летописях, составленных при Иване III. Возникнув, названия «Россия», «Российская земля» долго существовали рядом с прежними именами страны — Русь, Русская земля. Но постепенно они становились все более распространенными. «Российский» стало означать принадлежность к государству, а «русский» — к определенной народности.

Такие изменения имели глубокую жизненную подоплеку. Централизованное государство изначально складывалось как государство многонациональное. Ядром России была великорусская народность, но вместе с ней в едином государстве жили многие другие племена и народы. На севере — карелы, саами, коми, ханты и манси, на юго-востоке — мордва, удмурты, а позднее башкиры, чувашаи... Поэтому появление и постепенное распространение нового названия государства, уже не связанного с именем одной народности, имело глубокие основания. Оно тесно переплеталось с процессом складывания и укрепления централизованного государства.

С ростом могущества страны в ней крепла великокняжеская власть. Все более возвышалась она не только над простым наро-

дом — крестьянами и ремесленниками, но и над феодальной знатью — удельными князьями и боярами. Всех феодалов Иван III заставлял присягать себе на верность. Тех, кто не угождал ему службой и поведением, подвергал «опале» — отбирал владения, удалял от своего двора, а значит, и от выгодных государевых служб.

При Иване III возникла в России система службы с земли, то есть наделения феодалов поместьями за службу. Для своего времени это было прогрессивное нововведение, положившее начало формированию дворянства — новой опоры великокняжеской, а затем и царской власти. О политической дальновидности Ивана III, о его умении верно угадывать назревшие потребности времени говорит уже то, что поместная система, видоизменяясь и приспособляясь к новым условиям, прожила более 400 лет.

Централизованное государство не могло существовать без общего правопорядка и законодательства. Поэтому в 1497 году был создан первый общерусский Судебник. Всячески защищая экономические интересы феодалов, Судебник установил для крестьян срок перехода от владельца к владельцу только один раз в году — за неделю до Юрьева дня осеннего и неделю после него. Уходя от одного владельца к другому, крестьянин выплачивал старому хозяину большое «пожилое» — платил за то, что он жил на земле феодала. Выплатить «пожилое» мог не всякий, поскольку брали с крестьянина полновесный серебряный рубль, а это примерно размер годового оброка с одного двора.

Объединение разрозненных и к тому же часто враждовавших меж собой земель дало резкий толчок экономическому развитию. Росли города и села. По полям и лесам, вдоль рек и дорог возникали сотнями каждый год мелкие деревни-поселки. Жили в них обычно одна-две крестьянских семьи, человек по десять — пятнадцать вместе с детьми.

С исчезновением мелких границ-перегородок пошел в гору торговый обмен. По большим и мелким ярмаркам звенело серебро, кричали-зазывали, нахваливали товар торговцы.

«Край этот, — писал о России возвращавшийся в 1476 году из Персии итальянский дипломат Амброджо Контарини, — чрезвычайно богат всякими хлебными злаками... Русские продают огромное количество коровьего и свиного мяса... Сотню кур отдают за дукат. За эту же цену сорок уток... Продают очень много зайцев... Торгуют также разными видами дикой птицы в большом количестве».

Особенно славная и богатая торговля была в Москве. Тот же Контарини, проживший в русской столице осень и зиму, о московских базарах писал восторженно:

«В конце октября река, протекающая через город, вся замерзает. На ней строят лавки для разных товаров, и там происходят все базары.

Ежедневно на льду реки находится громадное количество зерна, говядины, свинины, дров, сена и всяких других необходимых товаров. В течение всей зимы эти товары не иссякают.

К концу ноября обладатели коров и свиней бьют их и везут на продажу в город. Так цельными тушами доставляют для сбыта на городской рынок. Чистое удовольствие смотреть на это огромное количество ободранных от шкур коров, которых поставили на ноги на льду реки! Таким образом люди могут есть мясо более чем три месяца подряд! То же самое делают с рыбами, с курами и другим удовольствием.

На льду замерзшей реки устраивают конские бега и другие увеселения... Русские очень красивы, как мужчины, так и женщины... У них нет никаких вин, но они употребляют напиток из меда, который они готовят с листьями хмеля. Этот напиток вовсе не плох, особенно, если он старый!..

В город в течение всей зимы собирается множество купцов как из Германии, так и из Польши. Они покупают меха — соболей, лисиц, горностаев, белок, иногда рысей. И хотя эти меха добываются за много дней пути от города Москвы, больше в областях на северо-востоке и на севере, однако все съезжаются в это место, и купцы покупают меха именно здесь».

Растущее могущество страны более всего заметно было по расширявшемуся год от года «каменному строению» в городах. Здесь и там укреплялись новыми башнями и стенами, украшались высокими храмами старые города. Немало возникло и новых. В 1492 году, например, был заложен новый град на реке Нарве — прямо напротив ливонского замка, — названный в честь великого князя Ивангородом. Мощная крепость его выросла буквально на глазах у изумленного рыцарства.

Работали на строительстве Ивангорода и несколько псковских артелей. Трудолюбивый Псков и себя строил и других не забывал. Артели мастеров неутомимо укрепляли окружавшие город оборонительные сооружения. Почти все деревянные стены Пскова во второй половине XV века были заменены на каменные. Теперь и пушки Ордена не страшны были псковичам.

Из камня возводились здесь и многие общественные здания. А вот жилых хором из него не строили, считая, что каменное жилье вредит человеческому здоровью.

Особенно много строилось каменных храмов. За XV век их было воздвигнуто около шестидесяти. В среднем каждые полтора-два

года появлялся во Пскове новый храм. Слава об искусстве псковских каменотесов шла по всей Руси. Работали они по многим городам, даже Москва-столица охотно их приглашала, доверяла возведение важных построек в самом Кремле.

О столице Иван III заботился неустанно. Неузнаваемо изменился в эти годы Кремль — резиденция великого князя всея Руси. Строительство новых зданий велось в нем непрерывно. Еще не заканчивали одно, а уж новые артели мастеров начинали следующее, одно величественней другого. Никакие препятствия и неудачи не останавливали Ивана III. Первым начали строить грандиозный Успенский собор. Князь нетерпеливо подгонял строителей, но их постигла неудача: недостроенный собор рухнул во время небольшого землетрясения. После этого по указанию раздосадованного Ивана за дело взялся приглашенный из Венеции архитектор Аристотель Фиораванти. Он, как и многие другие иноземные мастера, использовал в своей работе русские традиции, сочетая их с чертами стиля эпохи Возрождения.

В 1479 году великолепный собор был закончен и занял главенствующее место в кремлевском ансамбле.

Следом за Успенским собором артель энергичных псковских мастеров поставила новую церковь на кремлевском подворье митрополита, а едва закончив ее, принялась возводить трехглавый Благовещенский собор. Итальянские зодчие тем временем занялись строительством большого великокняжеского дворца. Возведение его заняло почти 30 лет — с 1485 по 1514 год. Начали с парадной части. Итальянцы Марко Фрязин и Пьетро Антонио Солари за четыре года возвели знаменитую Грановитую палату.

Одновременно со строительством дворца и соборов денно и ночно отстраивались вокруг Кремля новые башни и стены. Обветшавшие от времени и вражеских осад белокаменные укрепления заменили новыми, сложенными из прочного, хорошо обожженного красного кирпича. Треугольник красных стен длиной почти в два с половиной километра прочно оградил новый Кремль от возможных опасностей. Восемнадцать прекрасных и в архитектурном и в военном отношении башен — каждая из них имела свой неповторимый силуэт — защищали подходы к главной цитадели государства. Именно в эти годы Кремль приобрел очертания, сохранившиеся и до наших дней.

Он был задуман и построен как сильнейшая крепость своего времени. И действительно стал образцом фортификационного искусства, превосходившим любую европейскую крепость. В неприступности с ним могли соперничать только некоторые горные замки Северной Италии.

К началу нового века Иван III находился в зените своего могущества, один политический успех сменялся у него другим. Внешние противники, потерявшие надежды на ослабление растущей России, пошли на мировую. Весной 1503 года согласилась на перемирие Литва. В эти же месяцы запросил у России мира сначала один союзник литовского князя — Ливонский орден, а потом второй — Тевтонский орден. Мирные переговоры велись с Османской империей.

Решительно и резко прекратил Иван III и разгоревшиеся было придворные распри — из-за власти соперничали его сын от второго брака Василий и внук Дмитрий, сын умершего лет за десять до этого первого великокняжеского сына Ивана Молодого. Решив оставить престол Василию, Иван отправил 19-летнего Дмитрия в заточение.

И тут обрушились на великого князя беды неожиданные! 17 апреля умерла его жена София Палеолог. А в июле 1503 года и сам он начал «изнемогати тяжелой болезнью». Тяжело переживавший смерть жены и собственный недуг, Иван III немного оправился лишь к концу лета и ранней осенью решил совершить богомольную поездку по монастырям. Но после нее пришел новый приступ болезни. «Пришло посещение от бога на великого князя-самодержавца, — записал суеверный летописец, — отняло у него руку, ногу и глаз». Судя по описаниям, у 63-летнего Ивана III произошло кровоизлияние в мозг.

Болезнь заставила князя задуматься о приближающейся смерти. Он принялся составлять завещание. Львиная доля владений передавалась Василию — он получил шестьдесят шесть городов, а остальные четыре сына только тридцать. Столица страны Москва впервые в истории полностью передавалась наследнику престола. А в прежние годы каждый из сыновей великого князя получал часть стольного града. И другие части завещания всячески ограничивали власть младших сыновей. Им запрещалось торговать на Москве, собирать некоторые налоги, чеканить монету.

Княжич Василий в последние годы жизни отца был уже фактическим соправителем страны. Чтобы подчеркнуть свою самостоятельность, он решил жениться. пышная церемония свадебных торжеств должна была возвысить его авторитет. Василий отказался от женитьбы на иноземной принцессе и устроил смотрины знатным русским невестам.

В августе 1505 года привезли в Москву полтысячи девиц самых знатных родов. После тщательного отбора осталось десять претенденток на руку княжича. Василий выбрал в жены Соломонию Сабурову, происходившую из старинного московского боярского рода.

4 сентября 1505 года сыграли пышную свадьбу.

А еще через полтора месяца, 27 октября 1505 года, умер великий князь Иван III, и на московский престол под именем Василия III вступил только что женившийся княжич.

Он пробыл на троне 28 лет и все это время верно следовал заветам Ивана III. Всячески укрепил свою державу, заботился о подымающемся поместном дворянстве, зорко следил за происками коварных соседей, но без крайней нужды не воевал с ними, стараясь закрепить то, что сумели сделать его предшественники.

В эти годы продолжался стремительный процесс собирания земель, складывания единой России. В 1510 году присоединился к Москве гордый и самодовольный Псков. В 1514 году открыли ворота московским войскам жители Смоленска, захваченного когда-то Литвой. В 1521 году окончательно и органично воссоединилась с отечеством Рязанская земля. Наконец, в 1517—1523 годах присоединились к Москве княжества Черниговское и Северское.

Но основное внимание Василий III уделял внутренним делам. В централизованном государстве интенсивно устанавливались и развивались товарно-денежные отношения. Росла торговля, множилось число ярмарок, расцветало ремесло. Города росли как на дрожжах, обрастали посадами и слободами. Иностранцев путешественников поражали российские масштабы. Сигизмунд Герберштейн сообщал, что в Москве насчитывалось 41 500 дворов, то есть жило не меньше 100 000 жителей! Другой путешественник, много повидавший Михаил Меховский, писал, что в 20-е годы XVI века Москва была «вдвое больше тосканской Флоренции и вдвое больше, чем Прага в Богемии». В эти же годы немец Иоанн Фабр утверждал, что «город Москва вдвое больше Кельна. Почти равную с Москвой величину имеют города Владимир, Псков, Новгород, Смоленск и Тверь... Прочие города, коих находится бесчисленное множество, не столь знамениты». Другого западного путешественника, П. Иовия, поразило увиденное в Новгороде «невероятное количество зданий».

Самым ярким свидетельством экономического подъема городов оставалось каменное строительство. Оно шло во всех крупных центрах. Возводились новые крепости, перестраивались старые, укреплялись обогатившиеся монастыри.

Повсюду сооружались каменные церкви, в боярских усадьбах городились каменные хоромы. Мостились новые дороги, оживали древние речные пути. На бойкой торговле богатели в Москве и Новгороде первые купеческие фамилии: Сырковы, Хозниковы, Таракановы. Самый знаменитый из них, Василий Та-

раканов, попал даже в былинные песни, где его именовали «гостем-заморянином Таракашкой».

А на дальних восточных промыслах Соли Вычегодской начал богатеть, превращая серую соль в звонкое серебро, пронырливый Аника Строганов, родоначальник богатейшей купеческой фамилии.

Но главной заботой князя были не купцы, не ремесленники или крестьяне. Главной была забота об укреплении и росте широких кругов феодалов-помещиков. Наблюдательный путешественник Герберштейн легко и точно подметил это. «Всех одинаково гнетет великий князь жестоким рабством. Исключение составляют дети боярские — дворяне. Таких лиц, придавленных своей бедностью, он ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалованье, но неодинаковое». За это они должны были по первому зову являться на службу с полным военным снаряжением и несколькими лошадьми. «Бедность» дворянская, о которой пишет Герберштейн, конечно, никогда не напоминала полуголодное существование крестьянина. Бедность дворянина — это нехватка денег на хорошее дорогое оружие, на боевых лошадей, на покупку боевых холопов, которые в сражении окружали господина и защищали его, жертвуя жизнью. Это — недостаток денег на строительство хором в городе, на заморские материи для парадных кафтанов, дорогих бархатных или парчовых с золотым шитьем охабней и фerezей.

Денег в казне для раздачи жалованья дворянам не хватало, поэтому все шире и шире практиковалась великим князем раздача поместий, начавшаяся еще при Иване III. Поместья при Василии III постепенно появились во всех концах страны. В отличие от переходивших по наследству вотчин поместье давалось феодалу под условием службы великому князю. Если он не являлся по указу на службу, уклонялся от походов, то поместье у такого нерадивого «нетчика» отбиралось и передавалось другому, более ревностному служаке. Земли, населенной крестьянами, тоже не хватало, помещики часто вступали из-за нее в тяжбы, доносили друг на друга. Приказы были завалены челобитьями и просьбами. Если по доносу одного помещика выяснялось, что другой, желая уклониться от службы, с помощью подкупа или обмана «живущие земли в пусто записал», то поместье у такого отбиралось и передавалось доносчику. Обязанные пожалованием и благосостоянием только центральной власти, помещики-дворяне быстро стали главной опорой растущей самодержавной власти.

Энергично выколачивая деньги из своих поместий, владельцы заботились и об их расширении, переманивали к себе крестьян — «от отцов детей и от дядь племянников». Давали крестьянам на

первые годы освоения новых роспашей «льготу», то есть освобождали от платежей или заметно понижали их. Это побуждало возделывать новые земли, ставить новые деревни. Деревни тогда существовали в основном маленькие, но были разбросаны по земле очень часто: многие местности были буквально усеяны ими — «от деревни до деревни верста». Три четверти деревень насчитывали всего по одному-два-три двора, жили в них пятнадцать — двадцать человек — одна-две семьи. Больших сел было немного, укрупнение поселений началось позже, только в XVII веке, когда изменились условия хозяйства, а закрепощенное крестьянство потеряло свободу перехода. Но пока она существовала, и крестьянский труд медленно, но верно двигал страну, увеличивал ее экономическое могущество.

Крепла армия, неплохо шли международные дела.

Одно беспокоило великого князя: долго не было у него сына — наследника. Лишь во втором браке с дочерью знатного литовского князя Еленой Глинской, когда Василию III минул уже 51 год, родился наконец долгожданный наследник престола. Произошло это грозовой, прочерченной молниями ночью 25 августа 1530 года. По русскому обычаю сына-первенца назвали именем деда — Иваном, надеясь, что вместе с именем перейдет к нему и ум, и государственная мудрость, и военная доблесть умершего 25 лет назад Ивана III.

Вырастить и воспитать сына Василию не довелось. В конце сентября 1533 года, когда Ивану едва минуло три года, после одной из охотничьих потех на бедре у Василия появился небольшой нарыв. То ли поцарапал он кожу в пылу погони за зверем, то ли натер, когда скакал на коне. Василий сначала не обратил на это внимания, но спустя несколько дней почувствовал себя плохо, а через неделю ослабел совсем — только «великою нужею дошел до бани-мыльни». Правда, и чувствуя, что болезнь стала серьезной, Василий бодрился и в один из октябрьских дней даже снова собрался на охоту. Но, проехав пару верст, вынужден был вернуться в подмосковное село — боль стала нестерпимой. Лечили его, как могли, — прикладывали к растущему нарыву «муку пшеничную с медом пресным и лук печеный». Но болезнь усиливалась, князь не мог уже ни на коне ездить, ни ходить — его переносили «на носилах дети боярские и княжата на себе». Даже в церковь на молебны о выздоровлении его водили под руки. В конце ноября Василия III тайно, чтоб не посеять в столице смятения, доставили в Москву. Он скончался в Кремле в ночь с 3 на 4 декабря 1533 года.

Перед смертью Василий составил завещание. Он создал при малолетнем князе Иване, которому завещал княжество, совет опекунов из самых видных бояр, а главой его оставил Елену Глинскую.

Но после смерти Василия III совет не просуществовал и полугода. Своенравная и вспыльчивая красавица Елена упразднила его. Фактическим правителем страны стал ее новый возлюбленный боярин и князь Овчина-Оболенский-Телепнев.

Но старомосковское боярство и удельные княжата не хотели подчиняться великой княгине и ее фавориту и ждали удобного случая для выступления. Причем не просто ждали. В 1538 году Елена, которой не исполнилось и 35 лет, неожиданно умерла. По всей видимости, она была отравлена боярами. Сразу пришел конец и могуществу Овчины — его схватили и бросили в темницу. Власть захватила Боярская дума. Внутри нее шли постоянные распри: одни бояре стояли за продолжение централизации, другие — за удельную старину и разновластие. Верх брали то те, то эти. Но все одинаково жадно обирали крестьян — и в урожайные, и в голодные годы, когда богатеи непомерно вздували цены на хлеб.

Придворные интриги, ссылки, предательства, казни шли на глазах у подраставшего великого князя Ивана. В годы детства и ранней юности он часто пребывал в большом «страхованье» от бояр. В конце концов это обернулось против них. 29 декабря 1543 года 13-летний Иван вдруг приказал «поймать первосоветника боярина Андрея Шуйского». Никто не посмел ослушаться малолетнего князя — Андрей был тут же убит псарями. «От тех мест, — записал летописец, — начали бояре от государя страх имети».

Подраставший великий князь постепенно начинал входить в государственные дела, в чем помогала ему группа бояр, сторонников сильной великокняжеской власти.

К 1547 году созрело среди них намерение — венчать Ивана на царство и тем усилить центральную власть.

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКИЙ ЦАРЬ

еликий князь Иван Васильевич 16 января 1547 года, не достигший еще и семнадцати лет от роду, венчался в Кремле «на царство».

Торжественный колокольный звон поплыл по Москве, достиг границ города, где его подхватили звонари окраинных монастырей. Отсюда он полетел в белоснежные подмосковные поля и там встретился с колокольным звоном, доносившимся из ближних сел.

Праздник был велик! Никогда не видела Москва такой нарочито подчеркнутой пышности. Торжественно двигалась по Кремлю чин-

ная процессия. От великокняжеских хором разряженное в заморские сукна и бархат да в драгоценные русские меха, сверкая золотыми украшениями и переливчатым драгоценным камнем, двигалось боярское множество к огромному собору Успения святой Богородицы, поставленному дедом молодого великого князя Ивана Васильевича, шагавшего сейчас в голове этой богатой толпы.

Вокруг процессии стыла в восторге и изумлении огромная толпа московского люда и служилых людей, купцов, заезжих иностранцев, ремесленников, крестьян.

В соборе перед самыми почитаемыми иконами, в блеске золотого алтаря, при сиянии тысяч толстых свечей началась долгая служба, которую вел митрополит Макарий. После богослужения Макарий возложил на Ивана шапку Мономаха. Легенда гласила, что эта расшитая золотыми бляшками, украшенная жемчугом и драгоценными камнями, подбитая самым дорогим мехом шапка была получена древним киевским князем Владимиром Мономахом от его деда — византийского императора. Она как бы символизировала верховную императорскую или царскую власть. Теперь спустя более четырех столетий, прошедших с мономаховских времен, шапка служила службу новым устремлениям московских государей, став главным политическим знаком в грандиозном венчании «на царство».

После завершения церемонии «боговенчанный» царь по алому бархату, брошенному на свежие снега, устилавшие простор Кремля, возвратился в свои хоромы.

Что значил царский титул в тогдашнем европейском и восточном мире? Был ли он прихотью своенравного юноши или имел реальное политическое значение?

Короткое слово «царь» впервые появилось в официальном титуле русских правителей, до этого именовавших себя великими князьями. Именовать себя царем, императором или, на восточный манер, ханом мог в феодальном мире только правитель независимого, самостоятельного и сильного государства. Носитель царского титула по чину своему был выше многих. В Европе ему равнялся лишь император священной Римской империи, а на Востоке — ханы, унаследовавшие право верховной власти от Золотой Орды.

Таким образом, в «венчании на царство» отразилась выросшая экономическая и военная мощь России, ее устоявшаяся независимость, самостоятельность и сила. Принятием царского титула закреплялась и сильная политическая теория того времени, нашедшая краткое, но очень емкое выражение в лозунге-половице: «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать!» Под первым

Римом подразумевалась древняя Римская империя, под вторым — Византийская. Византия окончательно пала под ударами турок-османов в 1453 году, как раз в годы возмужания и освобождения от ордынского ига централизованной Руси.

Считалось, что от византийских императоров перешла в Москву «боговенчанная» царская власть и здесь она останется навечно.

МОСКОВСКИЙ БУНТ И НАЧАЛО РЕФОРМ

од 1547-й запомнился не только венчанием на царство и женитьбой молодого царя. Еще крепче врезался он в память людскую великим пожаром и восстанием московского черного люда.

3 июня случилось взволновавшее суеверных москвичей предзнаменование: сорвался и упал большой колокол с благовестной колокольницы. Тревожно вел себя, словно чуял скрытое в народе напряжение, и самый известный в Москве юродивый — Василий Блаженный. За его поведением многие следили внимательно, считая, что этот «божий человек» наделен даром прорицания грядущих событий. 20 июня Василий сидел и плакал у стены Воздвиженского монастыря, притулясь к нагретой солнцем стене деревянной церкви. И именно эта церковь на другой день взяла да и загорелась, бог весть от чего! Сильный ветер стал быстро разносить пламя — «потече огонь яко молния!».

Один дом загорался от другого — по сухому дереву тесной хаотичной застройки огонь бежал, словно по пороховой дорожке. Скоро занялся огнем весь Китай-город, Большой посад и многие улицы. А спустя час-другой огонь перекинулся на Кремль. Здесь чуть ли не разом вспыхнули от жара все деревянные здания — Казенный двор, Оружейная и Постельная палаты. Едкий дым заполнил все соборы. Митрополит московский Макарий чуть не задохнулся в самом большом из них — Успенском. «Дымный дух тяжек и жар велик» объяли Кремль. Слепленного и полузадохшегося митрополита стали на веревках спускать с кремлевской стены — ни в одни ворота было уже не выйти. Веревки оборвались, и Макарий сильно расшибся. Полубезумного от страха и едва живого, с опаленной бородой главу московской церкви вывезли за город.

А в Кремле тем временем стали рваться пороховые погреба. Одна за другой разлетались от взрывов кремлевские стены, под которыми они были устроены.

Паника охватила город. Несколько тысяч человек погибли в давке и задохнулись от огня. Пламя бушевало десять часов. «Железо рдело, как в горниле, а расплавленная медь текла по земле, — записал после пожара пораженный очевидец. — Таков пожар не бывал на Москве, как и Москва стала именоваться!»

Сгорели хлебные житницы, амбары и лавки с припасами, погибли и разбежался скот. Простые москвичи оказались перед угрозой скорого голода.

Через несколько дней в царствующем граде начались народные волнения. Поползли слухи о «зажигальниках». Подозрения пали на родственников царя по материнской линии князей Глинских и бабу царя Анну. Говорили, что бабка эта «волхованием сердца человеческие вынимала и в воде мочила, и тою водою кропила, и от того Москва выгорела!» Эти фантастические слухи казались напуганным москвичам правдивыми еще и потому, что дворы Глинских каким-то чудом уцелели в море огня.

26 июня, на пятый день после пожара, черный люд двинулся в Кремль. Опасаясь народного гнева, один из Глинских спрятался в Успенском соборе. Его выволокли оттуда и убили прямо на площади. Затем народный гнев выплеснулся в город — восставшие разгромили дворы Глинских, а заодно и некоторых других бояр. Москва оказалась в руках восставших.

29 июня толпы вооруженного всяческим оружием — от простой крепкой палки до меча — народа двинулись к подмосковному селу Воробьеву, куда предусмотрительно уехал уже в самом начале восстания царь Иван. «Узрев множество людей», царь ужаснулся.

Позднее, вспоминая этот день, царь признавался: «Вошел страх в душу мою и трепет в кости мои!» Но восставшие искали не царя, а остальных Глинских, уже сбежавших из столицы.

Еще несколько дней качала город стихия неуправляемого восстания. Тем временем пришедший в себя от страха 17-летний Иван приказал «сыскать» и казнить всех, кто звал в эти дни народ к «возмущению».

Восстание угасло. Но оно не прошло бесследно. Феодальная верхушка России поняла, что необходимы перемены. Царь Иван вместе с советниками стал искать пути для них. А советники у царя в это время появились новые — протопоп кремлевского Благовещенского собора Сильвестр; неродовитый, но умный и энергичный костромской дворянин Алексей Адашев; ученый иностранец Максим Грек да еще несколько знатных молодых бояр. Постепенно возник вокруг царя круг ближних советников, прозванный Избранной радой.

Деятели Избранной рады хотели упорядочить законы, возвысить власть монарха, укрепить армию и оборонить государство от недругов, унять алчность церкви, а главное — укрепить положение верной опоры царя — дворянства.

В феврале 1549 года по совету Избранной рады был созван первый в истории страны Земский собор. С тех пор соборы стали собираться регулярно — для решения важнейших дел. На первом соборе и была намечена обширная программа реформ в государстве.

За короткий срок был переработан весь свод законов, и в 1550 году появился новый Судебник, заменивший полувековой давности Судебник 1497 года. Он еще больше укрепил власть феодалов над крестьянами, всячески защищал интересы дворян.

Сильно вырос и укрепился государственный аппарат. Появилась Челобитная изба для разбора дворянских жалоб. Ею ведал сам Алексей Адашев. Иностранцами же делами занималась Посольская изба.

В 1550 году появилась Ямская изба. Она энергично занялась ямским делом — набором ямщиков, строительством ямских дворов.

В 1555 году появилась Разбойная изба, которой были «разбойные дела приказаны».

Много усилий положила Избранная рада на укрепление армии. В 1550 году были сформированы первые стрелецкие сотни, вооруженные огнестрельным оружием. Они размещались рядом с резиденциями царя, загородными и городскими. Видно, страх июньских дней 1547 года не прошел для Ивана даром: он решил теперь постоянно иметь под рукой грозную военную силу. Стрельцы получали жалованье из царской казны — 4 рубля в год — и были по сути дела личной гвардией монарха, зачатком будущей регулярной армии.

В 1555 году было принято Уложение о воинской службе. Теперь каждый помещик или вотчинник не только сам должен был являться на царскую службу, но еще и с каждых ста четвертей (примерно пятьдесят — шестьдесят гектаров) «доброй и угодной земли» выставлять конного воина. Когда после введения этого правила составили новые списки служилых людей-дворян, то выяснилось, что на Руси «множество воинства учинилось». Армия достигала теперь 150—200 тысяч человек. Такой не располагала ни одна европейская страна. Может, лишь турецкий султан мог собрать подобное войско.

Это была огромная сила. Она позволила сокрушить Казанское ханство, с которым Россия вела борьбу больше полувека.

В честь этого события был сооружен на Красной площади знаменитый Покровский собор. Песенное многоглавие собора ярко передавало радость победы. Победа эта действительно была важной. Она подняла международный вес России, в которой многие народы увидели силу, противостоящую ханствам-вассалам агрессивной Османской империи, зарившейся на многие европейские государства.

Молодой царь ликовал: дела шли хорошо, одна удача, кружа голову, сменяла другую. Спустя короткое время после «казанского взятия» последовало новое — астраханское. Расположенное в низовьях Волги Астраханское ханство было одним из последних осколков Золотой Орды. С его падением открылись широкие возможности для торговли с восточными странами, уменьшились опасности вторжений.

В эти же годы в состав России добровольно вошли Чувашия и Башкирия, народы которых постоянно страдали от набегов агрессивных соседей-степняков.

Россия стала страной, населенной многими народностями. Во многих областях население было смешанным. Трудовой люд разных народностей мирно соседствовал на обширной земле, делился трудовым опытом, выручал друг друга в беде. Одинаково тяжело угнетали его феодалы разных мастей во главе с верховным правителем — царем.

Русские помещики получали владения под Казанью, а татарские мурзы, перешедшие на службу к царю, помещались в Новгороде, Пскове и под Москвой.

Централизованная русская держава росла и крепла. Даже по дальним углам кипела теперь хозяйственная жизнь. В городах процветало «каменное строение»: повсюду сооружались каменные укрепления, возводились храмы и боярские хоромы. Тут и там стучал в глухих местах крестьянский топор — то ставились новые дворы и деревни-поселки. Около них появлялись рощицы «на диком лесу», буйно вспыхивал огневой «пал» — выжигались участки под новые поля.

От маленьких деревень тянулись дороги-тропинки к большим селам. Осенью ползли по ним груженные телеги: крестьяне везли продукты на малые и большие ярмарки. Во многих местах шла бойкая торговля. Густо звенело серебро. У оборотистого торговца серебряная деньга быстро превращалась в алтын, алтын в полтину, а полтина в полновесный рубль.

Да и крестьян теперь заставляли торговать хозяева-помещики, заменявшие в оброках натуральные продукты на денежные платежи. Тугой помещичий кошелек, набитый оброчным серебром,

раскрывался в городских лавках, где богатеющий государев слуга покупал у купцов и искусных ремесленников оружие — от простого боевого ножа до дальнобойной ручной пищали, дорогие заморские ткани, тщательно выделанную утварь, меха, статных лошадей и разукрашенную упряжь.

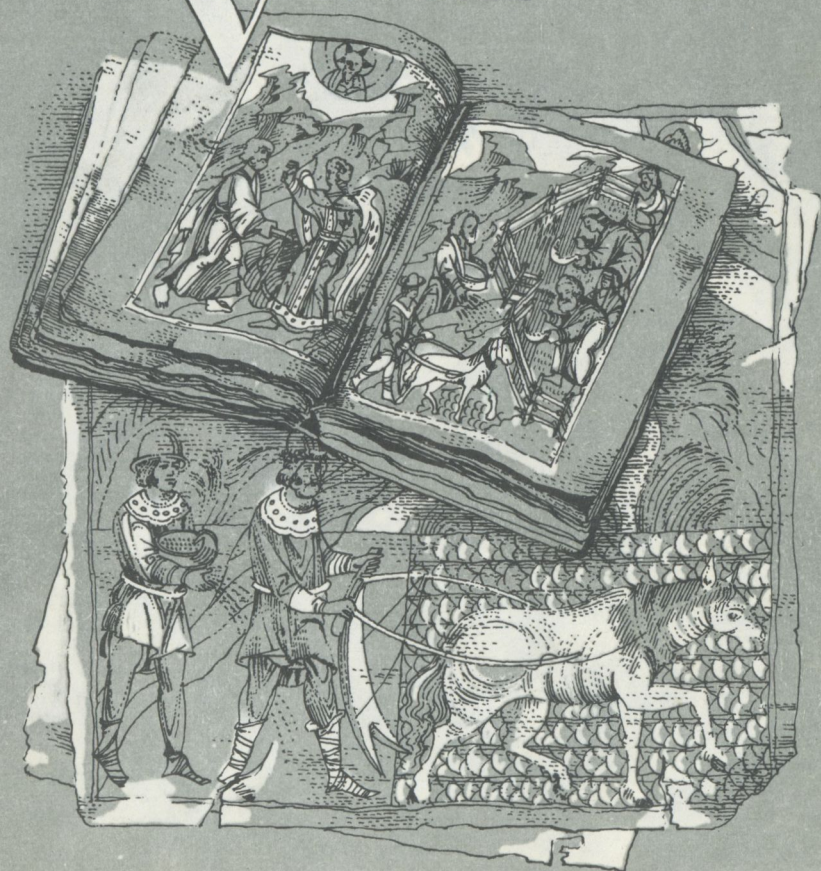
Что ни год, то новые и новые товары появлялись в купеческих лавках, разжигали охоту у помещиков. Насмотревшись на них да наслышавшись о заморских диковинах, алчный и завистливый владелец спешил в свое поместье. Ездил по дворам, высматривал, где бы чего прибавить в платежах, понуждал крестьян расширять пашни, разводить скот, затевать промыслы — рыбный, соляной, бортный и прочие. Разными способами сманивал на свою землю крестьян из других волостей — вотчинных, монастырских и даже царевых. Кого уговорами брал, кого меньшим платежом переманивал, а через год-два снова повышал его.

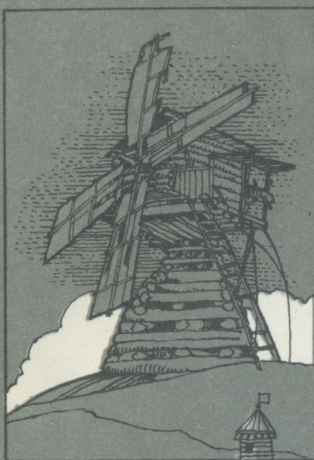
Самые разворотливые хозяева затевали разные новые дела. Кто мельницу поставит, кто промысел откроет, рассчитывая с его помощью увеличить доходы. Царь и правительство поощряли их в этом. «А что на своей земле помещик ни примыслит, — не раз заявлял царь Иван IV, — то все божье да ево!»

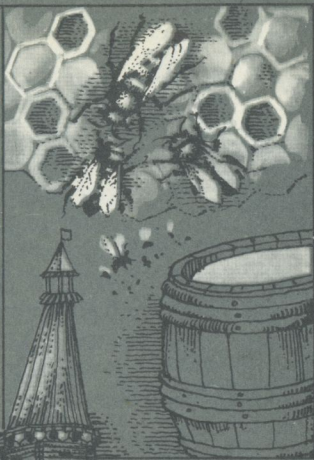
глава 2

ОСНОВА ОСНОВ

ДУШИНА

СТРОИ-
ТЕЛЬСТВО

БОРНИ-
ЧЕСТВО

ОХОТА

РЫБОЛОВСТВО

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДОЛЯ

о не крепнущая царская власть и не дворянская ретивая служба были основой могущества и расцвета России в первой половине XVI века. Единственной основой всего этого был тяжелый крестьянский и ремесленный труд.

Главным оставалось земледелие. На тучных пышных черноземах в центре и на юге страны сеяли в основном пшеницу. Там же, где климат был более суров, где зима побеждала лето и нежная пшеница часто вымерзала, основными культурами были рожь, овес и гречиха. Меньше других боялась холода и непогоды рожь, которую сеяли в поймах самых северных рек. А крепче ржи держался против мороза лишь неприхотливый ячмень, добравшийся даже до кольских суровых мест.

Самым важным крестьянским орудием на хлебном поле, как и в прежние века, оставалась соха. Но в отличие от старых времен сохи теперь были разные, крестьянская смекалка сделала это орудие более совершенным. Кое-где стали делать трехзубые сохи, которые при пахоте захватывали более широкую полосу земли. В лесных местах изобрели однозубую «колосоху»; она двигалась под прямым углом к земле и поэтому, перемещаясь, не залезала под попадавшие на поле корни деревьев, а перескакивала через них.

Широко распространилась в XVI—XVII веках соха с полицей. Полица — специальная отвальная доска, увлекавшая за собой

взрыхленную острым сошником землю и аккуратно сгребавшая ее в сторону. С появлением полицы успешней стала борьба с сорняками: верхний слой почвы при пахоте переворачивался и семена сорняков оказывались глубоко в земле. Полица позволила глубже запахивать удобрения, что заметно влияло на урожайность хлебов.

В XVII веке появилась еще более совершенная соха — косуля. Рабочей частью косули был треугольный железный лемех, к которому примыкала деревянная отвальная доска. А впереди лемеха со временем стали укреплять еще отвесный железный нож, уходивший в землю при заглублении рабочей части сохи. При движении косули отвесный нож взрезал землю, шедший следом лемех подрезал ее сбоку и подымал, а отвальная доска переворачивала жирный пласт, закапывая сорняки и предварительно разбросанный по полю навоз. По сути дела косуля была легким плугом, предшественницей тяжелого лемешного плуга, распространившегося в последующие века.

Появление таких орудий позволило шире применять органические удобрения.

Если еще в XV веке навозного удобрения полей почти не было, то в XVI и особенно в XVII столетиях оно распространилось повсеместно, стало обычным и обязательным делом. А это тоже способствовало росту урожайности.

Земледелие становилось все более сложным, одно новшество за другим медленно, но верно пробивало себе дорогу. К XVI веку повсюду распространилось трехполье. Угодья каждого хозяйства делились теперь на три части — поля. На одном сеяли озимые, на втором — яровые, а третье — паровое — отдыхало. Каждый год поля менялись.

Если земля слишком истощалась, то отдохнуть ей давали не один год, а несколько. Распахивали новый участок (земельной тесноты, какая появилась в более поздние века, тогда еще не было), а старый превращали в залежь, которая за пять — десять, а то и двадцать лет вновь набирала урожайную силу и опять входила в хозяйственный оборот. При этом подросший на ней подлесок выжигался — земля, удобренная золой, становилась еще плодороднее.

А кое-где в малонаселенных местах в XVI—XVII веках продолжали активно применять огневую систему земледелия.

Главным орудием взявшегося за подсеку крестьянина был тяжелый острый топор. Выбрав подходящий участок леса, основательно подрубали на нем деревья. Год-два они стояли, засыхая на корню, а после этого устраивали на делянке бушующий огненный

«пал» — полностью выжигали лес. Остатки несгоревших пней выкорчевывали, разравнивали землю, взрыхляли ее сохой. Хлеб сеяли прямо в золу.

В первые годы на новом участке урожай бывал очень высок, иногда получали в десять раз больше того, что посеяли! Но постепенно земля истощалась, урожай оскудевал. Нужно было подыскивать новый участок, где тяжелый процесс подсеки повторялся сначала.

Сколько же земли требовалось обработать крестьянину, чтобы сводить концы с концами — и оброк заплатить, и семена отложить, семью прокормить и скотину-помощницу? Ответ на такой вопрос дают нам сохранившиеся описания крестьянских хозяйств в древних писцовых книгах. Каждое из трех полей в крестьянском хозяйстве занимало площадь в четыре-пять гектаров. То есть крепкая крестьянская семья должна была обрабатывать около пятнадцати гектаров земли. Поэтому соха была в работе почти полгода без перерыва. В апреле начиналась длившаяся до теплых майских дней вспашка поля под яровые хлеба. В мае, оторвавшись от ее до блеска натертых ручек, брался крестьянин за лукошко с зерном и выходил на свежую пашню — сеять. Ходил сеятель по полю босым. На груди лукошко с добрым — сухим и ядреным — семенем. Горсть за горстью бросал землешапец зерна в продольные борозды, прочерченные сохой. Самое главное — чтоб семена легли равномерно, не дай бог, будет, где густо, а где пусто, — не тот будет и урожай от неумелого посева!

Напряженная, требовавшая большой точности работа занимала большую часть мая.

После сева бежала по полю юркая борона — зарывала зерна, прикрывая их теплой землей.

Засеянное поле требовало заботы: вокруг него сразу надо было «огороды городить» от случайных потрав домашним скотом, лосями и кабанами. «Огороды» обычно ставились высокие — «в семь жердей добрых».

Огородив поле — здесь работа была быстрой: жерди приготовлены, столбы в прошлые годы врыты, — земледелец в начале июня вновь брался за соху, пришла пора первой вспашки озимого поля, куда осенью ляжет рожь. Вслед за этим оно бороновалось и примерно месяц оставалось в покое. В это время брался крестьянин за короткую косу-горбушу — травы поспевают к первому укосу.

В конце июня — начале июля вновь ждала работа на озимом поле — вторая вспашка. А еще через месяц, уже непосредственно перед высевом озимых в третий раз шла по нему соха. Без такой

многотрудной настойчивой работы нечего было и думать о сносом урожае.

После скорых осенних дождей дружно всходили озимые, напоминая славный весенний луг. Зеленъ их особенно ярко сияла на фоне желтизны и общего увядания.

Еще до этого вновь обращался крестьянин к яровому клину, наступала пора жатвы. С середины августа она начиналась повсеместно. Трудились все — и мужчины, и женщины, и дети. Основным рабочим орудием становился в эту пору серп. Сжатый хлеб тут же вязали в снопы, дальше путь его шел в овин, построенный чаще всего тут же, рядом с полем. Наземной частью овина был обычный крепкий сруб, в основе которого устраивалась яма с печью. Здесь хлеб сушили и отправляли на гумно — там полным ходом начиналась молотба и веяние. Тут-то рожь, пшеница и становились зерном. Умолоченное зерно свозилось в житницы, амбары, сушила или клетки — хранилища в разных местах большой страны встречались разные. Хранили хлеб заботливо. Под надежной крышей сберегали от влаги.

Стремясь спасти зерно от грызунов, поднимали амбары на столбы-ноги различной высоты.

Из амбаров дорога большей части зерна была одна — на мельницу, а потом львиная доля шла в барские закрома: оброки были велики и тяжелы.

Убрав урожай, снова брался крестьянин за соху, теперь надо вспахать жнивье. Эта работа занимала иногда весь октябрь, а в южных районах и начало ноября. Лишь после этого трудившаяся полгода соха шла отдыхать — до цовой вешней пашни под яровые.

Чтобы свести концы с концами при тогдашнем уровне земледельческой техники, от всей крестьянской семьи требовался ежедневный изнурительный труд. Трудиться приходилось от зари до зари. Страда была непрерывной, длилась с утра до вечера круглый год, менялись лишь виды работ. За вспашкой следовал сев, за севом укос, там приходила жатва, а следом тяжелая молотба. За огородом надо ходить-поливать, охотой заниматься, рыбу ловить да сладкий бортный промысел не бросать, грибы-ягоды собирать. К зиме дрова заготовить, избу починить, загороды на полях поправить, зимой навоз на поля возить, на ближних и дальних ярмарках побывать, продать, что земля уродила, — собирать серебро для хозяина.

Сызмальства участвовали в общем труде крестьянские дети. Помогали на огороде и в поле, собирали хворост в лесу, пасли скот на ближних полянах, помогали по дому.

С 12—13 лет крестьянский сын работал уже наравне со взрослыми, от света до темна.

Мало ли дел у крестьянина! Лапти сплести себе и ребятишкам и то непросто! А тут еще и власть не забывает работу подкинуть! То мост строить — прежний сгнил и рухнул, то новую дорогу торить, а то большое «крепостное строение» затеется, и все должны собирать по дальним и ближним полям «дикое камень» — валуны и на своих изработавшихся лошаденках тянуть в означенное место.

Часто ближних пашен хозяйству не хватало, тогда появлялась пашня дальних полей и лесных участков — «ухожаев». Пахали «наездом», часто тайком от властей и помещика, чтобы скрыть от поборов. Но царские писцы, постоянно посылавшиеся во все районы, такие угоды «сыскивали накрепко, писали и метили», тут же определяя платежи с утаенных земель. В указах своих царь постоянно грозил крестьянам, чтобы они «ничего за собою не таили и земель всяких и угодий не обводили!».

Урожаи тогда были небогаты. Рожь в обычные годы давала в три-четыре раза больше того, что было посеяно, а овес — и того меньше. Случались, правда, удачные годы, когда, особенно на новых роспах, удавалось получить урожай сам-восемь, а то и сам-десять, то есть в десять раз больше того, что посеяно! Но счастливые годы случались редко, а вот худые, голодные приходили гораздо чаще.

Из русских летописей зримо встает тысячелетний перечень этих событий.

Бывало, в страдную пору не ко времени ударял мороз и губил многонедельный труд. Эти годы в летописях отмечены печальными примечаниями, за которыми видится образ народной беды:

«Пришел великий мраз и позябло всякое жито и всякий овощ»;

«Рожь на цвету мороз побил»;

«Мраз побил по всей Русской земле жито во время жатвы»;

«Того ж лета июля всякие ржаные и яровые лютые мразы позябли, а скот, лошади и коровы, с великого гладу помирали многое множество, потому что все сена и соломы поедены без остатку»;

«Побил мороз обилье по всем волостям»...

Не меньше мороза вредили урожаям долгие холодные дожди, шедшие иногда большую часть лета. Хлеб в таких случаях или не вырастал вообще, или гнил на корню.

«Лето было непогожее, а дожди шли великие, и осень была непогожа и был нерод ржи и яри, многие люди и семян не собирали».

«Ветры сильные и дожди великие и мокрота непомерная, а дожди во все дни были».

«Дожди непрестанные и рожь и ярь замокли. Был недород великий хлебного плоду».

«Лето студено да и мокро, и никакое жито не родилось, с тех пор меженина и глад велик».

«Лето и осень все было мокро от множества дождя, обилье погбило...»

Случались и жестокие засухи. Если приходила «сухмень великая», то высыхали водные места, горели леса и торфяные болота. Сгорал на полях и хлеб.

«Того ж лета мгла стояла шесть недель, солнце не видели и рыбы в воде мерли, и птицы на землю падали, не видели летать».

«Был зной великий и жара, а дождя сверху ни единая капля не бывала все лето».

«Места черные на солнце, яко гвозди, и мгла великая была, за единую сажень пред собою не видно, сухмень тогда была великая и зной и жар мног, и земля горела».

«Сухмень и зной велик и воздух курился и земля горела».

«Солнечного сияния на облаках не видно от дымного помрачения».

«От солнечного зноя и всяких жаров хлеб в полях ржаной и всякие овощи погорели и земля от засухи солнечной тоже горела во многих местах в глубину аршин и больше».

Но что бы ни случилось — засуха или заморозки, холодное дождливое половодье или жестокий град, — результат бывал один. Гибли крестьянские упорные труды, возвращенные хлеба, а без них наступал нещадный голод.

Голодные годы выпадали часто. Из каждых десяти лет два-три, а то и четыре года бывали голодными. Каждый крестьянин за свою не очень долгую жизнь жестоко голодал десятки раз, и каждый раз голод длился долгие месяцы — от осени до лета. Голод был знакомым делом, регулярно уносившим, подобно эпидемиям, многие жизни. Но и обычность его не убавляла страха, привыкнуть к нему было невозможно, а пощады он не знал. Болезнь могла миновать и обойти крестьянский дом, а голод нет, он настигал каждого.

«Был глад велик» — это едва ли не самая частая фраза русских летописей, постоянный спутник многих летописных рассказов.

«Был глад велик, яко людям измирать».

«Ели люди сосновую кору, лист липов и иной мох».

«Ели липовый лист и кору, сосну и мох, конину, собак, кошек».

«Глад крепок во всей земле Русской».

«Хлеба было скудно».

«И многие от голода падали и умирали».

«Глад велик зело, множество людей маломощных с голоду мерло».

Только с 1553 по 1584 год голод приходил на Русь девятнадцать раз! Каждый второй год был голодным!

Но как бы ни тяжела была жизнь, приходила новая весна и снова кипела на крестьянских полях трудная необходимая работа: цепляла камни соха, чиркала по ним острыми зубьями борона, широкими взмахами раскидывал земледелец семена по вспаханной ниве. Нежными зелеными ростками пробивалась на пашне новая крестьянская надежда, новый хлеб.

Вторым после хлебного дела стояло в крестьянском хозяйстве животноводство. Главным животным в хозяйстве была лошадь, без которой нечего и думать о сколь-нибудь сносной жизни. Ни вспахать без нее, ни заборонить, ни дров привезти. У большинства крестьян имелось по одной лошаденке, но в больших крепких хозяйствах иногда по две и три.

И лошади, и коровы были в сравнении с современными животными малорослыми. Если ныне мало кого удивит бык весом в 600 килограммов, то в средние века таких попросту не существовало. Животные весом в 300 килограммов считались очень крупными, а средние — того мельче. Разделения пород скота на молочные и мясные не существовало. Хороших пород еще не вывели, хотя в некоторых районах — например, в Вологде, Холмогорах — в XVII веке уже появился скот улучшенных пород, ставших впоследствии знаменитыми на всю Европу.

Об основных породах домашнего скота хорошо позволяет судить состав крестьянских оброков — ведь помещики включали в них все производившиеся продукты. В оброки часто входили большие «полти» (полутуши) говядины, бараны, поярки и овчины, коровье масло, полти свиного мяса, живые и битые поросята, гуси, куры и яйца. А распространенность того или иного продукта в оброках дает представление и о распространенности соответствующего вида животных.

В Новгородской земле XVI века в нехлебной части оброков почти половину стоимости составляли продукты овцеводства, а вот продукты свиноводства — только двадцатую часть. Овец предпочитали разводить потому, что они давали не только мясо, но и шерсть, шкуры, из которых выделялась прекрасная зимняя одежда. К тому же и разводить овец было проще, чем свиней, — кормов надо меньше.

Так было в сельской местности. А в средневековых городах дело обстояло несколько иначе. Археологи при раскопках изучают не только диковинные находки, красивые амфоры, древние мечи и шлемы. Тщательно изучаются, например, и попадающиеся кости домашних и диких животных. При этом чаще всего, как выясняется, попадают кости свиньи. Значит, в средневековых городах, где имелось больше пищевых отходов, а полян и лужков меньше, предпочитали разводить свиней.

А как же содержался скот в крестьянском дворе? Может, кому-нибудь и вопрос-то такой покажется странным — ясно, что в хлевах. Но оказывается, в XV и первой половине XVI века скот обычно содержался под открытым небом, а в лучшем случае в легком плетневом загоне, который для утепления обкладывали навозом. А молодняк — телят, ягнят, поросят — брали в холодное время в избу. Только во второй половине XVI века крестьяне начали строить теплые рубленые хлевы.

Видное место в хозяйстве занимало огородничество. И в городах и в деревнях при каждом дворе были огороды. Капуста, репа, огурцы, лук, чеснок — вот основные овощи крестьянского огорода. С ними соседствовала свекла, морковь, стручковый горох да крепкая редька. К югу от Москвы чуть не в каждом огороде была особая «дынная» грядка, дыни слыли знатным лакомством. А умелые огородники выращивали дыни даже на далеких северных Соловецких островах!

Во многих огородах были уголки, засеянные мятой, чабрецом, тмином, маком. А вот картофель, помидоры и подсолнухи, теперь столь обычные для нас, отсутствовали. Эти американские гости еще не пришли в Европу.

Почти столь же широко, как огороды, встречались на Руси яблоневые сады. Разводили множество сортов: налив, артат, скруп, штрюцель, мирон, бельцы — всех названий, попадающихся в древних книгах, не перечислишь. Кроме яблонь разводили вишню, сливу, малину, смородину. Ну, а собиранием лесных ягод и грибов занимались повсеместно.

Большим подспорьем служили крестьянам рыболовство и охота. Рыбными угодьями Русь была богата необычайно. На севере ловили дорогую красную рыбу — семгу, славившуюся в Европе. По всей стране на реках и озерах стояли деревни «рыбных ловцов» — умелых и опытных рыбаков. Снасти они имели самые разные, простые и сложные, на всякую рыбу свои — неводы, сети, мережи, кереводы, «курицы», бредни, крупноячеистые сети-гарвы на красную рыбу, сиговые сети, плотичьи сети, не говоря уж об удочках, переметах, продольниках и других крючковых орудиях лова.

Часто артелями ловцов строились на реках сложные сооружения — «езы», заплоты, позволявшие задерживать рыбу, направлять ее в нужное место, где расставлялись сети.

Рыбу ловили самую разнообразную — многие десятки названий сохранились в древних документах. Наряду с известными и сегодня — семгой, щукой, плотвой, линею, окуном, лещем, сельдью, ряпушкой, голавлем, шерешпером — попадаются в древних документах и забытые диковинные названия, объяснения которым не найдешь даже в знаменитом Толковом словаре Владимира Даля. Тында, стурион, сырт (про это название В. И. Даль написал: «...старинная какая-то рыба, кажется, вяленая»), гарюс, ладога, мазюн, чудесная белорыбица...

Тысячеверстные пространства в России занимали леса, степи, болота, на севере — дикая тундра. И везде водился самый разный зверь, поэтому охота тоже была важной стороной хозяйственной жизни, помогала крестьянам сводить концы с концами.

Знаменитый иностранный путешественник Сигизмунд Герберштейн утверждал, что в России «звери, убить которых стрелами не составляет особой трудности, водятся в таком огромном количестве, что путешествующие по тем местам не нуждаются для поддержания жизни ни в чем, за исключением огня и соли».

Особенно много охотников было в северных краях, где целые округа кормились «зверем да птицей, да рыбою, да травкою». Здесь добывали ценных пушных зверей: соболей, бобров, куниц, горностаев, черно-бурых лисиц, песцов, росомех, рысей. Бывалые поморы били морского зверя: моржей, тюленей, китов. Промысел этот был опасен, на него решались только очень смелые и ловкие охотники, бывшие к тому же и отличными полярными мореходами. Каждая встреча с китом могла закончиться трагически — мощные животные, разъярившись, не раз опрокидывали ладьи поморов. Непривычного человека встреча с китом приводила в ужас. Вот как описывает ее английский капитан Бэрроу, смелый моряк, заплывший в 1556 году в русские северные моря. «В тот же день к вечеру мы увидели чудовищного кита так близко от нашего борта, что можно было вонзить в него меч или какое-нибудь другое оружие. Но мы не посмели этого сделать из боязни, что он опрокинет наш корабль. Я созвал весь мой экипаж — все мы стали кричать, и от этого крика он удалился от нас. Часть его спины, возвышавшаяся над водою, была величиною со всю нашу пинассу (корабль), а погружаясь, он произвел такой страшный шум в воде, что каждый человек, не зная, в чем дело, был бы чрезвычайно удивлен. Однако, благодарение богу, мы спокойно избавились от него!» Опасной была и охота на крупного зверя: белых и бурых медведей, волков, рысей.

А мелких зверей и птиц ловили петлями-силками, которые расставляли в лесу на охотничьих маршрутах. Силками они назывались потому, что умело прикреплялись к пригнутым сильным ветвям деревьев. При попадании зверя или птицы ветви резко распрямлялись и затягивали петлю. Пушного зверя чаще всего ловили «плашками». Под толстую и тяжелую выструганную из бревна плаху с одного конца подставляли колышек и клали приманку. Зверь залезал под нее, хватал приманку и сдвигал колышек. Плаха тяжело падала и придавливала его к земле. Такие приспособления не портили ценных шкурок, поэтому были распространены повсеместно.

Птиц ловили перевесьями — большими сетями, которыми «перевешивали» заранее найденные места их частого пролета. Подняв сеть, охотник затем спугивал птичью стаю, и та полностью или частично попадала в перевесье.

Особым лесным промыслом было бортничество — добывание меда. «Московия очень богата медом!» — утверждал побывавший в России итальянец Альберт Кампензе. Ловкие бортники жили повсюду, неутомимо ходили по лесам, выслеживая по полетам диких пчел старательно укрытые в дуплах больших деревьев медовые клады. Брать мед надо было умело: защищаясь от пчел, да еще и по сторонам смотреть — не пожаловал бы косопалый!

В XVI веке все чаще и чаще бортники наряду с поисками и собиранием дикого меда стали разводить пчел в ульях и колодах, устраивать пасеки. Кампензе, видно очень любивший московский мед, с некоторой завистью отметил, что в России «поселяне держат домашних пчел близ своих жилищ и передают их в виде наследства». А как любили «медвяные оброки» помещики и монастыри! Где была возможность, там сразу требовали с крестьян эту сладкую, большими трудами добывавшуюся подать.

Жизнь молодой крестьянской семьи, которая отделилась от родителей и пришла на новое место, обычно начиналась со строительства жилья и хозяйственных построек. Эта трудная, часто невыполнимая без помощи соседей работа продолжалась иногда несколько лет. В крестьянских порядных — договорах с помещиками — часто перечислялось то, что должен был построить пришедший на помещичью или монастырскую землю крестьянин.

«Поставити мне, Кручине, со своими детьми, — записано в одной из них, — на своем участке двор — изба да клеть, да сени, да хлев, да сарай, как иные прочие дворы поставлены».

Начинали с избы. Рубилась она из крупных бревен сосны, ели или дуба. Бревна подбирались одно к другому — по три-четыре са-

жени длиной. Немного отступив от края, рубили на каждом конце бревна углубления — «чашки». Клади два бревна параллельно и затем поперек этой параллели укладывали точно в вырубленные «чашки» пару таких же крепких бревен — четыре связанных таким образом бревна составляли первый венец сруба.

Утрамбовав землю там, где решили ставить избу, устанавливали нижний венец. Специальных фундаментов для небольших крестьянских построек тогда не делали. Дальше наращивали венец за венцом, вырубая «чашки» в каждой следующей паре. Назывался такой способ соединения бревен — «в обло». Были и другие приемы.

Быстро росла срубная четырехугольная «клеть», достигавшая обычно семь-восемь венцов, то есть два с половиной — три метра высоты. Щели между подгонявшимися одно к другому бревнами плотно конопатили сухим мхом.

Когда сруб достигал задуманной высоты, переставали класть венцы и продолжали надстраивать сужающимся вверх — к коньку — треугольником боковые стены. Вершины этих бревенчатых треугольников соединяли «князевым» бревном и начинали настилать крышу.

Лучшей считалась тесовая крыша. Тес делали, разрубая вдоль легкие бревна, поэтому тесины были довольно массивными — до десяти сантиметров толщиной. Чтобы не протекала в дом дождевая вода, под них подкладывали широкие берестяные полотна. На верхние концы плотно уложенных тесин, соединявшихся на гребне крыши, накладывали «шелом» — специальное бревно с выемкой по всей нижней стороне. Оно надежно прижимало тесины, не позволяя воде проникать в соединительный шов на гребне.

Более дешевыми, а потому и более частыми в крестьянских дворах были крыши из драницы — длинной щепы, укладывавшейся на основу из жердей. А совсем бедные довольствовались крышей из стойкой к холоду и дождям ржаной соломы, которая тоже верно служила русскому крестьянину многие века.

Потолок внутри крестьянской избы даже в XVII веке еще не делали, только иногда подшивали крышу изнутри досками.

Окна тоже устраивались иначе, чем в более поздние времена. Два маленьких световых окна прорубались в одном из верхних венцов той боковой стены, где была дверь. Были они высотой в одно бревно, свету в дом через них проникало немного. Еще одно окно — дымовое устраивалось под самым коньком крыши. Глиняные печи, располагавшиеся в переднем углу под окнами, в большинстве еще топились по-черному. Дым, поднимаясь под крышу, выходил через верхнее окошко. Труб и деревянных «дымников» в крестьянских

избах почти не было, хотя в хоромах русских феодалов они уже стали привычной вещью.

Полы в избах были в основном земляные, но у многих крестьян, особенно в северных краях, делались и деревянные. Причем все чаще доски не просто укладывали на землю, а настилали на подложные бревна. Такое новшество, во-первых, делало избу теплее — подпол отделял жилое помещение от холодной земли, а во-вторых, появилось место для хранения многих продуктов.

Сбоку от печи устраивались полати, а вдоль стен избы выстраивались широкие врытые в землю или прибитые к полу (на них и спать можно было) лавки. Над лавками тянулись широкие вместительные полки-полавочки, где стояла утварь.

В дальнем от печи углу ставили стол. Подстолье зарешечивали и держали там кур. В этом же углу находилась обычно и божница с иконами. Ее украшали, чем могли, поэтому угол прозвался в народе «красным» — красивым.

В такой избе всегда, даже в самый солнечный день, было полутемно, окна пропускали мало света, особенно зимой, когда они затягивались от холодного ветра бычьим пузырем, а от холода закрывались — «заволакивались» — доской, укреплявшейся в пазах. Чуть светилась лампада в красном углу, бросал на стены отблески печной огонь, а главный свет давала лучина, укреплявшаяся в специальном держателе-светце. Свечей из-за их дороговизны в крестьянском обиходе не использовали.

Нехитро убранство крестьянской избы. Лишь самые необходимые предметы окружали крестьянина. Сработанные своими руками, все они — от березового туюска до конька на крыше — были сделаны с любовью, были удобны и красивы. Покупали только продукты сложных ремесел — железную утварь, иногда дешевые глиняные горшки и кринки, бочки, кой-какие костяные и кожаные изделия.

Каковы же были размеры избы — главной части крестьянского двора? В ней крестьянин появлялся на свет, в ней жил, согреваясь зимой, отдыхая короткими летними ночами, когда работал от зари до зари. Стены избы часто были последним из того, что видел человек на земле перед смертью.

В бедных дворах попадались двухсаженные избушки. Их делали из дешевых бревен, длина которых не превышала двух сажен. Площадь таких жилищ не превышала двенадцати квадратных метров. Но чаще всего избы бывали трехсаженными, то есть строились из бревен в три сажени (около шести метров) длиной. Их внутренняя площадь равнялась примерно двадцати пяти — тридцати квадратным метрам.

Второй по значению постройкой считалась на крестьянском дворе клеть. Это сруб, во многом напоминающий избу, но с одним большим отличием — здесь не было печи, соответственно, и вероятность пожара была несравненно меньшей. Все семейное имущество — одежда, посуда, разные съестные припасы и главное богатство — хлеб — хранилось в клетях, наполненных чистым запахом зерна.

Летом клеть, в которой оставалось уже немного припасов, становилась еще и местом жизни всей крестьянской семьи — сюда переходили из закопченной за зиму избы.

Изда да клеть — две основные, обычно стоявшие рядом постройки двора. Со временем их стали соединять легкими дощатыми или бревенчатыми сенями. Получалось уже сравнительно сложное строение, в котором под общей крышей объединялись жилье и хозяйственная постройка.

Кроме этого, во многих хозяйствах в XVI—XVII веках строились хлевы, сараи, погреба, житницы, амбары, сеники, мшаники, бани-мыльни. Гумно, овин или рига тоже были принадлежностью каждой деревни.

Чтобы все это построить, а потом поддерживать в жилом или рабочем состоянии, требовался большой труд. Отдельная семья часто не могла справиться с такой работой в одиночку, на помощь приходили крестьяне из соседних дворов и деревень. Крестьянские общины, объединявшие жителей отдельных местностей, стремились помочь каждому.

Постройки в городах, особенно у зажиточных посадских людей — торговцев, некоторых ремесленников, у служилых и приказных людей — заметно отличались от крестьянских. Их ставили обычно артели плотников-древоделов.

Труд мастеров ценили.

Мастер-плотник получал 3 копейки в день «кормовых» денег, а печник — даже 4 копейки. То были деньги немалые. Дорого обходилось затеявшему стройку хозяину и материал. Трехсаженный бревно стоило на Москве 13—15 копеек, широкая лавочная доска, аккуратно сработанная топором, — 27 копеек, «мостовые» доски для полов шли по такой же цене. В цене был и «зженный» кирпич для печей — 20 копеек за сотню. В итоге постройка обходилась в десятки рублей, огромная сумма, если вспомнить, что рабочая лошаденка стоила 1—2 рубля.

В усадьбе зажиточного горожанина главной жилой частью была одна, а то и две-три горницы. Так называли высокую, фактически двухэтажную постройку. В нижней ее части — подклете обитали слуги, а в верхней, самой горнице, жила семья хозяина.

Обогревались горницы большими печами, которые имели дымоходы, жилище было чистым, часто украшалось росписями.

В середине XVII века все чаще стали встречаться в зажиточных дворах светлицы. Уже из названия видно, что речь идет о светлом помещении. И правда, самой главной особенностью светлиц были большие окна, закрытые слюдяной оконницей. Слюда состояла из маленьких кусочков, поэтому для окон ее сшивали или оправляли в мягкий металл, составляя красивые узоры.

Еще дороже стоили оконницы стеклячатые — одно окно обходилось хозяину в рубль и дороже!

Чем богаче бывал хозяин, тем более дорогие и замысловатые строения высились в его усадьбе. Срубы в таких «премудрых» хоромах ставились то друг за другом — «стаей», то громоздились друг на друга в несколько ярусов, на каждом из которых устраивались еще разной формы «прирубы» — и четырех-, и шести-, и восьмиугольные. Да еще опоясывали такую сложную постройку «гульбищами» — крытыми навесными галереями для прогулок по всему периметру здания.

Простым, но прочным и хорошо приспособленным к жизни было крестьянское жилище, простотой отличались вещи домашнего обихода и крестьянская одежда. Основная одежда простого человека —

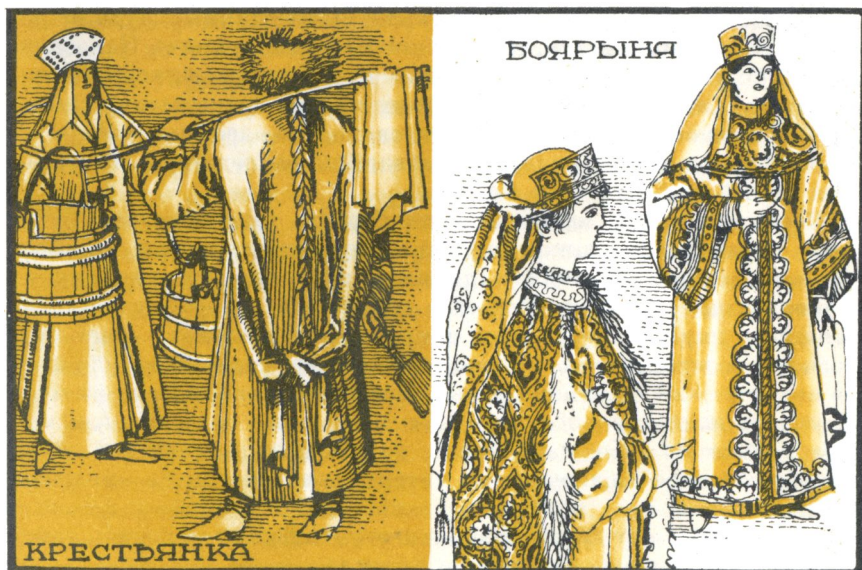

рубаха из грубошерстной ткани или полотна. Шили ее просто — перегибали пополам подходящий кусок ткани и посреди сгиба делали вырез для ворота. Боковины согнутой ткани внизу сшивали, а к верхней их части приставляли рукава. Ворот, подол и рукава украшали вышивкой, по древнему поверью, она оберегала от болезней, потому и помещали ее там, где начинались открытые части тела — шея, руки, ноги. Рубахи шили длинными. Самые короткие (их и носили самые бедные) доходили только до колен. А кто имел возможность, носил рубаху длиной чуть ли не до пят.

Второй главной частью мужского костюма являлись холщовые штаны.

Поверх рубахи часто надевали зипун — распашную одежду наподобие легкого плаща или халата. Он доходил до колен, имел узкие рукава, вокруг талии опоясывался узорчатым пояском. Воротника у зипуна не было, но часто пристегивали к вороту расширенный воротник-ожерелье.

Длинных распашных кафтанов, хорошо известных всем из сказок, у крестьян не водилось. Это была одежда богачей, яркая, с высоким стоячим воротником-козырем, его расшивали золотым шитьем, украшали жемчугом. С тех пор и пошло выражение — «козырем ходить», то есть красоваться.

На ногах крестьяне носили в основном кожаную обувь, мягкие сапоги из некрашеной желтоватой кожи или короткие калуги, подвязанные тесемками. Лапти были не столь распространены, как это обычно считается, и использовались только как рабочая обувь на пашне, сенокосе, скотном дворе. Их нет ни на рисунках XVI—XVII веков, ни в записках иностранцев, которым они, конечно, бросились бы в глаза. «Лапотным» крестьянство стало позднее, когда вконец задавила его феодальная эксплуатация и нужда.

На голову крестьянин обычно надевал незамысловатую войлочную шляпу, имевшую форму усеченного конуса. А вот богачи — те носили шапки самые разные. По дому ходит — на голове маленькая шапка-тафья, чуть макушку закрывает, а расшита золотом, жемчугами. На улицу собрался — подавай высокую «горлатную» (сшитую из горлышек куниц, соболей или лис), расширяющуюся кверху шапку. Чинно вышагивал в ней богач, спесиво задрав голову. А коли жарко на улице, наденет белый колпак из заморской ткани, усеянный пуговицами из серебра, золота, жемчуга.

Осенью и зимой в крестьянской одежде появлялись теплые вещи — сермяги, длинные кафтаны из грубого некрашеного полотна, овчинные или заячьи кожухи и шубы, мехом обязательно вовнутрь.

Основной одеждой крестьянок тоже были длинные, чуть не до земли полотняные рубахи, только сшитые немного иначе. Надевали их обычно две-три — одна на другую. Рубахи украшались вышивкой, бусами, иногда мелким речным жемчугом, бронзовыми нашивками. Украшения все берегли тщательно, поколениями собирали жемчужинку к жемчужинке, передавали по наследству — от матери к дочке, от бабушки к внучке.

Верхняя одежда женщин была гораздо разнообразнее мужской: сарафаны, летники, шушуны, душегреи, шугаи... Зимой главной одеждой становилась длинная шуба, ее носили внакидку. Разнообразнее были и головные уборы. По твердому обычаю женщины никогда не ходили с непокрытой головой, даже при близких родственниках плотно уложенные косы были спрятаны под похожий на чепчик белый повойник. Поверх него, выходя на улицу, надевали либо нарядную кпку с высоким изукрашенным «челом», либо сложенный треугольником цветной платок-убрус, либо шапочку с матерчатым верхом и меховой опушкой.

Обувь женская у крестьянок мало отличалась от мужской, лишь была более изящной, да чаще ее красили.

азгромленное когда-то татаро-монголами русское ремесло к XVI—XVII векам обрело былую силу. Обработка дерева, металла, глины, тканей, кожи достигла высокого уровня, а ремесленные специальности исчислялись уже не десятками, а сотнями. Во многих городах возникли целые улицы и слободы, заселявшиеся артелями мастеров, — Кузнечные, Плотнические, Зелёные и прочие. Из поколения в поколение отрабатывали русские ремесленники приемы обработки разных материалов и достигли того удивительного совершенства, когда даже обиходные хозяйственные предметы становились произведениями искусства.

Главным и самым распространенным материалом в эти столетия оставалось дерево. Русь по-прежнему была деревянной. Деревянные изделия окружали русского человека от рождения до смерти. Жизнь начиналась в подвесной деревянной люльке, а умершего хоронили в долбленной деревянной домовине. Из дерева строилась и холопья полуземлянка, и боярские хоромы, не говоря о хозяйственных постройках. Деревянными были купеческие суда и рыбацкие лодки, царские кареты и крестьянские телеги и сани, мостовые и изгороди, многие орудия труда — у сохи лишь насошник бывал железным, а борона чаще всего не имела ни одной металлической части. Из дерева выделялась большая часть домашней утвари — от бочки до ложки.

Чтобы управляться с деревом, нужно было уметь выбрать для построек и поделок необходимый материал, знать свойства разных древесных пород, создать большой набор самых различных инструментов — одних топоров было больше двадцати типов, от тяжелого лесорубного до легкого и верткого топорика для резьбы.

В это время уже сильно развилась среди мастеров-древделов специализация. Одни только заготавливали лес нужного сорта, бересту, лыко, другие делали только крупные плотницкие работы, третьи занимались внутренним обустройством зданий, четвертые выделяли транспортные средства: сани, телеги, лодки, — пятые — бочки, а иной только тем и занимался, что искусно строгал деревянные чашки да ложки, тем зарабатывая на хлеб.

Древдельных специальностей образовалось большое число: плотники, токари, ковшечники, колесные мастера, санники, тележники, корабельщики, бондари, ложечники; мастера «от рези» — резчики, мостники, оконничники, посудники, судописцы, расписывавшие посуду, и даже крестечники — мастера по изготовлению кладбищенских крестов.

А уж названий деревянных изделий и не перебрать! Ковши тверские, ложки кирилловские, братинки корельские, ставцы вологодские, ветлужские дубовые бочки, солоницы-уточки, блюда осиновые, репчатые ковши большие, средние и малые, крашенные стаканы, стопы, чарки, фляжки... Кадки, корыта, лохани, шайки, жбаны, чаны, квашенки, подойники, маслобойки... Лукошки, сита, туюски, коробы... Прялки, веретена, ткацкие станки... Из лыка плелись дорожные «переметные» сумы, лапти, короба, кули и рогожи. И «многое множество», как любили тогда говаривать, других изделий, ныне забытых даже по названиям, делались из дерева.

Не прост был и не многим давался железоделательный промысел. В дальних болотах и мхах пластами лежали железные болотные руды. Поиск их вели мастера-рудознаты. Их главным орудием был хорошо очищенный и заостренный деревянный кол. Бродя по болотам, мастер «щупал» землю колом — с усилием прокалывал глубокие скважины и чутко слушал и чувствовал, как идет кол в неведомую болотную глубину. По особому, лишь ему известному звуку, по цвету налипших на дерево частиц определял знаток наличие руды. А если видел, что частицы эти напоминают заветную руду, то пробовал их еще и на вкус. Кисловатый привкус был верным рудным знаком. На этом месте сдирали мох, снимали дерн и находили рудную залежь. Слой ее толстым обычно не бывал — десять—двадцать сантиметров, редко достигал полуметра. Руду добывали, складывали в кучи, а просушив, здесь же, на месте добычи прожигали, отделяя ненужные шлаки, и лишь затем везли к домницам. Там руду плавили, получая в результате мягкие железные крицы — сырье для дальнейших кузнечных проковок.

Путем долгой проковки и закалки из криц получали сталь разного качества и уж из нее только ковали оружие, орудия труда, инструменты и разные домашние изделия. Перечень их велик — тысячи наименований. От булатного меча до кухонного ножа, от пушечного ядра до иголки, дверной петли, бочоночного обруча, замка, подковы, плужного лемеха, шила и малого гвоздя — не перечислить всего.

Лучшей сталью, шедшей только на изготовление дорогого оружия, считался булат — углеродистая сталь, прокованная лучшими мастерами-кузнецами тайными способами до сказочной крепости и тонкого стеклянного звона.

А во времена Ивана III едва ли не самым почетным, потеснив кузнечное дело, стало дело литейное. Значение его поднялось с расцветом артиллерии — знаменитого «огненного боя». Она появилась на Руси еще за век до этого, но пушки сначала покупали в дальних

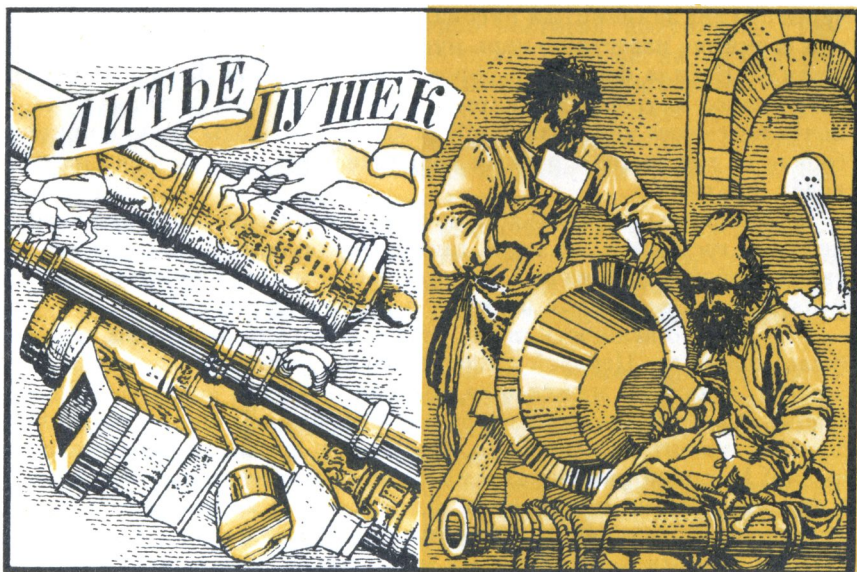
странах. Позднее было налажено производство пушек в Москве. Первоначально орудия выковывались из железа. Длинные, как слоновыи хоботы, они были из-за неоднородности металла малопрочными и часто разрывались при выстрелах. Да и стреляли недалеко — метров на триста — четыреста, беспорядочно и неприцельно разбрасывая ядра. С конца XV века появились бронзовые литые пушки — древнейшее из известных русских орудий относится к 1485 году. В это время на Руси изготавливали уже самые разные виды орудий. И легкие пушки на колесах для походов и полевых сражений, и потяжелее — для обороны крепостей, и «великие стенобитные» — для штурма мощных цитаделей. Каменные укрепления замков и крепостей делались все более толстыми. И чем крепче они становились, тем более крупные пушки требовались для их разрушения. Иногда такие орудия достигали внушительных, поражающих людей того времени размеров. Одну из них, по рассказу летописи, возили на сорока телегах! Такую пушку, бывало, готовили к выстрелу несколько часов — долго набивали порохом, закатывали в ствол тяжеленное ядро. Поэтому из больших стенобитных орудий делали всего по три-четыре выстрела в день. Но и этого хватало, чтобы сокрушить стены, а дальше вступали в бой штурмовые отряды и довершали дело. В 1488 году отлили для этих целей на московском пушечном дворе тысячепудовую «великую пушку», ставшую чуть не самой большой в тогдaшнем мире. А еще через сто лет знаменитый русский литейщик Андрей Чохов изготовил всемирно известную царь-пушку, стоящую ныне в Московском Кремле. Веса она почти сорок тонн, а длиной была почти пять с половиной метров. Ядро царь-пушки весило пятьдесят два пуда — почти восемьсот килограммов! Московские воеводы думали приспособить ее для защиты речных переправ через Москву-реку на подходах к Кремлю.

Иностранцы с завистью отмечали, что ни один из западноевропейских государей не имел такого числа пушек. «В Кремле, — тайно сообщал один из них, — стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма красивые!»

Вторым по важности после пушек и мортир литейным товаром были колокола. Церквей существовало и строилось великое множество, и каждой нужен был не один и не два колокола. Только в Москве насчитывалось в середине XVI века не меньше четырехсот храмов, значит, колоколов в них висело никак не меньше пяти тысяч! Крупнейшими центрами их производства являлись наряду с Москвой Псков и Новгород. Лили здесь и малые колокола для деревенских церквей и огромные массивные, каждый со своим особым голосом — для богатых монастырей. Для Соловецкого мо-

настыря в середине XVI века отлили колокол весом сто семьдесят пудов, почти две с половиной тонны! Для Кирилло-Белозерского монастыря — и того больше: четыреста пудов — шесть с половиной тонны! Но всех превзошли новгородские мастера — отлившие колокол Благовестник весом в восемь тонн! Недешево обходились эти монастырские заказы. Двухсотпудовый колокол стоил примерно 400 рублей. Полтысячи крестьянских хозяйств должны были трудиться целый год, чтобы оплатить его покупку. А чтобы отливать такие колокола, требовалось, как и в пушечном деле, сложное производство со многими специалистами: каменщиками, кузнецами, плотниками, литейщиками, формовщиками и множеством чернорабочего люда.

По мере развития огнестрельного оружия все более важным и значительным промыслом становилось изготовление пороха. Порох в те времена называли зельем, а тех, кто занимался его изготовлением, прозывали зелейными мастерами. Пороховые мастерские появились во многих городах: Пскове, Новгороде, Воронеже, но самая большая зелейная мастерская, где трудились сотни человек, была в Москве. Промысел этот считался очень опасным. В мастерских часто случались взрывы и пожары. Самая большая из известных катастроф произошла в Москве в 1531 году: «...загорелось

внезапно зелье пушечное на Москве, на Алевизовском дворе — делали его на том дворе градские люди. И сгорело делателей тех от зелья того в один час более двюсот человек!» Но работа эта была необходима, она неуклонно расширялась, все в новых и новых местах появлялись зелейные мастерские и мастера.

Многие промыслы требовали великого умения. В северных местах, например, издревле процветал соляной промысел. Раствор, из которого выпаривали соль, уже в XVI веке добывали подчас с глубины двухсот — трехсот метров. Соорудить скважину или, как тогда говорили, «сделать трубу» такой глубины было делом не только очень тяжелым, но и архисложным. При ее создании счет шел на годы — шесть—восемь лет круглосуточно трудились артели трубных мастеров! Правда, и ценилась «труба» дорого — подчас в тысячу и больше полновесных серебряных рублей. Тысячный табун лошадей можно было купить на такие деньги. В других местах, например в Старой Руссе, добивались до солевого раствора проще — здесь встречались «озерки соленые ключевые».

Выпаривали раствор в огромных железных сковородах — цренах, подвешенных над жаркой большой печью. Труд солеваров у огнедышащих печей в задымленных черных варницах был тяжел.

Сюда владельцы варниц — монастыри и вотчинники — загоняли подневольных крестьян или нанимали обездоленных бобылей. Они должны были и дрова в огромных количествах запасать, и рассол качать, и варить соль, и грузить тяжелые мешки на суда, везти товар, куда скажут, разгружать. На рынках и ярмарках серая соль превращалась в звонкое серебро. Владельцы соляных промыслов богатели неимоверно. Так, именно от соляных промыслов Соли Вычегодской пошло начало сказочным богатствам купцов Строгановых.

Бурно шли в рост и другие ремесла: гончарное, ювелирное, кожевенное, бумагоделательное, стекольное... В XVII столетии задумали в России первые мануфактуры, к концу века их насчитывалось больше трех десятков.

ТОРГОВЫЕ ХЛОПОТЫ

се товары и продукты — и возвращенные упорным хлебопашцем, и добытые удачливым промысловиком, и сделанные умелыми руками ремесленника — попадали в руки помещика, монастыря, а от них частью переходили к тороватым купцам, торговавшим со всеми странами света.

В русских северных и западных портах нанятый за скудную кормежку гулящий люд грузил торговые корабли. В земли немецкие, брабантские, цесарские, шпанские, французские и прочие купцы везли самые разные товары.

Рекой текло на Запад русское зерно; тяжелые мешки с ячменем, пшеницей, рожью, гречневой крупой были обычным торговым грузом. Других съестных припасов тоже вывозилось разнообразное множество. Целые корабли, бывало, набивали сушеной на вешалах треской — немцы давали за сотню рыб по полтора рубля. Соленую треску везли тысячами бочек. На Мурмане скупали их по 7 гривен за бочку, а в Брабанте продавали уже по 4 золотых и дороже.

Еще выше ценилась славная русская семга. За бочку, в которую вмещалось двадцать крупных рыбин, давали 4 рубля. Этот товар ценился особо за качество и долгую сохранность. Разрезанные с хребта рыбины тщательно промывали чистой водой, вялили, а потом круто солили — на пять бочек рыбы шла бочка соли. Через несколько дней бочку крепко заколачивали — товар был готов. Приготовленная таким образом рыба хранилась по четыре года и более.

Соленое говяжье мясо, произведенное на Руси, тоже любили в немецких землях, не скупясь, платили по 2 рубля за бочку. Коровье масло доставалось купцу на Руси по 20 алтын за пуд, а в Испании стоило вдвое дороже. Свиные окорока на Руси долгое время солили, но при этом не коптили на дыму. Немцы такой товар не брали. Тогда стали по заказам купцов эти добротные жирные «полти» «дымом коптить и вывешивать над дымом» — еще один ходкий товар появился.

Упираясь, тащили грузчики по настилам скользкие восьми-пудовые бочки с китовым, акульим, тресковым и всяким другим морским салом. В Брабанте бочка такого сала, шедшего на изготовление мыла, стоила 4 рубля, а в Испании — восемь. И мыло русское, из лучшего сала сваренное, было в цене. На те же пропахшие ворванью корабли тащили и связки кож — тюленьих, моржовых. В каждой связке по десять штук, цена им в иных землях полтора серебряных рубля.

Много текло на Запад изделий разных промыслов и ремесел.

Везли воск, из которого делали особо ценившиеся свечи; по 6 рублей за пуд брали в далекой Испании. А пуд чесаного русского льна стоил 2 рубля, пуд трепаной конопля — по рублю.

Изготовленные на Руси крепкие морские канаты, «сквозе смолу волоченые», стоили полтора рубля пуд. Охотно покупались для западной промышленности еловая чистая сера, деготь, черная нефть, серая едкая зола, клей-карлук, семянное масло, канатная пряжа, вар и многое другое.

Но самым ценным товаром были, конечно, сказочные русские меха. Песцов белых на Мурманском берегу оборотистые купцы брали по 5 алтын за штуку, везли, к примеру, в Брабант и там продавали по 4 гривны, в несколько раз дороже. Куниц на Руси в XVII веке брали по серебряному ефимку за штуку, а в Европе за каждую брали золотой. Шкуру росомахи купец покупал обычно за 3—4 ефимка, а в Англии брал с покупателя по 4 рубля, вдвое выгадывал.

Волчьи, беличьи, заячьи, медвежьи, оленьи, лосиные, коровьи шкуры, овчины, норки, выдры, горностаи — любой мех из Москвы в западных странах ценили, брали с охотой. Кошачьи шкуры и те покупали с удовольствием — за сорок штук по 4 рубля давали за них в Брабанте и, поспешая, везли дальше — во Францию и Италию, где перепродавали с выгодой.

Выше всего ценились, разумеется, соболиные и бобровые меха. Соболи, которых в Пермской земле покупали по 10 рублей за сорок штук, на Мурманском берегу стоили уже 25 рублей, а в европейских странах продавались только на золото. Особо ценились соболя

«с глаза, с пупки и с ногти», то есть с лапками и стеклянными глазами — «немецкие жены их на вороту носят». А «бобр черной», на Руси стоивший 2 рубля, продавался за границей в три-четыре раза дороже.

В восточные и южные страны везли пушнину, мед, воск, оружие, кожу, железные и деревянные изделия, седла, уздечки, топоры, иглы, зеркала, одежду, серебро и изделия из шерсти. Назад возвращались с хлопчатобумажными и шелковыми тканями, пряностями, гнали скот. Особенно много пригоняли лошадей. Вот лишь несколько отрывочных свидетельств: осенью 1527 года только из Ногайской орды на Русь пригнали 20 тысяч коней, в 1529 году — 80 тысяч, в 1530-м — 30 тысяч, в 1533-м — 50 тысяч!

Во все концы света бежали быстрые купеческие корабли, шли караваны через степи. Русская торговля крепла год от года.

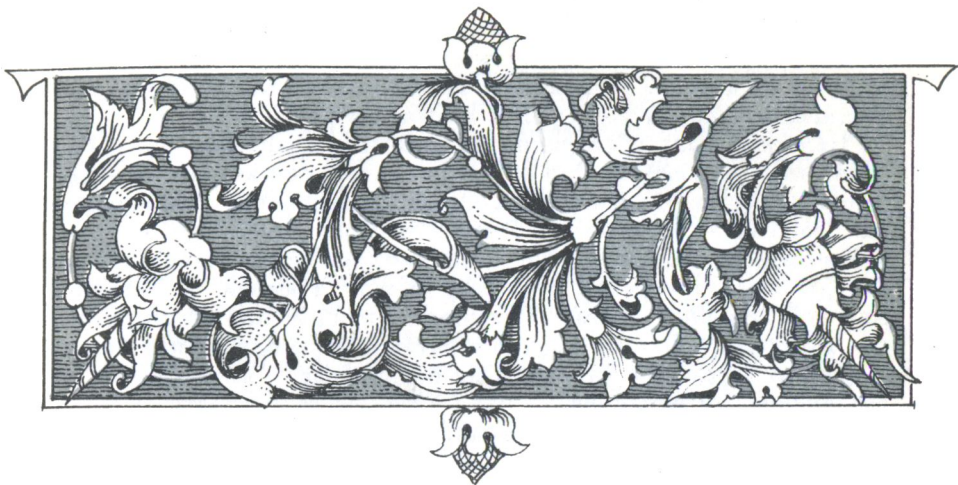

глава 3

ГРОЗНЫЙ ЧАС

ТУЧИ НА ГРАНИЦАХ

середине XVI века созрели плоды вековых московских усилий в деле собирания земель и укрепления Российского государства. В первой четверти века окончательно присоединились к Москве старинные области — Псков и Рязань.

В 50-е годы были сокрушены довлевшие над Поволжьем мощные ханства — Казанское и Астраханское, осколки некогда единой Золотой Орды.

Территория страны к этому времени достигла 4 миллионов квадратных километров, путь из края в край — от знойных степей до суровой кольской тундры — занимал много месяцев. Россия быстро стала могущественной державой тогдашнего мира.

Московия теперь крепко противостояла и крымскому хану, и турецкому султану, угнетавшему многие народы.

Надеясь на заступничество Руси, многие малые племена, изнемогавшие от феодального хищничества, обратили свои взоры к Москве.

В 1555 году Ногайская орда предложила Руси быть «заодин на всех недругов». Еще через несколько лет впервые запросил у Москвы спасительного союза сибирский хан Едигер. В эти же годы обратились с просьбой «оборонить» их земли от крымского хана и османского султана черкесские князья. Иван IV обещал им «беречь, как возможно».

Чтобы обезопасить страну от вторжения с юга, Россия вынуждена была начать строительство гигантской Засечной черты, узлами обороны на которой становились возникавшие одна за другой крепости Воронеж, Курск, Орел и многие другие.

Нелегкой была и ситуация на западных границах. Здесь развитие торговых связей России сдерживалось своекорыстной политикой немецкого купечества. Торговое объединение северонемецких городов — знаменитая Ганза — не раз прибегало в союзе с агрессивной Ливонией к торговой блокаде России. Используя все выгоды посреднической торговли между Россией и Западной Европой, сплошь и рядом за бесценок скупая русские товары, чтобы тут же перепродать их с десятикратным барышом, Ганза никого к прямой торговле с русскими не подпускала — ни англичан, ни голландцев, ни испанцев.

Всякий русский товар проходил сначала через ее жадные руки и сладким золотым звоном отдавался в ушах жиреющего ганзейского купечества.

Сохранять такое положение позволяло то, что Россия имела небольшой и очень узкий выход на Балтику — устье Невы и кусок прилегающего к нему побережья. Торговые пути на Запад уже на первой сотне миль были прочно перекрыты силами шведов, Ливонии и немцев.

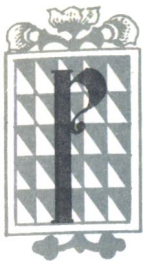
Чтобы коренным образом изменить дело, Россия стала налаживать торговое мореплавание на Севере.

Еще в XV веке бесстрашные поморские мореходы освоили трудный северный путь на Запад вокруг Норвегии. Затем русские познакомили с ним англичан. В 50-е годы XVI века на этой трассе начались регулярные плавания. Английские купцы получили «пристанища корабельные» в устье Северной Двины, право торговать по всей России, а на Москве учредить английский гостинный двор.

Но северный путь был дальним и трудным, большую часть года закован льдом. По-прежнему русская торговля напоминала гиганта, которого крепко спеленали путами грабительского посредничества ганзейские купцы, не давая ему не только самостоятельно двигаться, но и дышать полной грудью. А растущая экономика настоятельно требовала расширения товарообмена. Ремеслу не хватало металла.

Бурно развивавшиеся товарно-денежные отношения требовали притока золотой и серебряной монеты. Окрепшее дворянство не прочь было вслед за родовитыми боярами приобретать все больше и больше привозного оружия, богатых одежд и предметов роскоши.

еальный, безопасный, надежно обеспеченный защитой выход к морю стал настоятельной потребностью выросшей страны. Но на пути России стоял агрессивный Ливонский орден. Еще в XIII веке рыцари огнем и мечом покорили многие прибалтийские племена: ливов, леттов, эстов, земгалов, куршей. А затем крестоносное рыцарство начало разорять непрерывными походами соседние литовские и русские земли. Веками длившееся противостояние России и Ливонии то обострялось, то временно затухало. Противоречия накапливались.

Положение обострилось, когда ливонский магистр Фюрстенберг в сентябре 1557 года заключил союз с польским королем Сигизмундом II Августом. Договор был направлен против Москвы, поэтому возникла угроза новой войны.

Она началась в январе 1558 года, а к лету боевые действия развернулись с полной силой.

Ливония затрещала, как ветхий сарай под напором урагана. 11 мая сдалась Нарва.

В июне сложили оружие гарнизоны нескольких мощных замков.

19 июля пал Дерпт (Юрьев).

Немецкие феодалы-рыцари, безжалостно угнетавшие трудолюбивых эстов, в панике бежали из многих замков, а местное население доброжелательно встретило русские войска. Фактически совершился добровольный переход прибалтийских народностей на сторону России, что немало содействовало успехам русских войск, их быстрому продвижению в сторону Ревеля (Таллина) и Риги. Взять их, правда, в 1558 году не удалось, и эта задача была перенесена на кампанию 1559 года.

Однако кампании практически не последовало! В это время русским правительством была совершена, пожалуй, самая большая внешнеполитическая ошибка за весь XVI век. Последствия ее оказались чрезвычайно тяжелыми. Дело в том, что в эти годы внутри правящей московской верхушки произошел глубокий раскол в вопросах внешней политики. Посольский приказ, во главе с набравшим силу дьяком Висковатым, предлагал продолжать линию на дипломатическое замирение агрессивных южных соседей, прежде всего крымцев, а военные силы бросить на борьбу с Ливонией, чтобы основательно решать балтийский вопрос. Висковатый и сумел убедить царя начать войну с внутренне слабой Ливонией. Он и его сторонники не без оснований полагали, что Ливония может быть сокрушена и это коренным образом изменит обстановку

на Балтике, откроет широкие пути русской торговли, обеспечит прямые связи с любой европейской страной. Кроме того, царские служилые люди зарились на хорошо освоенные земли Прибалтики, рассчитывали там пожить поместьями и вотчинами, осесть надолго.

И действительно, время для решения южных проблем тогда еще не наступило, поскольку сил на юге едва хватало для кое-как налаженной обороны, опорных пунктов не было. Начав серьезную войну с Крымом, Россия уже на первом этапе неизбежно столкнулась бы и с турецким султаном, а с ним бороться, не имея флота на Черном море, было бессмысленно.

Царь склонился к началу войны в Ливонии, результатом чего и была победная кампания 1558 года.

Иначе думал о главной линии внешней политики глава Избранной рады, правившей уже почти десять лет, Алексей Адашев. Надо двигаться на юг! — утверждал он. На юге лежали манившие феодалов тучные черноземы степей и выгодная торговля с богатым Востоком.

Надо, говорил Адашев, силой «замирить» крымского хана, «перекопского царя»! Может быть, даже вообще сбросить его в море и восстановить южные древние границы Киевской Руси, упиравшиеся в Черное море!

Военные дела в Ливонии пошли легко и быстро — успехи 1558 года опьянили 28-летнего царя Ивана. Ливония казалась карточным замком, сокрушить который можно даже жердью из ближней ограды. В этой обстановке настойчивость Адашева вдруг дала плоды, горечь которых ощутилась значительно позже.

В марте 1558 года русские неожиданно предложили уже размышлявшим о капитуляции ливонцам перемирие на полгода! Сняв из Ливонии почти все войска, царь двинул их на юг, на войну с Крымом.

Итак, не закончив одной войны, раздираемое спорами правительство опрометчиво ввязалось в другую. Такое случилось, пожалуй, в первый раз за два столетия. Стержнем продуманной московской политики в течение долгого времени было стремление не допускать объединения или одновременного нападения западных и южных врагов. В далеком 1380 году Дмитрий Донской, навязав Мамаю генеральное сражение всего за одни сутки до соединения татар с мощным войском польского короля Ягайло, одержал одну из величайших в русской истории побед. Ровно сто лет спустя Иван III с помощью тонких и точных дипломатических и военных маневров не допустил совместного похода на Москву золотоордынского хана Ахмата и польского короля Казимира и,

одолев ордынцев в знаменитом «стоянии на Угре», освободил Русь от ига.

И вот теперь по собственной неразумной воле Иван Грозный ввязался в войну на западе и на юге, перечеркнув давнюю и плодотворную традицию русской внешней политики.

Перемирие 1559 года с Ливонией имело пагубный для хода Ливонской войны характер. Магистры ордена воспользовались неожиданным подарком самым наилучшим образом. Понимая, что Ливония уже не в состоянии в одиночку противостоять России, рыцари отдали Орден под «протекцию» польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду II Августу. А епископ острова Эзель (Сааремаа) передал свое владение заботам короля далекой Дании, который сразу же прислал на остров своего брата герцога Магнуса.

Локальный русско-ливонский конфликт стремительно разросся, приобрел европейский масштаб. Вместо слабой Ливонии, России теперь противостояли несколько сильных держав.

Грозный понял ошибку, да было поздно. Активность действий на юге была резко сбавлена. Но все, что смог сделать самодержец, это «опалиться» на Адашева, давшего царю такой совет. Иван приказал ему лично возглавить новый поход на Ливонию. И хотя изю всех сил старавшийся Адашев повел дела неплохо и сумел взять крепость Феллин, раздражение царя против фактического главы правительства нарастало. В августе 1560 года было объявлено о назначении Адашева воеводой завоеванного городка. Это была, выражаясь современным языком, отставка главы правительства.

Адашев не пережил своего падения. Скоро он заболел — «впал в недуг огненный» — и умер.

Жизнь текла дальше. Начало 60-х годов для хода войны выглядело как будто бы благополучно. Со шведами, стремясь обезопасить северо-запад, заключили 20-летнее перемирие. Правда, оно не продержалось и двух лет — пересилила алчность шведских феодалов, зарившихся на русские, карельские, эстонские земли Прибалтики.

На юге несколько дерзких рейдов в сторону Крыма утишили разнузданный нрав «перекопского царя».

А вот попытки добиться мира на западном направлении оказались безуспешны — Великое княжество Литовское и Польское королевство оставались резко враждебными России. Война продолжалась.

В ноябре 1562 года Иван Грозный сам возглавил поход на запад. Под царские знамена созвали почти все наличные силы — 18 тысяч

конных дворян, каждый из которых привел одного-двух боевых холопов, 7 тысяч стрельцов да 6 тысяч служилых татар — всего больше 50 тысяч человек! Шли в направлении Полоцка. Эта крепость была замком, запиравшим путь по Западной Двине, и прикрывала стратегически важный путь на столицу Литовского княжества.

Огромное войско не вмещалось в узкие дороги. Обозы вязли в снегах, то и дело на многокилометровом марше возникали заторы. Все это раздражало спешившего вперед царя. Доходило до того, что он не раз самолично бросался «разбирать людешек» в дорожных пробках.

В первых числах февраля, потратив несколько недель на путь от Великих Лук до Полоцка, хотя разделяет их всего 160 километров, русская армия подтянулась наконец к стенам крепости. Расставив мощную артиллерию, воеводы быстро сокрушили стены полоцкого острога, и обороняющиеся отступили в последнюю цитадель — Верхний замок.

13 февраля орудия через завалы битого кирпича и камня были втащены внутрь разрушенной крепости. Двое суток тяжелая канонада сотрясала полоцкие окрестности — то шел методичный обстрел Верхнего замка. Цитадель горела во многих местах, рыцари несли большие потери. 15 февраля полоцкий гарнизон сдался на милость победителя.

Царь был рад и горд. Военный успех так окрылил его и показался таким значительным, что он приказал включить дополнение в свой титул. Теперь он стал еще именоваться и «великим князем полоцким».

Но в действительности это был временный успех, мало повлиявший на общий ход войны. Уехав из армии, царь приказал воеводам наступать дальше, но никакого наступления не вышло — ни сразу, ни потом.

После полоцкой вспышки военных действий потянулись месяцы и годы вялой, но изматывающей войны. Швеция же, пользуясь ослаблением России, все глубже влезала в Прибалтику. В 1564 году она захватила Ревель (Таллин), Пярну и другие города Эстонии. Литовские войска терзали русское приграничье, захватывая то одну крепость, то другую. Крымский хан Девлет-Гирей пиравал на южных окраинах, войска его подкатывались даже к Рязани.

Но неудачи в приграничных областях, как показало будущее, были лишь прелюдией к более серьезным поражениям. В 1571 году 40-тысячная армия крымцев напала на Москву. Неожиданно появившись из глубины степей, татары быстро подошли к Оке.

Царские воеводы едва успели прикрыть переправы. Но хан не захотел тратить время и силы на их штурм. Совершив обходной маневр, он зашел на Москву с запада. Разорив подмосковные села и слободы, народ которых сбежался в Москву, татары тихим майским утром подожгли московские предместья и посады. Высоко к небу поднялись столбы огня и дыма.

А в середине дня вдруг поднялась невиданная буря! Пламя и жар метнулись через крепостные стены — один за другим занимались огнем московские дома. По всему городу поднялся тревожный колокольный звон. Но скоро стали смолкать колокол за колоколом — рушились одна за другой охваченные огнем звонницы, а на каменных — звонари задыхались от жара. Пожар подобрался к башням Кремля и Китай-города. Загрохотали мощные взрывы — то рвались пороховые погреба. Люди в панике метались по городу, огромные толпы кинулись к северным воротам, около них возникла страшная давка. «В три ряда шли по головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними».

Три часа бушевал огненный смерч. Столица выгорела дотла, тысячи людей задохнулись и погибли в огне. Пожар был столь грандиозен, что Девлет-Гирей, поразившись «пожарному зною», приказал отступить от столицы.

Через несколько дней опасно вернулся в столицу Грозный. Города не было — он лежал в пепле и развалинах. «Не осталось ни одного деревянного строения, даже шеста или столба, к которому можно было привязать коня». Царь осознал, что доведенная до разорения страна не в силах вести борьбу на западе и на юге. Он сообщил Девлет-Гирею, что готов отдать ему Астрахань, если тот заключит с Россией союз против ее западных и северных противников. Хан ответил отказом. Он полагал, что до полного крушения России остались считанные месяцы. Разоренная войной, голодом, чумой и безумными внутренними погромами, страна уже многим казалась легкой добычей. Положение России становилось критическим, каким не бывало, наверное, уже целый век — со времени решающей схватки с Золотой Ордой.

Прошел год, и хан самонадеянно решил покончить с Москвой. После прошлогоднего триумфа он был настолько уверен в успехе, что накануне похода разделил между мурзами города и волости Руси.

В мае 1572 года 50-тысячное ханское войско, усиленное турецкой артиллерией, вновь появилось у Оки. Броды через нее оказались надежно прикрыты. Вдоль реки тянулась цепь укреплённых засек. Правда, войск у русских было гораздо меньше — удалось собрать к сроку 12 тысяч служилых дворян, 2 тысячи стрельцов

да около 4 тысяч казаков. Но каждый русский воин хорошо понимал, что ныне речь идет не о частных делах, а о судьбе Отечества.

Командовали армией воеводы Воротынский и Хворостинин. В июле татары начали активные действия. Одна часть их войска прорвалась к Туле, а другая сумела захватить знаменитый Сенькин брод через Оку у Серпухова. Ханская конница стала быстро переправляться. Кинувшийся было туда со своим полком Хворостинин вынужден был уклониться от боя — слишком неравны были силы. Он принял другой план — скрытно двинулся следом за татарами, выжидая удобный момент для нападения. Вступить в бой полку пришлось, когда до Москвы оставалось всего 45 верст, — внезапный удар русских обратил в бегство отряды, которыми командовали ханские сыновья. Девлет-Гирей немедленно бросил в район завязавшейся битвы 12 тысяч отборных всадников. Хворостинину ничего не оставалось, как принять бой с втроекратно превосходившим его по численности противником. Он сделал это сознательно, дав основным силам русских не только подойти к месту сражения, но и установить передвижную деревянную крепость — «Гуляй-город». Когда она была установлена, Хворостинин стал отступать к ней, увлекая за собой татар, посчитавших, что победа близка. Но когда они на рысях выскочили на широкое поле перед «Гуляй-городом», из-за его стен грянули мощные залпы. Дробосечное железо на глазах выкосило половину наступавшей конницы, и она в панике откатилась.

Через день татары решили штурмовать «Гуляй-город», столь неожиданно преградивший им уже, казалось бы, открытый путь на Москву. Он неприступно стоял на высоком холме, окруженном наспех вырытыми рвами. На подходе к нему занимали позиции три тысячи стрельцов с пищальями. За шаткими деревянными стенами засел большой полк и артиллерия.

Всей тяжестью обрушилось на русских крымское войско. Скоро все до единого полегли, не сойдя с позиций, мужественные стрельцы, встретившие конницу в открытом поле. Но яростная пальба русских пушек вновь сделала свое дело: понеся потери, конница откатилась.

Неудача первого штурма побудила лучшего крымского военачальника Дивей-мурзу перед новым штурмом лично обследовать подходы к «Гуляй-городу». Но во время этой разведки его неожиданно захватили в плен несколько русских молодцов-разведчиков.

Лишившаяся лучшего полководца орда тем не менее вновь ринулась на боевые порядки русской обороны. Однако новый приступ обошелся еще дороже первого. Перебитая пушечными залпа-

ми, конница устилала все поле перед «Гуляй-городом». Дав отбой наступлению, хан отошел от города и два дня приводил свое потрепанное войство в порядок.

2 августа он предпринял последнюю попытку сокрушить хрупкую крепость. На этот раз татарам удалось пробиться к стенам «Гуляй-города», они толпами полезли на его расшатавшиеся стены. «Изымались у города за стену руками и тут многих татар побили и руки поотсекли бесчисленно много». Во время штурма часть русского войска сумела скрытно покинуть крепость и обойти штурмовавших. В крепости остался лишь отважный Хворостинин с небольшим полком. Он сдерживал штурм из последних сил, ожидая условного сигнала о выходе основных сил в тыл врага.

Получив его, Хворостинин приказал дать залп из всех орудий и, пока еще не рассеялся дым, бросил свой полк в дерзкую атаку. А с тыла на татар обрушился большой полк. Победа русских была полной. В бою погибли сын и внук Девлет-Гирея. Татары беспорядочно бежали, стремясь быстрее скрыться в степях.

Намерения Крыма и Турции покорить Россию рухнули. Они натолкнулись на мужество и стойкость русской армии, которая,

в два-три раза уступая врагу в численности, сумела одержать решающую победу. Южные границы государства удалось обезопасить. На несколько лет легче стало и на западе: в Речи Посполитой возникло бескорольевье и она ослабила напор на российские границы. Эту передышку Россия использовала для борьбы с крепко зацепившейся за Прибалтику Швецией. Русским удалось отбить несколько крепостей, овладеть частью побережья. Но не удалось главного — взять Ревель, хотя в 1577 году русская армия осаждала его почти полтора месяца.

Однако и эти ограниченные успехи вдохновили неуравновешенного русского царя на поход против прибалтийских владений Речи Посполитой, королем которой сейм только что избрал энергичного трансильванского князя Стефана Батория. Заняв несколько небольших крепостей, Грозный, упоенный победами, приказал отпустить польских пленных, наказав им передать Баторию — «дался б король под государеву волю!».

Однако непродуманные действия царя, вновь расширившего конфликт в Ливонии, привели к обратному результату. Если до сих пор против русских действовали только литовские войска, то теперь Баторий бросил в бой польскую армию и немецких наемников. В августе 1579 года, тщательно подготовив наступление, он захватил только-только вновь занятый Грозным Полоцк.

Армия Батория насчитывала больше 40 тысяч солдат. Кроме того, против России действовала 17-тысячная шведская армия и ее мощный флот. А Грозному в условиях разрухи не удалось собрать и 30 тысяч воинов. Да и тех пришлось разбросать по разным направлениям — сговорившиеся враги наступали с разных сторон.

Главным стало опасное наступление Батория. В августе 1580 года он захватил Великие Луки, а спустя год, собрав уже 50 тысяч воинов, бросился на Псков.

Псков был мощной твердыней. Его защищал тройной каменный пояс. Толщина сложенных из валунов стен достигала пять метров, а высота десять. Русские предвидели наступление на Псков. Сюда стянули значительные силы — около 7 тысяч дворян, казаков, стрельцов, боевых холопов. Командовал обороной один из лучших воевод — Иван Шуйский.

У врага войск было много больше, армия Батория насчитывала почти 50 тысяч человек, и он резонно надеялся на успех кампании. В августе 1581 года эта армада подкатилась к Пскову и уже в самом начале сентября приступила к осаде по всем правилам.

К городу оказалось непросто подойти. «Пушки у них отличные и в достаточном количестве, — писал домой один из наемников

Батория. — Достанется нашим батареям и насыпям!» Настильный огонь русской артиллерии наносил постоянный урон осаждавшим. Поэтому они начали рыть глубокие траншеи, ведущие к крепостной стене. По ним неуязвимо подкатили пушки прямо к укреплениям, поставили главный калибр против Свинозской башни. Рано утром 7 сентября начался интенсивный обстрел. До поздней ночи багровое пушечное пламя и тяжкий грохот рвали воздух. Ядро за ядром били в стены — первое отскакивало, другое вбивалось, третье крушило камень. К полуночи стены оказались проломленными в нескольких местах.

Баторий счел такое начало неплохим. Утром он бросил в проломы закованную в латы наемную пехоту. Тревожный звон осадного колокола поднял псковичей. В проломах стен, на горах кирпича и камня завязалась ожесточенная многочасовая сеча. Гвардия Батория медленно теснила осажденных. К исходу шестого часа ей удалось занять две крепостные башни — Свинозскую и Покровскую. Наемники спешно закреплялись в них, рассчитывая продолжать наступление с этих форпостов.

Но псковичи понимали: коль отдать врагу часть укреплений сегодня, то завтра придется отдать все! Удалые пушкарники выкатили напротив Свинозской башни мощную пушку «барс» и меткими залпами разбили ее верхнюю часть. Кто из наемников успел, тот спрятался в нижних ярусах башни. Не знали интервенты, что тем самым приблизились к гибели. В подвалах башни был устроен огромный пороховой погреб. Несколько отважных псковичей проникли в это подземелье и, пожертвовав жизнью, подорвали его. Огромный взрыв сотряс город. Башня взлетела на воздух вместе с сотнями засевших в ней врагов. Генеральный лобовой штурм Пскова провалился.

Тогда Баторий решил блокировать город, окружив его плотным кольцом, взяв измором, коль не удалось штурмом. Вражеские минеры с разных сторон вели подкопы под стены, чтобы подорвать их. Но псковичи не допустили этого: сделав поперечные подземные ходы, они «переняли» неприятельские подкопы и разрушили их.

Обстрелы и приступы шли раз за разом, не принося врагу успеха. Прошел сентябрь, октябрь. Стал лед на реках. 2 ноября интервенты пытались взять город, зайдя на него со стороны реки Великой, кинулись по свежему льду. Но псковская артиллерия вновь сделала свое дело. Устав молодой лед телами убитых, штурмовые колонны откатились.

Сдерживать осаду псковичам становилось все труднее — кончалось продовольствие и боеприпасы. Но о сдаче города не помышлял

никто. «Русские при защите городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на место убитых или взорванных действием подкопа и заграждают грудью, день и ночь сражаясь. Едят один хлеб, умирают с голоду, но не сдаются!» — с изумлением писал видевший осаду Пскова иезуит Поссевино.

Начавшаяся зима ударила и по войску Батория, который никак не рассчитывал, что его летняя кампания так затянется. С холодом пришли болезни, начал сказываться сильный недостаток продовольствия и фуража. Разбойное наемное войско быстро превращалось в озверевшую от голода и холода орду. В этих условиях, боясь бунта в собственном войске и видя невероятное упорство русских, Баторий заговорил о перемирии.

15 января 1582 года был подписан мирный договор. Грозный уступил Баторию все свои владения в Ливонии.

Положение России в этот момент осложнилось тем, что одновременно с Баторием по русским границам ударила и Швеция. В те сентябрьские дни, когда Баторий начинал — и начинал успешно — штурмовать Псков, шведский главнокомандующий Делагарди бомбардировал и захватил Нарву. «Нарвское мореплавание», столь нужное российской торговле, оказалось утраченным.

8 сентября 1582 года шведы осадили Орешек. Целый месяц длились обстрелы крепости. 8 октября, решив, что осажденные измотаны, шведы пошли на штурм. Но древняя крепость не сдалась — был отбит и этот, и последующие приступы. В ноябре, разуверившись в успехе, шведы отошли.

В 1583 году было подписано перемирие. Швеция захватила у России почти все крепости северо-запада — Корелу, Ям, Ивангород, Копорье с прилегающими к ним землями. Правда, сама Нева, спасенная несокрушимой твердостью маленького Орешка, еще оставалась за Россией. Но шведы захватили все подходы к ней. Поэтому завоевание исконно русских приневских земель было для них только вопросом времени. И действительно, в начале XVII века Швеция захватила и Неву, напрочь отрезав Россию от Балтики.

Ливонская война закончилась для России разрухой и поражением. Вынужденная вести борьбу на нескольких фронтах и противостоять сильнейшим державам того времени — Швеции, Польскому королевству, Великому княжеству Литовскому, Крымскому ханству, Османской империи, — Россия вышла из войны ослабленной, потерявшей часть своих земель. Но в ходе этой войны был достигнут один очень важный результат: был уничтожен злейший враг России, а также латышского и эстонского народов — агрессивный Ливонский орден.

апряжение в годы долгой Ливонской войны росло не только на границах государства. В начале 60-х годов накалилась обстановка и внутри страны. На протяжении всего долгого царствования всюду мерещились Грозному измены, предательства и заговоры. А уж заподозрив кого в «изменных делах», он быстро доводил дело до жестоких преследований, казней, ссылок. Не раз обращались к нему бояре и духовенство с просьбами «воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно, без всякой причины и проступка». Но обращения не помогали. Особенно осложнили положение неудачи Ливонской войны.

За каждым поражением виделся Грозному злой умысел подданных. Многие воеводы сложили в 60-е годы головы не на поле брани, а на царском дворе и московских площадях. Казни и ссылки стали буднями политической жизни.

В такой обстановке многие бояре вольно или невольно задумывались — а не попытаться ли заменить безумно жестокого монарха? Ведь из царского рода жил и здравствовал не один Иван IV. Двоюродным братом Грозного был старицкий князь Владимир Андреевич. Он так же, как и нынешний царь, внук Ивана III, правнук Василия Темного.

Владимир Андреевич слыл опытейшим военачальником, которому не раз поручались самые ответственные боевые дела. Ум стратега сочетался в нем с большим личным мужеством, обстоятельной рассудительностью.

Грозного Владимир Андреевич давно раздражал. А слухи о том, что бояре хотят поставить Владимира «на царство», не раз распаляли царя, доводили до умопомрачения. Не раз пытался он погасить авторитет и влияние двоюродного брата. Отбирал у него земли, заменял преданных князю слуг на своих соглядатаев. А летом 1564 года приказал насильно постричь в монахи мать Владимира княгиню Ефросинью.

Но недовольство становилось все более явным. То один, то другой князь-боярин «отъезжал» за рубеж — в Литву или Польшу, бегством спасаясь от преследований. В 1564 году подался к литовскому князю и один из лучших полководцев Грозного князь Андрей Курбский. Скоро он прислал царю послание, в котором писал, что «воинский чин» и все другие люди в государстве царем «без милосердия мучимы».

«Жаловать мы своих холопов вольны, — отвечал ему Грозный, — а и казнить вольны тоже!»

Глухое брожение боярства, бегство верных слуг, военные неудачи озлобили Грозного до предела. Мнительный царь надумал перейти к крутым и решительным мерам.

3 декабря 1564 года царь с семейством собрался в Коломенское — праздновать там николин день. В такой отлучке не было ничего необычного — он то и дело ездил по монастырям и своим подмосковным селам. Но на этот раз москвичи заметили что-то непонятное.

С утра на царский двор прибыл отряд «выборных» дворян в полном вооружении. Они начали молча и поспешно грузить санный поезд. Из кремлевских соборов изъяли все главные «свято-сти» — особо почитаемые кресты и иконы. Еще несколько десятков возов заняли царские драгоценности и одежды. Потом стали грузить в обоз государеву казну.

Ясно стало, что не на обычное богомолье собрался православный царь! Но куда? Никто этого не знал. Свои замыслы Иван IV хранил в строгой тайне.

Длинный санный поезд, окруженный готовым к бою отрядом, покинул Москву, удалившись в сторону Коломенского. Прошла неделя, другая — от царя вестей не было. Потом узнали москвичи, что кружным путем перебрался царь из Коломенского в особо любимую им за неприступность Александрову слободу.

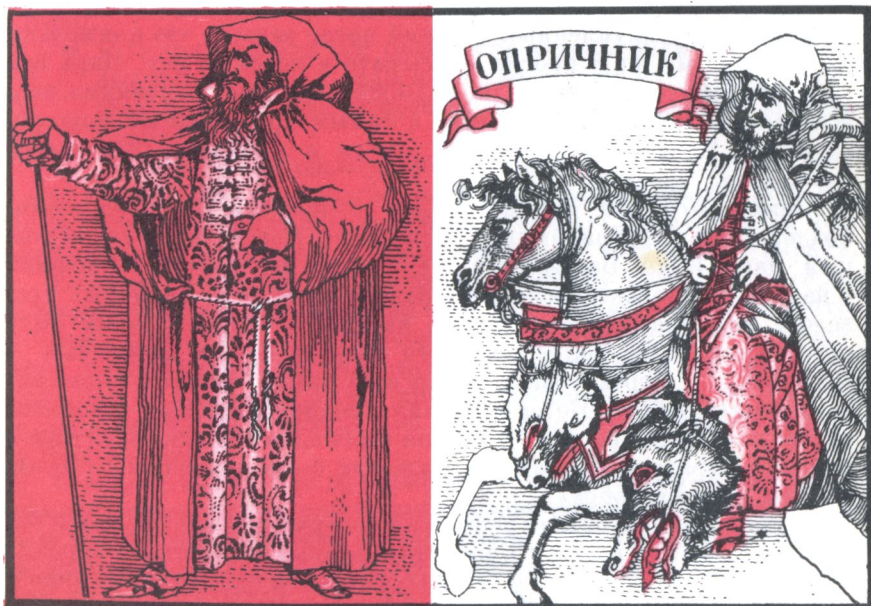
Ровно через месяц с начала скитаний царь прислал московскому митрополиту грамоту. В ней писал он обиженно, что еще до его «возраста царского» бояре чинили ему «многие измены и продажи» и потому решил он государство свое «оставить». А чтоб еще больше подогреть тревожные настроения в столице, Грозный одновременно послал грамоту ко всем простым московским людям, где сообщал, что «опалился» он только на бояр, а на них, московских людей, «гневу и опалы некоторые нет!».

Боярскую верхушку грамоты повергли в смятение. А среди посадского люда поползли черные слухи о большой боярской измене. В один из дней служилые люди, купцы, посадские собрались на подворье митрополита. Здесь была составлена челобитная со слезной просьбой к царю не покидать царства, «править, как ему, государю, годно, казнить изменников и лиходеев!».

Так хитрым и лицемерным заявлением об отречении от престола Грозный добился общего признания его права на неограниченный произвол. Формой этого диктаторского произвола стала опричина — созданное царем своеобразное государство в государстве. Название ее происходит от слова «опричь» — «кроме». Даже названием своим она как бы отделялась от всей остальной страны.

Возвратившись в Москву, Грозный быстро создал для искоренения «крамолы» особую гвардию опричников. Сначала в ней было 500, потом 1000, а потом несколько тысяч человек. Опричники носили отличавшую их ото всех одежду — сверху грубое монашеское рубище, подбитое овчиной, а под ним одеяние из расшитого золотом сукна на собольем или куньем меху. На шее у лошадей, на которых разъезжали опричники, болтались отрубленные собачьи головы, а на кнутовище был привязан клочок собачьей шерсти. «Это обозначает, — писал один из слуг, — что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны». Опричником стал и сам царь, чаще всего носивший теперь монашескую одежду, под которой был спрятан длинный нож. А в руках царя все время был острый посох-копье.

Многие земли государства стали опричными — тучные хлебные нивы, солеваренные волости, места пушных промыслов, неприступные города-крепости, оживленные торговые пути. Опричной стала и часть Москвы, но царь задумал в дальнейшем перенести столицу государства на север, в Вологду, и приказал начать там строительство опричного кремля, где стали собирать разные военные и продовольственные припасы.

Вместе с организацией опричного удела, созданием корпуса верных слуг-опричников Грозный развернул кампанию преследования неугодных. Обвинение всем было одно: «за великие изменные дела». Казни следовали одна за другой, сотни и тысячи вотчинников изгонялись из своих владений, высылались на окраины государства. «Представители знатных родов были изгнаны безжалостным образом из старинных унаследованных от отцов имений, должны были тронуться в путь зимой среди глубокого снега... Если кто-либо давал приют больным или роженицам хотя бы на один час, то его казнили без всякой пощады».

Царские преследования продолжались не год, не два — семь долгих лет тянулась опричина, разоряя и обескровливая страну.

Понятны личные устремления Ивана Грозного, желавшего подавить малейшую непокорность подданных. Но был ли какой-то реальный, объективный социально-политический смысл в этом сложном явлении? Одни историки не видели такого, другие — пытались найти его среди сложнейших переплетений тогдашней жизни, доказывали, что с помощью опричины укреплялась самодержавная власть, крушилась княжеско-боярская оппозиция, преодолевались последние пережитки феодальной раздробленности.

В 1569 году по приказу Грозного умертвили князя Владимира Старицкого. Подкупленный царский повар заявил, что князь Владимир дал ему яд и просил подсыпать в царскую еду. Царь вызвал Владимира в Москву. На подмосковной ямской станции поджидали его опричники во главе с самым кровожадным царским сатрапом Малютой Скуратовым. Здесь и заставили Владимира выпить яд.

Зимой 1570 года был разгромлен горделивый Новгород, якобы поддерживавший Владимира Старицкого. «Коею улицей ехал Грозный царь Иван Васильевич — тут кура не поет!» — говорили в народе. Несколько тысяч новгородцев погибли от опричных правей. Вся новгородская округа на двести — триста верст была разграблена. Сокровища Великого Новгорода — и церковные, и купеческие — перекочевали в царскую казну. Каждый опричник увез немало добра. «Когда я выехал с великим князем, — упоенно рассказывал один из них, — у меня была одна лошадь. Вернулся я с сорока девятью! Из них двадцать две были запряжены в сани, полные всякого добра».

В конце концов острие репрессий повернулось внутрь самой опричины. В 1571 году чуть не сотню видных опричников отравил царский доктор Бомелий. А на следующий год царь отменил опричину. Она сделала свое дело и ушла в прошлое.

Жестокость Грозного и его верных слуг не считалась в средневековом мире чем-то исключительным. Похожими были порядки во всех других феодальных государствах.

В те самые годы, когда вершились на Руси опричные правежи, в европейских странах творились дела не менее жестокие. В Нидерландах по приказу кровожадного герцога Альбы уничтожались десятки тысяч протестантов. Во Франции только в одну теплую августовскую ночь 1572 года накануне дня святого Варфоломея религиозные фанатики за несколько часов вырезали тысячи гугенотов. Крестовые походы против еретиков сотрясали в Италии одну область за другой. Святая инквизиция без разбору казнила и жгла мужчин, женщин и детей, сделав особой милостью для мучимых удушение перед сожжением. Тогда же началось и долгое преследование гениального Джордано Бруно, сожженного в 1600 году святыми отцами.

Такими сходными путями утверждалась в разных странах Европы безграничная монархическая власть, характерная для нового этапа феодального развития — абсолютизма.

ТАТАРСКИЙ ХАН НА ТРОНЕ

1575 году, спустя три года после отмены опричнины, Грозный вновь удивил подданных: во второй раз отрекшись от власти, он посадил на престол татарского царевича Симеона Бекбулатовича.

Симеон был правнуком хана Золотой Орды Ахмата, которого в 1480 году разгромил на Угре дед Грозного Иван III. Восточная знать часто переходила на русскую службу, иногда московскому князю служили сразу несколько татарских «царей».

Симеону Бекбулатовичу за верную службу пожаловали город Касимов, который обычно бывал вотчиной высшей восточной знати, служившей на Руси. Он был неплохим полководцем и в ходе Ливонской войны не раз получал важные поручения и выполнял их успешно. В 1572 году ходил против шведов к крепости Орешек, а затем на Выборг. Осенью того же года вместе с Грозным воевал в Прибалтике.

И вот осенью 1575 года, несмотря на то, что Грозный имел двух сыновей-наследников, власть неожиданно передали Симеону. В одном из московских соборов его повенчали царской короной. Правда, короновал его Грозный, по сообщению англичанина Джерома Горсея, «без торжественности и без согласия своих вельмож». Себя же

Грозный после коронации Симеона стал униженно именовать «Иванцом Московским», обращался к Симеону с жалостливыми челобитными, просил то одно, то другое. Бояр при Иване оставлено было немного, почти все перешли к новому царю. Являясь во дворец, Грозный, ничем внешне не выделяясь из череды придворных, теперь садился далеко от царского места, где горделиво восседал Симеон.

Но реальная власть оставалась в руках Грозного. Об этом говорят казни многочисленных придворных, недовольных новой причудой царя. «Не подобает, государь, — осмелились роптать некоторые, — тебе мимо своих чад иноплеменика на царство поставлять!» Грозный взъярился и всех, кто так говорил, около сорока человек, казнил. Головы казненных царские сатрапы, разъезжая по столице, «метали» во дворы других недовольных.

Для всех было тайной, чем руководствовался Грозный при столь неожиданной передаче престола. Всяк гадал по-своему. Одни говорили, что всему причиной недоверие мнительного царя к рассудительному сыну Ивану, к которому якобы пришло уже, как говорили злые языки, «желание царства». Другие кивали на волхвов, нагадавших, что «в том году будет московскому царю смерть». Вот, мол, Иван и посадил на трон другого, чтоб обмануть судьбу. Третьи говорили, что царь просто очень устал и решил отойти от дел. Четвертые видели в короновании Симеона финансовую хитрость — Грозный решил сделать его ответственным за уплату старых долгов. Пятые утверждали: Иван IV отрекся от русской короны, чтобы заполучить польскую, так как в Польше возникло очередное бескорольевье.

Симеона Бекбулатовича нарекли «великим князем московским», но реальной власти он имел очень мало. Всем по-прежнему управлял Грозный. «Мы не настолько отказались от царства, — говорил он, — чтобы нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан».

И точно, не прошло и года, как Грозный в августе 1576 года свел Симеона с престола, дав ему в удел запустевшую Тверь и Торжок. Свое возвращение он обставил новым маскарадом: знать пришла к нему с прошением «смилоустивиться и вновь принять венец и управление», после чего было устроено новое торжественное посвящение на царство.

Эпизод с «воцарением» Симеона канул в прошлое. Правда, пробыл за это время и один важный росток не очень близкого еще будущего: именно в эти месяцы слабоумного сына Грозного царевича Федора повенчали с Ириной Годуновой. А ее честолюбивый брат Борис получил очень почетный для представителя сравнительно

«худого» рода, каким считались Годуновы, чин кравчего. Но никто, разумеется, не знал, к чему приведет через десять—двадцать лет это исподволь начавшееся возвышение рода Годуновых. Все было заслонено сложной путаницей политической жизни, жгучими сиюминутными заботами, войной, разрухой, разногласиями и страхом от жестоких царских причуд.

ЦАРИ И ЦАРЕВИЧИ

о времени окончания Ливонской войны сын Грозного царевич Иван Иванович, родившийся в 1554 году, был уже взрослым человеком. Он активно участвовал в решении государственных дел, военных походах. Иван имел решительный характер, и в нем уже явственно проглядывали качества неплохого военачальника. Воинскую доблесть царевич предпочитал всему остальному, включая и царские богатства. Однажды во время спора Иван заявил отцу, что будь у него богатства меньше, чем у царя, а доблести больше, он мечом своим отнял бы столько, сколько захотел.

Ссоры Грозного с сыном часто заканчивались стычками. Распалвшись, царь обычно пускал в дело посох, без разбору колотил царевича. Тот терпел, не осмеливаясь поднять руку на отца.

Особенно острыми стали разногласия отца и сына, когда войско Батория осадило Псков. Иван Иванович не раз требовал у отца дать ему полки и направить на помощь героическому Пскову. Он был уверен, что сумеет сладить с неприятелем, и, видимо, имел обдуманый план действий. Но Грозный остался глух к его требованиям.

Настойчивость сына, его резкие выпады против отца, все чаще возникавшее несогласие, которое то и дело доходило до ссор, давно беспокоили Грозного. Он знал, что в народе любят царевича, считают его смелым и даже отчаянным, — ведь он один во всем царстве осмеливался открыто перечить тирану. Особенно сильны стали подозрения после одной из болезней Грозного, когда, как ему доносили, многие стали с надеждой смотреть в сторону царского сына, надеясь втайне, что Грозный умрет, а наследник принесет желанные перемены, освободит страну от злобы, гнева и крови.

Роковая ссора Грозного со старшим сыном случилась 9 ноября 1581 года в Александровой слободе. В этот день царь закончил совещание по разным делам с боярами. Дела шли плохо, вести отовсюду прилетали тревожные.

Отпустив бояр, раздраженный царь отправился бродить по дворцу, зашел на половину царевича. Там в одной из жарко натопленной горнице он наткнулся на жену сына Елену. Беременная царица, одетая в длинную нижнюю рубаху, отдыхала, лежа на широкой лавке.

Царь не любил сноху, как и весь род Шереметевых, к которому она принадлежала. Дядю Елены он казнил, отца обвинил в измене. Сейчас, увидев царицу, он то ли вспомнил что-то, то ли даже без всяких поводов впал в ярость, закричал, что царица не так одета, и принялся колотить ее посохом, с которым никогда не расставался.

Елена кричала, закрываясь руками, но крики только добавляли злобы царю.

На крик прибежал Иван Иванович. Он пытался унять отца, хватал его за руки. Вырвавшись, Грозный повернул свое оружие против сына. Посох, по сути дела, был именно оружием — острый наконечник роднил его с копьем. Царь сделал резкий выпад — сын не успел уклониться, и острое вошло в висок. Царевич, залившись кровью, упал.

Рана, возможно, не была смертельной, но в сочетании с нервным потрясением она оказалась роковой. Царевич слег, день ото дня ему становилось хуже.

Истерическая злоба царя сменилась столь же истеричной жалостью. Он не отходил от постели Ивана, бросил все дела. «Иван сын разнемогся и нынче конечно болен, — отписал он ждавшим его боярам. — А нам его, докудово бог помилует Ивана сына, ехати отсюда невозможно...»

Бог не помиловал Ивана, сколько ни молился царь. На одиннадцатый день болезни царевич умер.

По всей стране был объявлен траур. Потрясенный царь отправился на покаяние в Троице-Сергиев монастырь, где каялся и каялся «со слезами и рыданием». Смерть сына всколыхнула в его темной душе воспоминания о многих бесчинствах, казнях, жестоких опричных правяках и погромах. Он приказал составить огромные списки, куда занесли имена всех погибших во времена опричнины. Так появился знаменитый «Синодик опальных». Его списки отправили по монастырям для поминовений погибших в молитвах вместе с богатейшими пожалованиями — несколько десятков тысяч рублей переключалось в этот период из царской казны в потаенные монастырские хранилища.

Гибель Ивана лишила будущего династию, правившую на Руси несколько столетий. Наследником стал слабоумный Федор. Если при жизни Ивана Ивановича царя беспокоила его растущая попу-

лярность, то теперь все было наоборот. Он не без оснований боялся, что Федор власти не удержит и первая же политическая буря, первый сильный претендент столкнут его с трона.

После убийства сына усилились не только душевные муки царя, но и телесные. Боли в позвоночнике, возникшие из-за отложения солей, часто не позволяли ему двигаться, заставляли держать голову высоко поднятой — так было легче. Хотя исполнилось ему только 54 года, Грозный выглядел глубоким стариком. Лицо прочертили морщины, под глазами набрякли огромные мешки, тяжелый нос обвис, закрывая искривленные вечной болезненно-брезгливой гримасой губы.

Грозный чувствовал приближение смерти. В один из дней он продиктовал доверенным дьякам завещание. Наследником объявлялся Федор. При нем создавался совет опекунов, в который вошли четыре самых влиятельных и преданных царю боярина. Регентский совет создавался обычно для несовершеннолетних наследников, как когда-то это сделал Василий III, создавая его при трехлетнем Иване IV. Здесь ситуация была иной: Федору было уже 26 лет, но в опеке он нуждался не менее ребенка — ума царевичу бог не дал.

В феврале 1584 года царь серьезно занемог. Стали сильно отекать руки, ноги, лицо. Конец зимы прошел в постоянной болезненной мае, молитвах о спасении тела и души. Не надеясь, что бог услышит его, царь просил молиться об избавлении его «от настоящие смертные болезни» еще и кирилловских монахов.

В марте стало пригревать солнце, природа посветлела, но дела Грозного продолжали оставаться невеселыми. 19 марта царь созвал дьяков, приказав принести завещание. Он внимательно прослушал его, долго думал о чем-то, но оставил все без изменений.

После этого приказал истопить баню, куда и отправился в середине дня. В бане царь пробыл очень долго, грел больные кости.

После бани Грозный пожелал сыграть в шахматы. С давних веков известные на Руси шахматы в XVI веке были запрещены церковью, которая объявила их «игрищем еллинского (греческого) бесования». Но царь часто нарушал церковные заповеди, религиозный фанатизм хорошо уживался в нем с пренебрежением ко многим церковным законам.

Во время игры царю стало плохо, он неожиданно потерял сознание и, не приходя в себя, скончался.

Иван Грозный пробыл на русском троне — сначала великим князем, а потом царем — 50 лет. Какими же остались в истории эти полвека? Оценки современников и потомков бывали самые разные — от полного восторга до нескрываемой ненависти.

С одной стороны — это была полоса мрачных бесчинств, постоянных перетрясок ближнего и дальнего царского окружения, театрально разыгранных отречений от престола, следом за которыми следовали новые приступы террора. Во второй половине царствования политические потрясения дополнились экономическими и военными. Началось массовое хозяйственное запустение московских, новгородских, тверских и прочих земель. Тянувшаяся 25 лет Ливонская война окончилась тяжелым поражением на западе, отторжением Прибалтики в пользу Речи Посполитой, утратой исконных русских земель на побережье Финского залива. А венчала полувековое правление Грозного потрясая современников трагедия сыноубийства.

Но есть и другой счет у этой эпохи. Именно в XVI столетии Россия становится огромной и мощной державой, одолеть которую не могут объединенные силы всех ее врагов. Поэтому она и выдержала четвертьвековую войну, которая для врагов-победителей закончилась лишь частным успехом — отвоеванием приграничных земель. Именно в это время в состав России входит труднообозримое Поволжье, где она сокрушает могучие ханства, и вовсе не обозримая Сибирь. А на юге Россией было изрядно потрепано и ослаблено Крымское ханство — опасное оружие турецкого султана, уже захватившего Балканы и Причерноморье. Решительное противодействие в итоге остановило продвижение Османской империи в пределы Восточной Европы, а это был немаловажный результат, не будь его — и неизвестно, что ждало Европу в туманном будущем.

А многочисленные реформы 50-х годов? Их значение вышло далеко за пределы царствования. По Судебнику 1550 года страна жила почти век — до Уложения 1649 года. Военные реформы позволили создать сильную армию, а перестройка государственного управления, формирование системы ведомств-приказов укрепили централизованную власть.

В любой эпохе есть многоцветье исторических красок. Светлые соседствуют с темными, мрачные времена сменяются периодами ярких взлетов. Но такую режущую глаз контрастность, как в эпоху Грозного, пожалуй, найти трудно. Тяжелое, сложное время. И оно не кончилось со смертью Грозного.

Наступило мутное, тяжкое для переживавшей войну и разруху страны время «тихомирного» Федора Иоанновича.

Дальновидные политические деятели понимали, что царем стал человек безвольный и больной, мало смыслящий в государственных делах, не представляющий, по какому морю и куда дрейфует теряющий управление корабль российской политики. Поэтому свои

дальние надежды они связывали с подраставшим младшим сыном Ивана IV — царевичем Дмитрием.

Но жизнь распорядилась иначе. В мае 1591 года, ровно на середине срока между смертью Ивана Грозного и воцарением Бориса Годунова, восьмилетний Дмитрий погиб в Угличе при обстоятельствах, которые не выяснены точно и до сего дня.

Что произошло с Дмитрием? Заговор со злодейским убийством или нечаянное «самозаклание», как тогда называли самоубийство? Вот вопрос, на который уже четыре века существуют два практически равнозначных ответа.

Трагедия случилась 15 мая 1591 года. В этот день на княжеском дворе в удельном Угличе, где жила после смерти Грозного его последняя, седьмая по счету, жена Мария Нагая, скончался от ножевой раны восьмилетний брат царя Федора последний сын Грозного Дмитрий.

Кто нанес смертельную рану? В злобной панике, возникшей вместе с тяжелым звоном набатного колокола, возвестившего о несчастье, родился слух о подосланных убийцах. В этом обвинили нескольких человек во главе с дьяком Михаилом Битяговским, незадолго перед случившимся приехавшим по делам из Москвы. Толпа разъяренных угличан ворвалась на княжеский двор и самочинно расправилась с предполагаемыми убийцами — все они были убиты без суда.

Вскоре прибыла в Углич следственная комиссия царя Федора. Две недели изучала она обстоятельства дела и пришла к другому выводу: царевич в припадке падучей болезни, как тогда называли эпилепсию, сам нанес себе смертельный удар ножом, которым он играл вместе с другими мальчиками в «тычку». «Играл де царевич в тычку ножиком на заднем дворе, — рассказали мальчики, — и пришла на него болезнь, падучий недуг — и набросился на нож!»

Так и было доложено царю Федору. Погоревали немного об роке, погибшем до времени, но скоро забыли. Других дел хватало.

Вновь дело о смерти Дмитрия всплыло спустя почти полтора десятилетия, когда объявился первый, а за ним и второй Лжедмитрий. Боярский царь Василий Шуйский, стремясь лишить Лжедмитрия II оснований для присвоения царского имени, объявил Дмитрия «невинно убиенным отроком». Выводы давней следственной комиссии, которую, кстати, сам Шуйский и возглавлял, были отвергнуты.

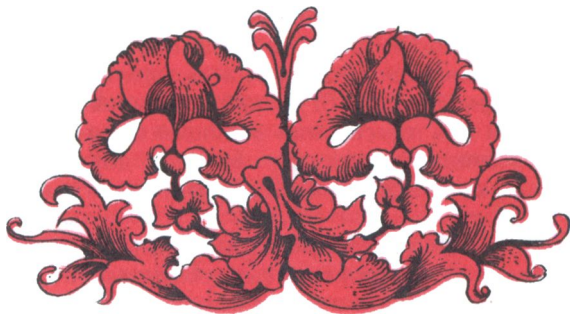
С тех пор и существуют две версии гибели царевича. Сторонники одной говорят о нечаянном самоубийстве, а последователи другой — о хитро задуманном и хладнокровно осуществленном

убийстве, за которым стояла мрачная фигура брата царской жены, правителя Бориса Годунова, расчищавшего себе путь к трону.

Война и перетряски, устроенные Грозным, ушли в прошлое, но положение страны оставалось тяжелым. Часто случались в конце XVI века неурожаи и эпидемии. Страну поразили тяжелый хозяйственный кризис. Тысячи деревень и сел в центре страны запустели, поля зарастали лесом. Крестьяне уходили на теплый черноземный юг, надеясь там найти пропитание. Покинутые развалившиеся избы глазами маленьких окон смотрели на пораставшие травой нехоженные дороги.

Казалось, еще совсем недавно кипела крепкая хозяйственная жизнь в новгородской, тверской, вологодской, ярославской, московской, рязанской и других землях. Англичанин Ричард Ченслор, проезжая по Руси в 1553 году, записал: «Москва находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них!» А через тридцать—сорок лет иностранцев удивляло в России уже совсем другое. Джильс Флетчер отмечал в 1588 году, во времена Федора: «По дороге к Москве, между Вологдой и Ярославлем, встречается, по крайней мере до 50 деревень, совершенно оставленных, так что в них нет ни одного жителя. То же можно видеть и во всех других частях государства, как рассказывают те, которые путешествовали в здешней стране...»

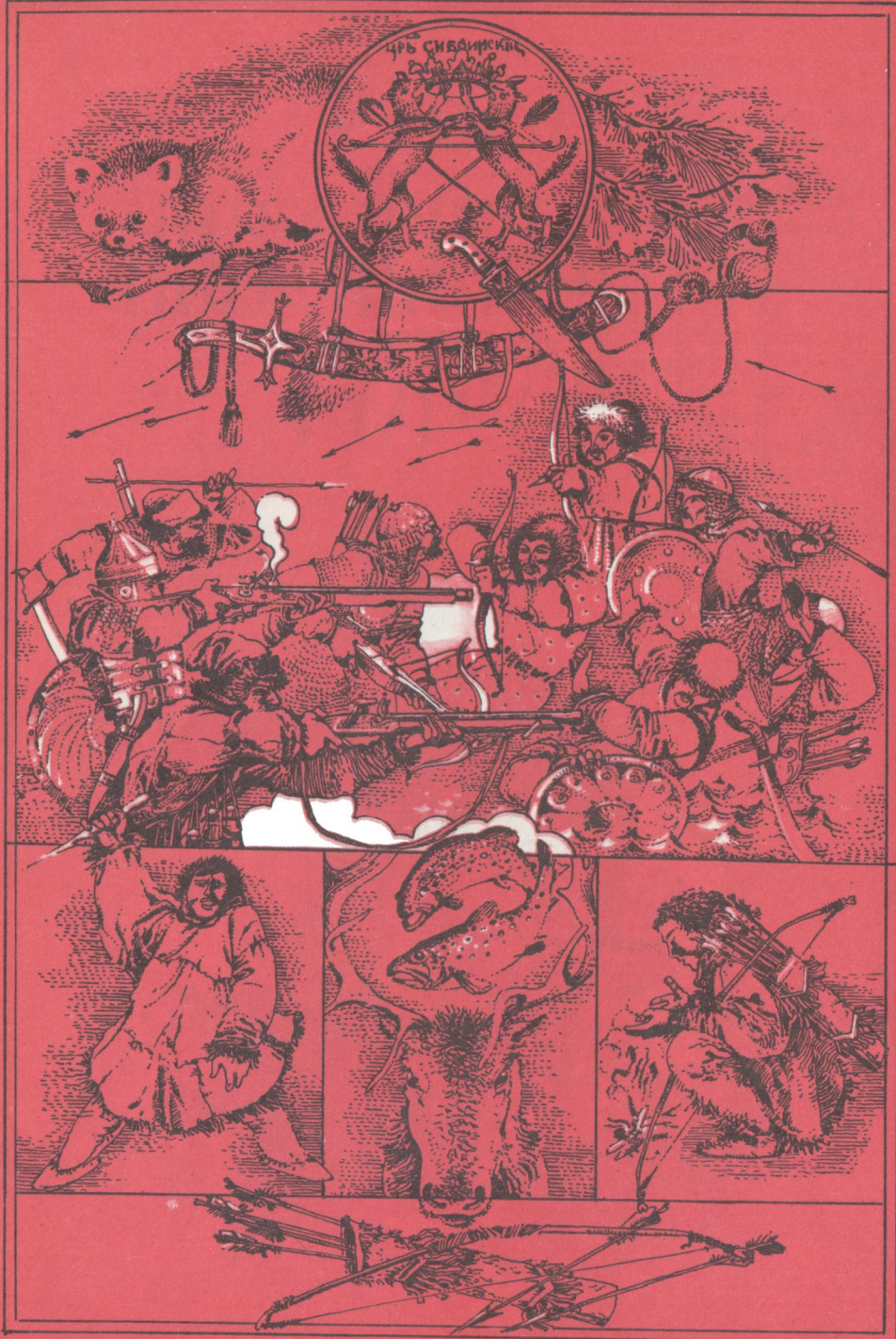
Но и в таких трагически трудных условиях русский народ продолжал вершить великие дела. Одним из них стало присоединение Сибири.

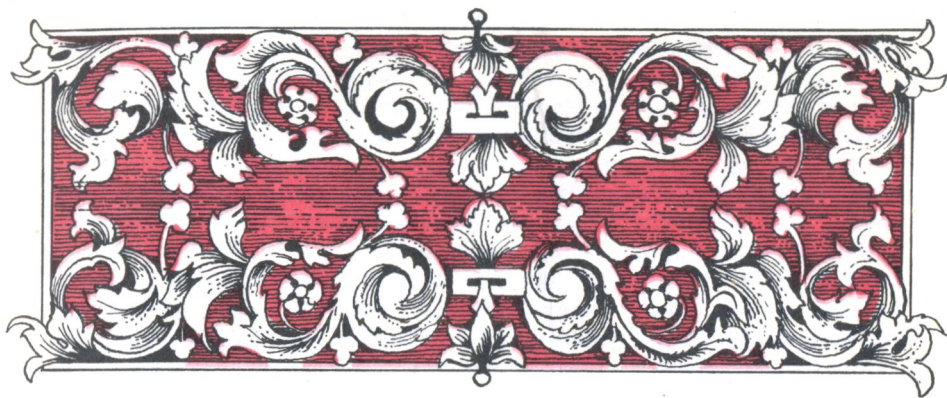

глава 4

Ня Сибирский Простор!

ВЕКОВЫЕ УЗЫ

своение сибирских просторов, в котором Александр Николаевич Радищев видел «великий дух свободы» русского народа, его «твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении», стало выдающимся событием отечественной истории, значение его мы в полной мере осознаем лишь в нынешнее время.

Грандиозное движение в Сибирь действительно было великим вольнонародным делом. В течение веков многие районы огромного края были освоены русскими людьми путем мирного хозяйственного продвижения, без вмешательства княжеской и царской власти, а иногда и вопреки им. Это народное освоение быстро приводило к сближению местного населения с русским трудовым людом, приходившим в Сибирь из-за Урал-Камня, способствовало обогащению материальной и духовной культуры сибирских племен и русского народа. Русские несли за Урал, в среду кочевых и полукочевых народностей знание земледелия и новых для этих краев ремесел, и в свою очередь воспринимали здесь приемы охоты и рыболовства, привыкали к жизни в суровой таежной природе.

И только следом за этим дружественным плодотворным взаимодействием на сибирские просторы проникла самодержавная царская власть.

От царского произвола тяжело было и русским поселенцам, и многочисленным сибирским племенам.

Связи русских земель с Зауральем и Сибирью возникли в далекие времена. Новгородцы торговали с югорскими племенами уже в XI веке, а в последующие столетия «непроходимый пропастьми, снегом и лесом» путь за Камень, как называли равнинные жители поражавший величием Урал, был прочно освоен ими.

В XIII веке зауральская Югорская волость уже входила в состав новгородских владений, платила Господину Великому Новгороду дань пушным зверем да рыбьим зубом — редким и потому ценившимся в Европе моржовым клыком.

С созданием Русского централизованного государства политика Руси в отношении Сибири становится более целенаправленной и последовательной. Борьба с Золотой Ордой, а затем с ее многочисленными осколками — Астраханским, Казанским, Ногайским и другими ханствами — заставила Русь все чаще обращаться и к сибирским делам, откуда последыши золотоордынских завоевателей, например тюменский хан, не раз пытались вмешиваться в российские дела в Поволжье и на юге.

Решительный Иван III пытался крепко пресечь их. В 1499 году на Двине, Ваге, Вятке, в Великом Устюге были набраны 4 тысячи удалых воинов.

В начале зимы огромный отряд двинулся за Урал — в Югорскую землю. Шли на лыжах по заснеженным горам, вздымавшимся на полуторакилометровую высоту.

«А Камень в облаках не видати! — рассказывали участники небывалого похода. — Только ветрено — горы облака раздирают!»

Всю зиму, а она выдалась морозной и вьюжной, продолжался поход. Отряд занял сорок городков. Пятьдесят восемь местных князьков присягнули Ивану III. Но результаты большого похода были вскоре утрачены — важные дела на западе и юге отвлекли силы.

Потребовалось почти сто лет, чтобы Сибирь наконец прочно вошла в состав России.

В начале XVI века после многих раздоров и стычек среди ордынской знати образовалось Сибирское ханство, столицей которого стал расположенный на Иртыше Кашлык.

Покорив племена хантов и манси, обитавшие по берегам Оби, Иртыша и в предгорьях Урала, правители Сибирского ханства наладили здесь систему тяжелого феодального грабежа, собирая по обширным пространствам обильный ясак — меха, шкуры, рыбу, зверя, — все, что удавалось добыть тяжелым промыслом охотникам, скотоводам, рыболовам.

Так продолжалось полвека. Но в середине XVI столетия дела у поработителей пошли хуже. Сибирские ханы издавна враждовали

с бухарскими, и в конце концов дело дошло до большой войны. Сын бухарского правителя Кучум, собрав большую армию кочевников, двинулся завоевывать Сибирь.

Положение сибирского хана Едигера стало критическим. Выход оставался один — искать помощи у России, с которой он еще недавно враждовал.

В январе 1555 года по замерзшим рекам прискакало в Москву сибирское посольство. Упав в ноги 25-летнему Ивану IV, послы Тегрул и Панчяды от имени хана ударили челом, прося царя, чтобы он «всю землю Сибирскую взял под свое имя и от сторон ото всех оборонил и дань свою положил».

Царь думал недолго. Он объявил, что принимает Сибирь под государскую руку, а дьякам велел сделать добавление к своему пышному титулу — «всея Сибирския земли повелитель».

Сразу же определили и дань с новых владений — 30 тысяч соболей каждый год!

Но «оборонить и заступить» Сибирь в условиях начавшейся Ливонской войны Иван IV не смог. В 1563 году Кучум сокрушил войска Едигера. Захваченного в плен сибирского хана по приказу Кучума умертвили.

Сев на Сибирское «царство», Кучум еще семь лет потратил на то, чтобы прекратить сопротивление и смуту среди местных племен, выступавших за добровольное присоединение к России и не желавших подчиниться новому завоевателю. Приведенные им отряды бухарцев беспощадно преследовали и обирали местное население, силой насаждали ислам.

Все отношения Сибири с Россией Кучум сразу же разорвал и задумал даже идти на нее войною. «Хвалится хан сибирской салтан итти в Пермь войною», — сообщает одна из грамот того времени. Однако реальной силы для борьбы с Россией у Кучума, конечно, не было, и скоро он решил помириться с Москвой и обезопасить себя с этой стороны. В грамоте, посланной Ивану IV, хан, ни словом не помянув о прежних даннических отношениях Сибири и России, именовав себя «вольной человек Кучум царь», предлагал жить «в упокое», а заключал послание едва прикрытой угрозой: «И ныне похошь миру, и мы помиримся, а похошь воеватися, и мы воюемся!»

Через несколько лет он выполнил свою угрозу. Перейдя Урал, войска сибирских татар опустошили большую территорию входивших в состав России приуральских племен. Мечтой Кучума было полное изгнание русских из Пермского края. Успеха в ее осуществлении он не добился, но земли российского Приуралья разорил изрядно.

ЛОНДОНСКИЕ МЕЧТАТЕЛИ

е только ордынские ханы зарились на сибирские богатства. В далеком Лондоне страстно мечтали о них английские купцы.

И не только мечтали. Начиная с середины XVI века Англия, не скупясь на расходы, посылала в Студеное море один экспедиционный корабль за другим, чтобы проложить английскому торговому капиталу путь к стране, которая, как восторженно писал один английский поэт, «привлекала всех богатством соболей».

Плавания англичан по давно и прочно освоенному русскими поморами Северному морскому пути воспринимались в Британии как выдающиеся подвиги. В 1556 году английский капитан Берро попытался достичь острова Вайгач, но, столкнувшись со льдами, отступил. Здесь в тяжелых льдах он неожиданно встретил целую флотилию русских — четыре поморских парусника занимались обычным промыслом, били моржей и белых медведей. Кормчий одного из судов по прозвищу Лошак, приглашенный Берро на корабль, без труда обрисовал англичанину всю северную географию,

которая позднее легла в основу капитанского донесения британским властям. Он рассказал, что недалеко от места встречи на северо-востоке лежит обширная Новая земля (капитан старательно записал незнакомые слова — «Новая Зембла»), рассказал о Вайгаче и о пути в устье Оби. Все эти сведения, известные уже многим поколениям поморов, для англичан были настоящим откровением. Капитан скрупулезно зафиксировал их в документах, Лошак простодушно обещал англичанам провести их в Обскую губу, поблагодарил за гостеприимство и отбыл на свой парусник. Однако во время начавшегося сильного шторма англичане потеряли из виду русские корабли и, столкнувшись со льдами, повернули на запад.

Тем не менее возвратившийся из плавания Берро был воспет в Англии как герой.

Нет, нелегко проплыть на Обь, и путь туда далек,
Но смелый Берро там бывал, трудами пренебрег!
Через холодные моря в Лапландию проплыл,
Весьма опасный путь на Обь для Англии открыл!

Так восторженно писал о капитане один из первых певцов британского колониализма поэт Уоркер. Мужество капитана представлялось ему беспримерным, а о том, что такие плаванья уже были обычным делом для поколений русских поморов, он не знал.

«ЕРМАК СО ТОВАРИЩИ»

очных данных о происхождении и жизни знаменитого атамана Ермака Тимофеевича не сохранилось. Родился он во второй четверти XVI века, а где — неизвестно. Разные русские города оспаривали честь называться его родиной. Одни рассказывали, что родом Ермак с Северной Двины, другие говорили — из Вологодского уезда, третьи утверждали, что происходит Ермак с реки Чусовой. В молодые годы Ермолай Тимофеевич, таково было его полное имя, оказался на юге Русского государства — на Волге и Дону, где и казаковал в «диком поле» чуть не двадцать лет.

В трудные годы правительство не раз призывало казаков на ратную службу и казаки шли защищать русскую землю. Поэтому в начале 80-х годов, в тяжелый час Ливонской войны, пошел на военную службу и Ермак, уже ставший опытным казацким вожаком. Воевал он умело, и скоро имя его стало известно во многих полках.

Быстро узнали его крепкую руку и враги, не раз поминавшие Ермака в боевых донесениях.

Был Ермак, как сообщает одно из сказаний, «мужествен, и разумен, и человечен, и зрачен, и всякой мудрости довольно имел, плосколиц, черн брадою и власы прикудряв, возраст средней, и плоск, и плечист».

Под стать атаману были и его сподвижники: «Были у Ермака сверстники — Иван Кольцо, Иван Гроза, Богдан Брязга и выборных есаулов четыре человека». Казаки в поход собрались к Ермаку из разных мест — и волжские, и донские, и яицкие, и терские, — всего более 500 человек. Порядки были строгие, но демократичные — все главные решения принимались «с совета», по «приговору» всего казацкого «товарства». Так приняли и решение о походе в Сибирь.

Собравшись на войсковой круг, казаки обсудили разные направления похода. Кто думал о Каспии и персидских берегах, кто предлагал спуститься по Дону и отправиться в Крым, но после всех обсуждений решили — в Сибирь!

Ермак высказался за Сибирь, поскольку нападения на персов или крымцев вызвали бы ненужный царский гнев. Россия, изнемогавшая от Ливонской войны, не хотела осложнений на юге. А опальные «воровские», как называли их московские феодалы, казаки во главе с Иваном Кольцом согласились идти в Сибирь, чтобы подальше скрыться от преследований царской власти.

СИБИРСКОЕ ВЗЯТЬЕ

так, определив направление похода, летом 1582 года казаки двинулись в путь — по Волге и Каме в Приуралье, на реку Чусовую, во владения могущественных купцов Строгановых, которые обещали помочь в снаряжении отряда. Интерес у купцов был простой: во-первых, казаки защитят их владения от нападений сибирского хана, а во-вторых, при удачном исходе казацкого предприятия Строгановы надеялись поживиться казацкой добычей.

На Чусовой казаки объявились как нельзя более кстати — наследник Кучума царевич Алей с отборным войском напал на приуральские земли. В решительном бою Ермак остановил войска царевича. Трезво оценив обстановку и силу казаков, Алей повернул войска прочь из этих мест, ушел на север, понадеявшись взять добычу там.

После этого Ермак стал готовиться к сибирскому походу. Часть припасов взяли у Строганова. Купец пытался ссудить их казакам под большие проценты, затеял с ними торг. «Егда возвратитесь, на ком те припасы по цене взять, и кто отдаст, точно или с лихвой?» — приставал он к казакам.

Но Строганов явно недооценил решимости казаков. Возмущенный его домогательствами, казаки, только что отстоявшие строгановские владения от татарского грабежа, подступили к купеческой конторе общим «гызом», а разгневанный Иван Кольцо заявил, что разнесет купца из пищали «по клоку». Напуганный Строганов мигом стал сговорчивее, открыл амбары и отпустил «по запросу запасов хлебных и мяса, и масла, також пороху и свинцу».

Скоро все было готово. 1 сентября 1582 года 540 бывалых казаков во главе со своим прославленным атаманом на стругах двинулись из строгановских городков вверх по реке Чусовой. До последнего времени считалось, что в поход Ермак отправился в 1581 году. Однако советский историк Р. Г. Скрынников точно доказал, что поход начался годом позднее.

Пройдя на веслах около двухсот верст вверх по течению Чусовой, казачья флотилия повернула в речку Серебрянку и еще через несколько дней, медленно продвигаясь против стремительного течения, достигла предгорий Урала.

Здесь предстояло самое трудное — перетащить через Тагильские перевалы Уральского хребта флотилию груженных стругов. Прорубая первобытные чащи, казаки волоком или на лямках тащили по просекам струги, каждый из которых вмещал по двадцать человек. Несколько стругов были еще больше, и поднять их на хребет не удалось — суда бросили в чаще, перевалив груз на более легкие корабли.

Немного отдохнув на вершине перевала, отряд начал спускать струги вниз. Здесь стало легче: вниз — не вверх! По мелким рекам добрались до Тагила, воды которого скоро вынесли суда в Туру, откуда они перешли в Тобол и, наконец, — в Иртыш.

Плавание шло быстрее —плыли по течению рек. День шел за днем, многие версты — сотня за сотней — оставались позади, все ближе становилась столица ханства Кашлык.

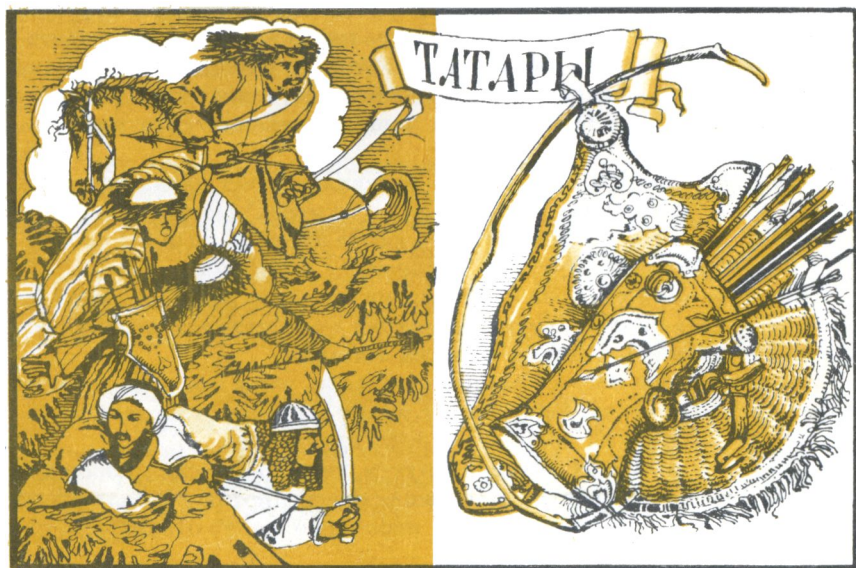
Кучуму, сидевшему в Кашлыке, донесли, что в пределы ханства вошел казацкий отряд. Навстречу Ермаку выслали несколько авангардов, но казаки без большого труда одолели их.

В двадцатых числах октября, спустя почти два месяца после начала похода, Ермак достиг Кашлыка. Здесь против казаков были двинуты главные ханские силы — несколько тысяч отборных конников и пехотинцев.

Многократный численный перевес Кучумова воинства смутил дружинников. Казачий круг, собравшийся в ночь перед сражением, долго обсуждал сложившееся положение. Многие предлагали той же ночью сняться и уйти — настолько очевидным был перевес противника. Но Ермак, изложив свой план, настоял на сражении.

26 октября 1582 года у стен столицы Сибирского ханства Кашлыка развернулась главная битва. Кучум намеревался остановить казаков уже на подступах к городу, устроив большую засеку на мысу, где высадились казаки. За нагромождением сваленных деревьев татары надеялись укрыться от огня казачьих пищалей. На большой горе перед городом Кучум приказал установить две пушки, привезенные незадолго до этого из Казани. Правда, пушечная пальба у татар не получилась, порох был то ли плох, то ли отсырел, и в решающий момент боя татары не смогли ударить по штурмующим из орудий.

Засеку хан поручил оборонять опытному в военном деле царевичу Маметкулу, а сам устроился на горе поодаль. Маметкул решил вести активную оборону. В завалах были сделаны проходы, и, когда казаки приблизились к засеке, на них ринулись отборные отряды ханской гвардии. Но им не удалось даже сблизиться с дружинни-

ками Ермака — те открыли такой частый и плотный огонь из пищалей, что атака моментально захлебнулась.

Огнестрельное оружие казаки умели использовать столь эффективно, как никто в тогдашнем мире. Этому научила их тактика сухопутных и особенно морских боев. Когда, например, казачьи струги сближались с кораблями противника, гребцы по команде бросали весла, хватались за пищали и открывали огонь. А у другого борта их товарищи непрерывно перезаряжали оружие. Огонь получался для тех времен невероятно плотным, наносил врагу большой урон, а кроме того, оказывал сильное психологическое действие. Противник его, как правило, не выдерживал. Дело довершалось стремительным штурмом и беспорядочным бегством врага.

Подобная тактика была применена и при взятии Кашлыка. Опрокинутые мощными залпами, татары обратились в бегство. Сам Маметкул был ранен, и слуги едва сумели переправить его через реку. Татарские пушки молчали, возле них беспорядочно суетились пушкари-неудачники, которые, завидев карабкающихся на гору казаков, столкнули орудия вниз, им навстречу, а сами кинулись кто куда.

Кучум наблюдал за битвой из своей ставки на высокой горе. Когда он понял, что битва проиграна, то так же, как все, ударился в безоглядное бегство, бросив столицу на милость победителя.

Победа Ермака была полной. И самое удивительное, что он одержал ее, не потеряв убитыми ни одного человека! К вечеру победители вошли в Кашлык, где обнаружили богатую добычу. Нетронутая ханская казна была полна собранных со всей Сибири соболей, черно-бурых лисиц, куниц, белок и разных припасов. По законам вольного казачества, все поделили поровну.

ЗИМОВКИ И ПОСЛЕДНИЕ БОИ

сень кончалась, хмурились небеса, выпал первый снег, а следом и реки подернулись льдом. Казаки готовились зимовать: вытащили струги на берег, утеплили жилища, рубили в ближних лесах дрова, паладили рыбный промысел — заготавливали рыбу впрок на зиму. Они уже успели познакомиться и установить мирные отношения со многими окрестными племенами, свободно вздохнувшими после изгнания Кучума. Разбежавшиеся в первые дни после сражения окрестные жители быстро вернулись в свои жилища, познакомились с казаками, охотно помогали им готовиться к долгой зиме.

А бежавший Кучум собирал силы по дальним кочевьям. К декабрю месяцу он сколотил новую армию в несколько тысяч человек, и объединенные силы Сибирского ханства двинулись на Кашлык — изгонять казаков. На подходе им удалось врасплох захватить казачью артель, занимавшуюся рыбной ловлей. В неравной схватке вся она во главе с атаманом Богданом Брызгой полегла на заснеженном льду сибирского озера.

Ермак принял вызов врага. Новое сражение на озере Абалак оказалось исключительно упорным и кровопролитным. Но превосходная военная тактика и высокая стойкость — победить или умереть! — помогли казакам и на этот раз. Вновь войско под командой царевича Маметкула было разгромлено и беспорядочно отступило с поля боя.

Победа на Абалаке закрепила успех экспедиции Ермака. Но он понимал, что без поддержки из России в условиях постоянной борьбы с ханом казакам долго не протянуть — и людей мало, и боеприпасы истощались. Лучшим выходом из положения Ермак, отправившийся в поход вопреки царскому запрету, счел сейчас возвращение на царскую службу. Он решил изобразить дело так, будто поход был предпринят для того, чтобы сослужить добрую службу русскому царю. Поэтому спустя несколько месяцев после сражения на Абалаке, посоветовавшись с казаками, Ермак отправил грамоту Ивану Грозному.

«Сибирского царя Кучума и с его детьми, и с его воинами победил, — писал знаменитый атаман царю, — и брата царя Кучумова царевича Маметкула разбил тоже... А многих живущих тут иноязычных людей под его государеву царскую высокую руку подвели, им быть под его царскою рукою до веку, а на русских людей зла никакого не мыслить».

Грамоту в Москву повез молодой казак Черкас Александров. Царь, который еще год назад крепко-накрепко запретил казакам идти в Сибирь, прочитав грамоту, сразу оценил грандиозность свершенного казаками дела и, конечно, захотел как можно быстрее прибрать к рукам плоды казачьих побед. Он тут же, а дело было осенью 1583 года, распорядился, даже не переговорив с казаками, доставившими грамоту, готовить зимний поход в Сибирь.

Но рассказ казаков о непроходимых зимних перевалах остудил царский пыл. Следом за первым указом о сборе отряда последовал второй. «Ныне, — писал в нем Грозный, — до нас слух дошел, что в Сибирь зимним путем на конях пройти не мочно». Поход отложили на весну 1584 года.

Царь приказал награждать казаков. Рядовых — серебряными деньгами и сукном, атаманов — золотыми монетами. Ермаку, по

преданию, пожалован был золоченый панцирь. Позднее досужая молва присоединила к панцирю еще и шубу с царского плеча.

Но награды наградами, а казакам-то царь до конца не доверял. Сделали свое смелое дело — и слава богу, а править Сибирью должны те, кого царь пошлет, а не вольные казаки. Поэтому в конце указа о наградах Грозный велел приписать: «А Ермаку указал государь быть в Москве». Так царю было спокойнее.

Однако и весной 1584 года не дождались казаки обещанной царской помощи. Иван Грозный умер, и в дворцовой сумятице о посылке отряда забыли.

Ермаку приходилось рассчитывать только на свои силы, а они медленно истаявали в стычках с татарами. Но колоссальный военный опыт, десятилетиями выработанная привычка жить в постоянном окружении врагов позволили казакам продержаться и год, и два!

Самой верной опорой было им глубокое чувство товарищества, мужество и бесстрашие. Не раз выручала и дерзкая смелость. Войной против казаков по-прежнему руководил царевич Маметкул, самый талантливый полководец Сибирского ханства. Летом 1583 года он, готовясь к новой схватке, разбил кочевья в ста верстах от занятого казаками Кашлыка. Ермак узнал об этом от одного из местных князьков, присягнувшего русскому царю, и немедленно послал туда полсотни своих удалцов. В два дня легкие струги добежали до обозначенного места, и среди ночи обрушился на ордынский стан удалой отряд. Спящего Маметкула растолкали в шатре и взяли в плен, сонного, перепуганного.

Потеря лучшего полководца обернулась для Кучума большими бедами. И без того местные князья один за другим переходили на сторону русских, а здесь еще начались раздоры среди ханской верхушки.

Знатные феодалы один за другим покидали ханский двор. Власть таяла.

Блуждающее могущество уходило, а Кучум не хотел верить, что Сибирь уже никогда не будет ханской.

Ушел от сибирского правителя и его главный визирь опытный Карача. Он решил бороться с русскими самостоятельно. Понимая, что силой казаков не взять, хоть и оставалось их всего около двухсот человек, Карача решил действовать хитростью и обманом. Он предложил Ермаку начать переговоры о мире. Ермак согласился — обстановка была сложная, отряд поредел, нужно было дожидаться во что бы то ни стало подмоги из-за Урала.

Вскоре Карача попросил Ермака о помощи — «оборонить от недругов» Кучума и верных ему князьков. Казаки поверили в

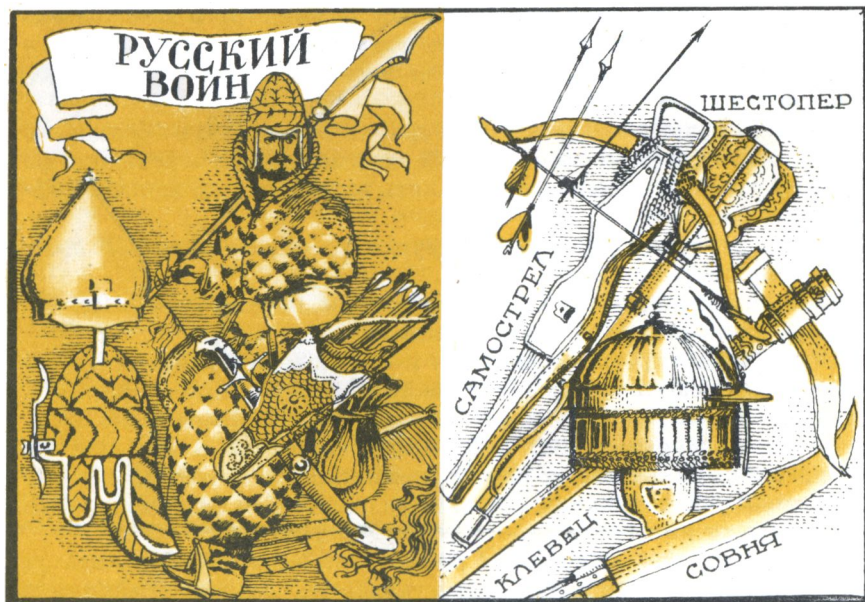
искренность обманной просьбы и послали на помощь Караче сорок человек во главе с Иваном Кольцом.

В ставке Карачи весь отряд был вероломно перебит.

Так тяжело кончалась для казаков третья сибирская зима — весну 1585 года встретили чуть больше ста человек. Упоенный своей «победой», Карача окружил Кашлык, решив навсегда покончить с казаками и сесть на трон Сибирского «царства». Ермак внимательно изучил расположение и численность осадивших Кашлык вражеских войск.

Сил для открытого сражения уже не было. Выручить могло только военное умение, какой-нибудь внезапный, ошеломительный для врага выпад. Ермак долго и терпеливо выжидал, думал, как поступить вернее.

Наконец в одну из весенних ночей атаман Матвей Мещеряк пробрался через боевые порядки врага к главной ставке Карачи, располагавшейся в трех верстах от Кашлыка, и молниеносно разгромил ее. Сам Карача и слуги едва успели убежать, но два его сына-темника, охрана и почти все военные советники погибли. Обезглавленное войнство тут же разбежалось от стен Кашлыка, осада была снята.

Казалось, можно вздохнуть свободнее, и действительно, месяца два враг не беспокоил дружину.

Но втайне Карача готовил новую западню. Поняв, что с Ермаком ему в одиночку не справиться, Карача быстро помирился с Кучумом и стал вместе с ним гадать, как одолеть казацкую дружину. О победе в открытом бою они не думали даже сейчас, когда у Ермака осталось чуть больше сотни воинов.

Вновь была задумана коварная хитрость. Через лазутчиков Ермаку послали лживую весть о том, что казацкой помощи просят бухарские купцы, приехавшие торговать, но терпящие бедствия от татар. Ермак, ничего не подозревая, выступил к ним на помощь. Несколько раз по пути он получал сведения о местонахождении купцов от разных проезжих людей, не зная, что люди эти — тоже лазутчики Кучума и Карачи, шаг за шагом направлявшие его в западню.

В ночь с 5 на 6 августа, в сильный дождь татары неожиданно ворвались в казачий лагерь на реке Вагае. Завязался неравный бой, казаки, обороняясь, отходили к стругам, нанося противнику большой урон. Вместе со всеми бился, отступая, и Ермак.

Это был последний бой прославленного атамана. По одному из преданий, Ермак Тимофеевич, достигнув берега, бросился в реку, чтобы дognать отходящий струг, но тяжелый панцирь — мифический царский подарок — утянул казака под воду.

Татарское предание, записанное, видимо, со слов участников битвы, говорит другое. Ермак успел прыгнуть в струг, но следом сумели вскочить несколько татарских воинов. Завязалась схватка. Ермак, орудуя саблей, стал теснить ханского богатыря Кучугая. Тот размахивал длинным копьём и, изловчившись, сумел ткнуть атамана в незакрытое горло — шлем в ночной спешке не был застегнут.

Так закончилась жизнь великого казацкого атамана. И хоть много воинов потеряли в том бою казаки, без Ермака они не мыслили продолжать начатое. Девяносто оставшихся в живых воинов во главе с Матвеем Мещеряком ушли на Русь, не зная, что помощь уже спешила к ним — воевода Иван Мансуров с несколькими сотнями стрельцов уже перевалил Уральский хребет и двигался к Кашлыку. Но продолжать сибирскую эпопею ему пришлось без тех, кто ее начал. Казацкий отряд ушел за Урал. Правда, через год-другой многие казаки и атаман Матвей Мещеряк, возглавивший дружину после смерти Ермака, вернулись в Сибирь — она манила neodолимо.

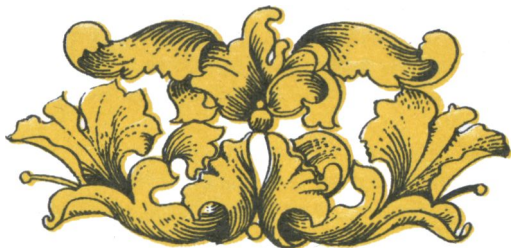
Дружина Ермака сделала первый великий шаг в Сибирь. Именно поэтому имя его не было забыто, Ермак Тимофеевич стал одним

из любимых народных героев, песни о нем живут уже долгие столетия.

Следом за первопроходцами двинулись в Сибирь крестьяне, промышленники, мастеровые и купцы. Одно за другим возникали на сибирских реках поселения, вокруг них осваивались земли — появились пашни, луга, огороды, выгоны и другие угодья. Русские осваивали неоглядные просторы, живя бок о бок с местными народами, щедро делились с ними разными умениями и учились сами.

Присоединение Сибири к России, добровольное вхождение в ее состав многочисленных племен спасло сибирские народы от исчезновения, ибо ордынское иго повсюду, где бы оно ни господствовало, приводило в конечном итоге к исчезновению государств, народов и племен, «давило и иссушало, — писал Карл Маркс, — самую душу народа».

Великое будущее открывалось перед Сибирью.

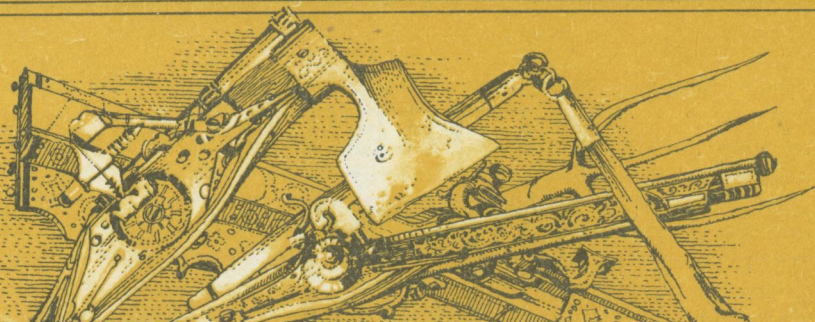
глава 5

Первая национальная война

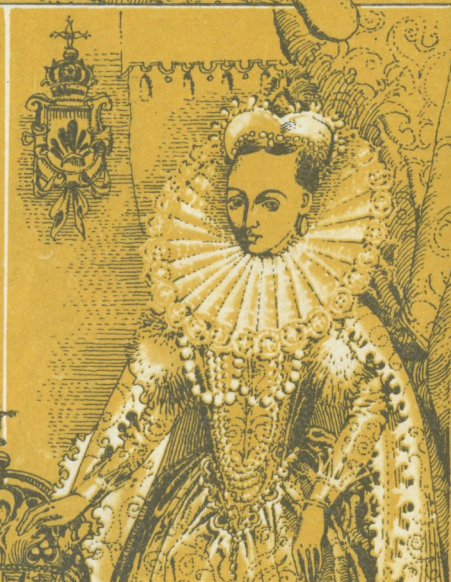
КОЛОМЕНСКОЕ
ЦЕРКОВЬ
ВОЗНЕСЕНИЯ

МОСКВА
ХРАМ
ВАСИЛИЯ
БЛАЖЕННОГО

ДМИТРИЙ I

МАРИНА
МНИШЕК

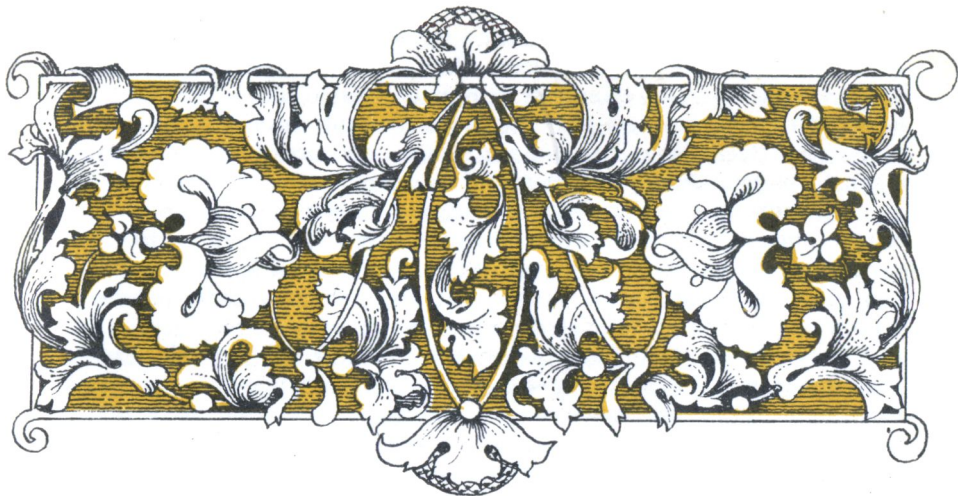

ПОЛЬСКИЕ БОЯРЕ

ОСТРОГ

ГЛУХАЯ
БАШНЯ

ТРИУМФ ПРАВИТЕЛЯ

на Руси дела шли непростым чередом.

Год за годом набирал силу при апатичном и неумном царе Федоре Борис Годунов. Поместий и вотчин у могущественного временщика по разным уездам было столько, что он и перечислить не мог их по памяти. Да, кроме того, Борис, как хотел, распоряжался доходами со многих дворцовых слобод, через него текли в казну пошлины и налоги. Немалая часть этого серебряного ручья тихо оседала в заветных сундуках царского шурина. Завистливые иностранцы пытались подсчитать доходы Бориса. У кого получалось 100 тысяч серебром, а у кого и все 200 — суммы сказочные, о таких и не мечтали даже многие европейские короли.

Но денег, хлеба и товаров Годунову мало. Все больше и больше манила его власть. Этот сладкий яд-опиум он готов был пить и пить непрестанно и ненасытно.

Борису удалось заполучить два высших придворных титула — конюшего боярина, который считался главой Боярской думы, и царского слуги. Титул царского слуги давался очень редко и считался выше боярского.

А зарубежным послам и посланникам Борис представлялся фигурой чуть ли не выше самого царя!

Подкупленные им дипломаты сообщали своим монархам, что Годунов — первый человек в Русском царстве. Скоро он стал

получать из-за границы послания, где его именовали так пышно, что и сам царь мог позавидовать. Английская королева называла Бориса «пресветлым княже и любимым кузеном». Брат австрийского императора именовал Годунова «наивысшим тайным думным всея Русские земли, наивышним моршалком светлейшим, нашим причетным любительным»!

Вершины власти при Федоре Годунов достиг к 1595 году. С этого времени его стали называть в документах так звучно и пышно, как никого до этого, — «царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин и дворовый воевода и содержатель великих государств — царства Казанского и Астраханского».

Теперь Борису не было равных в Российском царстве. Лишь один человек выше его — муж его сестры, хилый телом и слабый умом царь Федор Иоаннович.

К этому времени уже и царская вершина не казалась Годунову недостижимой. Однако добраться до нее оказалось непросто. Федор умер в самом начале 1598 года. Годунов попытался вначале удержать на царстве царицу-вдову Ирину. Но это встретило столь бурное недовольство бояр, что уже в феврале Ирина почла за лучшее удалиться в монастырь.

Царский трон был свободен. Но и претендентов на него обнаружилось, к огорчению Бориса, немало. Худородному Годунову, выведившему свой «корень» от татарина Мурзы-Чета, приехавшего на русскую великокняжескую службу в начале XIV века, противостояли бояре Мстиславские, являвшиеся потомками великого литовского князя Гедимина; Романовы, бывшие родней Ивана Грозного.

Был и еще один могущественный противник — Боярская дума, без согласия которой никто не мог «сесть на царство». Она и слышать не хотела о Годунове, мечтая ввести в стране своевольное боярское правление. За Бориса же выступали лишь патриарх да группа бывших друзей-опричников.

17 февраля 1598 года сторонники Бориса, встав «на солнечном восходе», толпой явились на подворье к патриарху. Здесь огласили заготовленную грамоту, которая ратовала за избрание Бориса на царство. В ней расписывалось, как он с детства был «питаем» от царского стола, как любил его царь Федор, завещавший его заботам и царицу Ирину, и все царство!

Но в то самое время, когда жидкая толпа сторонников Годунова кричала его «на царство», собравшись у патриарха, совсем рядом — в кремлевском дворце — заседала Боярская дума. В середине дня она выслала к народу дьяка Василия Щелкалова.

На троне никого нет, вразумлял народ Щелкалов, царица ушла

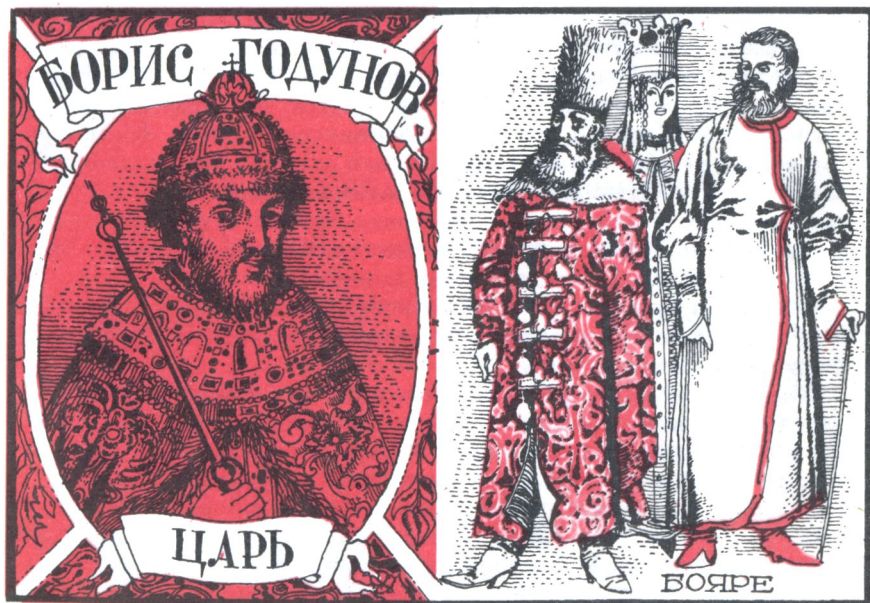

в монастырь, выход у всех один — целовать крест Боярской думе, вводить боярское правление!

Раскол в столице стал явным. Собор у патриарха выступил за избрание Бориса, а дума фактически заявила о введении боярского правления. Вздурораженная столица была полна самых невероятных слухов. О Борисе шептали, что он отравил Федора. Но и бояре не хотели, хорошо зная повадки этих «волков насытых». Несколько дней никто не мог взять верх — ни бояре, ни Борис.

Сторонники Бориса не жалели сил. Вечером 20 февраля открыли двери для ночных служб все московские церкви. Набожные жители, взволнованные неопределенностью и слухами, заполнили храмы до отказа. Служба продолжалась всю ночь, в толпах прихожан неумоимо сновали приверженцы Годунова, агитировали снова идти просить правителя о принятии царства.

А утром церковники сделали удивительно хитрый и точный ход. Они вынесли из церквей самые почитаемые иконы и двинулись с ними в сторону Новодевичьего монастыря. Церковные святыни сделали свое дело — народ толпами повалил за ними и все в конце концов собрались в Новодевичьем монастыре! Вновь стали упрашивать Годунова принять царство — и он «великодушно» согласился!

Не мешкая ни минуты, патриарх тут же повел его в ближнюю церковь и нарек царем.

Казалось бы, все свершилось — поезжай во дворец, садись на трон и властвуй! Но нет, Борис не торопился в Кремль — там сидела Боярская дума, а без ее присяги «избрание» было недействительно. Пять дней Борис оставался в монастыре, ждал согласия и присяги бояр. Однако бояре не торопились. Поняв, что дальше тянуть невозможно, Годунов 26 февраля поехал в Кремль. А чтобы не упустить инициативы, не дать народу отойти от Годунова, патриарх и Борис ничего лучше не придумали, как второй раз благословить правителя «на царство», на этот раз в кремлевском Успенском соборе.

Но Боярская дума и после этой церемонии не согласилась передать скипетр в руки цепляющегося за трон правителя. Положение Бориса стало очень щекотливым: дважды благословленный патриархом на царство, он царства все еще не получил из-за злокозненного упрямства бояр.

Что было делать? Как объяснить всем оттяжки и проволоочки? Пришлось пустить в ход неуклюжую выдумку о том, что Борис решил предаться церковному посту и якобы для того поехал снова в Новодевичий монастырь.

Так прошел месяц. Борис «постился», выжидал.

В конце марта патриарх, собрав толпу, вновь явился в Новодевичий монастырь. Поставив всех пришедших на колени, глава церкви стал просить Годунова принять царство. Выслушав его, Борис заявил в ответ, что он отрекается от царства, на которое уже был благословлен. Сделано это было специально. Теперь формально трон вновь считался свободным. Высшей властью номинально оказалась в такой ситуации царица-монахиня Ирина. К ней и поспешил патриарх — «за указом». А Ирина тут же «указала» то, что было задумано Годуновым. «Пристало время тебе облечься в порфиру царскую!» — заявила сестра Борису.

«Указ» царицы как бы заменил собой присягу Боярской думы, стал специально придуманным политическим ходом, который Годунов сделал очень ловко.

В апреле он вновь торжественно явился в Кремль. Вновь патриарх отслужил службу в Успенском соборе и благословил — уже в третий раз за два месяца! — Бориса на царство. Из собора Годунов направился в царские палаты и сел на престол.

Казалось бы, теперь-то уж все кончилось и боярам ничего не остается, как склонить голову перед новым самодержцем. Но дума продолжала борьбу. Бояре, поняв, что они шаг за шагом проигрывают Борису, отрешились от внутренних споров и сошлись на одной

кандидатуре в цари — Симеоне Бекбулатовиче. Татарский царевич, когда-то по прихоти Грозного уже сидевший полгода на троне, неожиданно стал конкурентом Бориса.

Но Боярская дума вновь недооценила изобретательности Годунова. Узнав о выдвижении Симеона, он в ответ распустил по Москве слух о приближении войск крымского хана и следом тут же объявил о сборе ополчения для спасения страны. Угроза нападения татар резко снизила популярность «татарского царевича». Но не это было главным в хитром годуновском расчете. Борис объявил, что сам возглавит войско, а боярам предложил занять, как это обычно бывало, военные должности в полках.

Игра Годунова на этот раз была беспроигрышной. Согласятся бояре — и поступят под его начало, то есть признают его власть. Откажутся — значит, изменники! Разговор с ними начнется другой, крутые расправы последуют незамедлительно!

Выхода не было, и бояре, поразмыслив, подчинились и поехали в полки.

Поход длился несколько месяцев. Все свыклись с мыслью о том, что Борис — глава государства, спасает землю от татар. Войско вернулось лишь в августе. В столице бояре нехотя присягнули новому царю, «спасителю» отечества. Патриарх вновь устроил коронацию в Успенском соборе, на этот раз последнюю. Борис наконец воцарился на троне без каких-либо оговорок, преодолев все рогатки и сопротивление. Власть была в его руках, но властвовать, как показало уже ближайшее будущее, оказалось непросто.

«И БЫЛ ГЛАД ВЕЛИКИЙ И ВОЛНЕНИЕ ВЕЛИКОЕ!»

Конец XVI века и начало нового столетия не принесли обескровленной войнами и хозяйственной разрухой стране облегчения. Весной и летом 1600 года шли проливные дожди, залившие поля, на которых сгнили и ярь, и озимь. Ранние заморозки довершили дело. В города, села и деревни пришел злой голод. Уже к началу зимы кончились в крестьянских хозяйствах последние припасы. А кадь ржи в Москве и по всем другим городам стоила 4 рубля серебром — цена неслыханная! Крестьянину таких денег в три года не скопить. «Лист липовый, кора березова, полын да лебеда — крестьянская еда!» — невесело говорили в народе.

Похоронный перезвон то и дело звучал по деревням и погостам, а в больших селах и городах и не смолкал совсем — то хоронили

мертвых, погибших от голода. Но церкви звонили далеко не по каждому умершему — безродные голодные люди массами умирали на улицах и дорогах, никому не нужные, забытые и богом, и царем.

Недобрым словом провожали тот год изголодавшиеся люди, надеялись, что наступивший принесет облегчение. Он как будто бы начинался неплохо — снежная зима не затянулась, весна пришла вовремя. По деревням готовились к севу, пахали землю старательно — кто на тощей кобылке, пережившей зиму, а кто и сам впрягался в плуг. Семян у большинства крестьян не было. Все шли на поклон к помещикам и монастырям — у феодалов в житницах зерна хватало. Брали зерно под кабальный процент, один за четверть будущего урожая, а другой — и за треть! Отсеялись вовремя. В июне начали сено косить, яровые взошли дружно. Казалось, наступал просвет в нелегкой крестьянской жизни.

Но с последних дней июня вдруг полились дожди. День шел за днем — дождь за дождем! А следом, в конце июля (невиданное дело!) ударил мороз, под корень погубив все, что не сгнило под дождем. «Пришел великий мраз и позябло всякое жито и всякий овощ и быть глад велик», — мрачно отметил летописец.

За отпрянувшим морозом вновь хлынули дожди — на весь август. В сентябре, довершив дело, ударили ранние морозы, оставили крестьян на зиму даже без грибов и ягод. Новая грустная запись появилась в летописи: «Погиб всяк труд дел человеческих и в полях и в садах и в дубравах всяк плод земной».

Совсем тяжела стала доля крестьянская. Не то что долги отдать — опять есть было нечего! Голод снова взялся за дело — уже осенью было «мертвых без числа по градам и по весям и по дограм».

А богатеи радовались! «У знатных господ, — писал итальянец Исаак Масса, оказавшийся в это время в Москве, — а также во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его уже погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его, ожидая еще большего повышения цен... Голод, бедствия и ожесточение людей были слишком велики... Сам патриарх, имея большой запас хлеба, объявил, что не хочет продавать зерно, за которое должны будут дать еще больше денег».

Следом за голодом пришла эпидемия чумы — «зело лютый мор», нещадно косивший ослабленных людей. Живые не успевали погребать мертвых. Положение стало отчаянным.

Многие пытались найти выход, уходя с насиженных мест в южные края, где было теплее и можно было кормиться собирательством и охотой. На юг шли крестьяне, бросившие хозяйство. На юг

брили холопы, которых в голодный год тысячами выгоняли из барских усадищ жадные до наживы хозяева. Скоро в окраинных уездах скопились десятки тысяч обездоленных, голодных, лишенных всяких средств к существованию людей. Многие из них, сбиваясь в случайные группы, начали борьбу с угнетателями.

Царские грамоты того времени именовали этих людей не иначе как «ворами», «разбойниками», «лихими людьми». Но в действительности эти стихийные выступления были первыми проявлениями начинавшейся крестьянской войны.

Отдельные костры скоро собрались в большой пожар. К лету 1603 года голодные бунты вылились в восстание под предводительством Хлопка. Он вышел, судя по прозвищу, из холопского круга. Хлопко собрал в юго-западных уездах страны большое, правда, вооруженное чем попало войско и двинулся в Подмосковье — бояр выводить!

Обеспокоился Борис Годунов. Брожение в околomosковских уездах грозило перекинуться и на столицу. То там, то здесь по большой Москве простой люд «богатых дома грабил и разбивал и зажигал».

В такой критической обстановке спешно собравшаяся в августе Боярская дума вынесла решение: послать против восставших «многую рать»!

Было собрано значительное, как для большой войны, войско. Во главе его царь поставил одного из лучших своих военачальников — Ивана Басманова.

Получив оружие из кремлевских арсеналов, армия Басманова спешно выступила из Москвы навстречу восставшим. Решающее столкновение произошло в сентябре 1603 года близ Москвы. Царский авангард попал в лесную засаду — со всех сторон кинулись на него повстанцы и в короткой злой сече перебили дворян. В этой схватке пал и сам Иван Басманов.

Но скоро к месту сражения подошла основная часть царских сил — дворянская конница. Вооружена она была первоклассно: дальнобойные пищали, крепкие панцири, отличные сабли и копья, не сравнить было с крестьянским дубиньем, косами, вилами и деревянными пиками. Ожесточенный бой, в котором восставшие дрались, «не щадя голов своих», понимая, что плен для них будет хуже смерти, закончился победой царского войска. Изрядно поредевшее дворянское ополчение зверски расправилось с пленными — все они погибли под топорами палачей. Был казнен и израненный в бою Хлопко.

Но подавление восстания не привело, как желали Годунов и бояре, к прекращению народных волнений. Части восставшего

войска удалось спастись от разгрома, и она ушла в южные уезды государства.

Новые грозные волны подымавшейся классовой борьбы не заставили себя ждать: не прошло и года, как вновь закачался царский трон.

ПЕРВЫЙ ЛЖЕДМИТРИЙ

ненависть вконец разоренного народа к царю-боярину Борису Годунову после кровопролитного подавления восстания Хлопка лишь ненадолго ушла в глубину и уже в следующем году вновь выплеснулась на поверхность, найдя новую форму.

В годы тяжелых бедствий среди простого народа широко разошлись легенды о «хорошем» царе-избавителе, который обязательно придет, свергнет узурпатора Годунова, накажет лихоимцев-бояр, уничтожит нараставший крепостной гнет, всех напоит и накормит. Эта наивная вера была в феодальную эпоху очень устойчивой. Все чаще и чаще звучало среди людей, наполняясь магической силой, имя погибшего в Угличе царевича Дмитрия.

Имя Дмитрия, сначала почти забытое, с воцарением Годунова стало звучать все чаще и чаще. Рассказывали, что Дмитрий вовсе не погиб по злой воле Годунова, а чудесным образом спасся и скоро придет, чтобы воздать народным угнетателям за все притеснения, за голод, непосильные поборы и установление крепостнических порядков.

И «Дмитрий» объявился! Под именем покойного сына Ивана Грозного выступил постригшийся в монахи мелкий галицкий дворянин Григорий Отрепьев. Долгое время никто из окружающих не верил его рассказам о том, что он царский сын, спасенный неизвестными покровителями от гибели, а сейчас ходит, «избегаячи, укрываясь от царя Бориса». Так было до тех пор, пока скитания не привели его во владения польского магната Адама Вишневецкого. Могущественный феодал, захвативший огромные земельные богатства на Украине, сообразил, что, признав Отрепьева за царевича, он, во-первых, добьется «царского» утверждения всех своих захватов, а во-вторых, откроет возможности для новых приобретений. Широко разрекламировав «чудом спасенного царевича» в Польше, он заручился поддержкой многих магнатов и самого короля Сигизмунда III для организации похода на Русь с целью свержения Бориса Годунова и возведения на престол «законного» наследника.

Так появился Лжедмитрий I. Весь 1604 год в Польше и подвластных ей владениях на Украине шла подготовка к походу на Москву. С разрешения короля и сейма «царевич» набрал войско шляхтичей, горевших желанием пожить в русских землях. Магнаты щедро снабжали самозванца деньгами, чуя будущую поживу. Королем Сигизмунду Лжедмитрий дал секретное обещание после воцарения уступить Польше Смоленск и Северную Украину, ввести на Руси католичество, а также заключить с королем вечный союз, ставивший Россию в положение вассала.

Закончив обширные приготовления, в октябре 1604 года Лжедмитрий двинулся на Русь. Перейдя Днепр, он скоро вошел в юго-западные уезды России, полные беглого люда. По пути движения армии рассылались гонцы с «прелестными письмами» о приходе «истинного царевича», народного освободителя.

Забитые и обездоленные люди ждали хоть какого-нибудь про света в своей тяжелой судьбе и верили этим рассказам. На приход «справедливого и честного» царевича возлагали надежды и обнищавший, бросивший свой двор крестьянин, и беглый холоп, и разорившийся ремесленник, и мелкий служилый человек. Поэтому, выступая против годуновских бояр-притеснителей, против хозяев-крошителей, простые люди пошли под знамена «избавителя».

В октябре — ноябре 1604 года на сторону самозванца перешли города Чернигов, Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы! Войско росло не по дням, а по часам — посадские жители городов, запорожские казаки, гулящие люди разного звания, вооружившись кто чем мог, шли воевать за «хорошего» царя.

Удивляясь легкости, с какой приходили к нему успехи, Лжедмитрий налево-направо раздавал самые разные обещания. Феодалам реальные — землю и крестьян, а простому люду бросал пустые слова об избавлении от Годунова и бояр, о «благоденственном житии». Но измучившийся народ верил и этому, верил, что «хороший» царь, которому восставшие, не щадя жизни, помогали восстановить «законные права», освободит их от крепостного ярма.

Пожар восстания, разгоревшийся уже от Волги до западных границ, все ближе подбирался к Москве. Царские воеводы терпели неудачу за неудачей. Стрельцы, казаки, ополченцы во время сражений и стычек десятками и сотнями переходили к самозванцу.

Годунов был мрачен, часто впадал в откровенное отчаяние. Он почти не появлялся на людях, выходил лишь по церковным праздникам, никого к себе не подпускал — челобитчиков с грамотами стража разгоняла палками.

Подобно Ивану Грозному, он стал крайне подозрителен, всюду видел интриги, открыто обвинял то одного, то другого боярина

в измене. Советов своего окружения не слушал, а обращался за ними к всевозможным прорицателям, гадалкам, юродивым.

Царь на глазах дряхлел, тяжелые политические испытания подорвали его душевные силы. Он стал мелочен, жаден, сам проверял по вечерам печати на погребках, замки на кладовках, осматривал решетки на оконцах амбаров.

Единственный, о ком он беспокоился, был сын Федор, которого Годунов неотступно держал при себе, ни на шаг не отпуская. Видимо, память о гибели Дмитрия в Угличе, помноженная на выросшую подозрительность, побуждала его неотступно следить за царевичем-подростком. Борис явно боялся заговора против наследника.

Неудачи в политике дополнились болезнями. Царь все чаще впадал в уныние, часами сидел в оцепенении, никого не принимая, не интересуясь делами. Казалось, что и бушующая на юге народная стихия уже не интересует его. Силы Годунова — и телесные, и умственные, и душевные — угасли.

13 апреля 1605 года Борис скоропостижно скончался в своих постельных покоях. В последние минуты по его приказу он был пострижен в монахи. Причиной смерти был апоплексический удар — Годунов не выдержал потрясений.

На престол вступил 16-летний Федор. Но правление его продолжалось меньше двух месяцев. 1 июня 1605 года в Москву в сопровождении отряда вольных казаков во главе с атаманом Корелой проникли гонцы Лжедмитрия. С Лобного места на Красной площади они зачитали собравшемуся московскому люду «прелестную грамоту» самозванца. В ней он клеймил Годунова, ругал его за «разорение и ссылки, и муки нестерпимые», за то, что Годуновы «о нашей земле не жалеют, да и жалети им было нечево, потому что чужим владели». Одновременно Лжедмитрий обещал московским боярам «честь и повышение», дворянам — царскую милость, торговцам — уменьшение пошлин, а простому народу — туманную «тишину», неясный «покой» и неопределенное «благоденственное житие». Тому же, кто не подчинится, самозванец грозил — «от наши царские руки нигде не избыть!».

Пока читалась грамота, вольные казаки Корелы, пользуясь тем, что правительство нерешительного Федора еще раздумывало о том, как поступать, посбивали замки с московских тюрем и выпустили на волю сотни, если не тысячи сидевших в царских застенках узников, в том числе и пленных участников движения. Появление возбужденных, еще покрытых следами недавних побоев годуновских пленников на Красной площади произвело эффект искры, брошенной в порох, — по всей Москве вспыхнуло восстание. Народ

захватил Кремль, стража которого в панике разбежалась, и разгромил царские хоромы. Следом пришел черед боярских усадеб, многие из них были разорены «миром, всем народом... боярские и дворянские, и дьячьи».

Царь Федор и царица-вдова Мария Годунова были низложены и взяты под стражу. Династия Годуновых была свергнута в одночасье.

Московское восстание расчистило путь Лжедмитрию. 20 июня «победитель» Годунова торжественно въехал в Москву, а спустя месяц пышно короновался в разукрашенном Кремле на царство. Пройдя по затканному золотом бархатному ковру в Успенский собор, он принял от бояр державу и скипетр. Патриарх надел на голову самозванца венец Ивана Грозного. После этого — опять по бархату — Лжедмитрий проследовал в усыпальницу великих князей — Архангельский собор. Там, облобызав надгробия «предков», самозванец надел на себя еще и шапку Мономаха. На выходе услужливые бояре осыпали нового царя золотыми монетами.

Лжедмитрий щедро одарил из русской казны послужившую ему шляхту, многих шляхтичей возвел в русское дворянство. Они вели себя в Москве, как в завоеванном городе, — каждый набрал десятки слуг, пьянствовал и веселился вволю, не считаясь с русскими обычаями.

Однако московский люд, знавший свою силу, недолго мирился с этим. Уже через несколько дней после коронации Лжедмитрия случилась кровопролитная стычка между москвичами и иноземным рыцарством. Дело неминуемо закончилось бы полным разгромом шляхты, но Лжедмитрий схитрил, и это спасло положение. Он демагогически потребовал выдачи шляхтичей, виновных в зачине драки, якобы желая наказать их, а одновременно послал к запершемуся в казармах «рыцарству» лазутчика, через которого просил — «пусть они окажут повиновение для того, чтобы успокоить русских».

Царю выдали трех шляхтичей-зачинщиков, сутки их продержали в тюрьме, а потом тайком выпустили. Волна гнева на время была сбита.

Месяц шел за месяцем, народ ждал обещанных когда-то «хорошим» Дмитрием вольностей, а их, за исключением нескольких жалких подачек, не было. Было другое — новые закрепостительные законы, расформирование вольного казацкого войска, раздача феодалам земель, подтверждение, а потом и увеличение сроков сыска беглых, появление в Москве католических священников, оскорблявшее религиозные чувства православных москвичей. Среди народа пошли толки, что царь, видно, в действительности не

настоящий, воли не дает и веры-то он неправославной! Стало расти стихийное недовольство его откровенно феодальной, к тому же сдобренной примесью национального и католического угнетения политики.

Да и у московской боярской верхушки не было особых оснований радоваться правлению Лжедмитрия. Титулованное московское боярство оказалось оттесненным от кормила власти. Более того, ряд московских дворян был казнен самозванцем. К казни был приговорен и знатный боярин Василий Шуйский. 30 июня 1605 года он уже стоял на эшафоте и прощался с жизнью, когда прискакавший гонец привез указ о помиловании.

Избежавший казни, Шуйский затаил крепкую злобу на Лжедмитрия и не смирился. Вместе с другими боярами он задумал заговор против самозванца и стал ждать удобного случая. Случай представился меньше чем через год. 8 мая 1606 года Лжедмитрий устроил свою свадьбу с польской дворянкой Мариной Мнишек. Небывало пышная свадьба, сыгранная по иноземным обычаям, сильно не понравилась москвичам. На свадебном пиру ближе всех к царю и царице были посажены польские магнаты, яства им носили на блюдах из чистого золота. А русская знать сидела в стороне и внизу — здесь и серебряных блюд было немного. Свадьба, по свидетельству очевидца, шла «так скучно и угрюмо, что можно было диву даваться».

Прибывшее на свадьбу магнатство да шляхетство — почти 2 тысячи польских дворян — вошли на венчание в церковь в шапках и при оружии, что покорило москвичей, а затем, упившись, начали бесчинствовать по городу, «почитая московитов хуже собак», как отметил наблюдательный иностранец.

Это вызвало новую вспышку народного гнева, которым и воспользовались заговорщики. 17 мая 1606 года началось восстание против Лжедмитрия. В один час ударили в набат все московские церкви. По этому сигналу вооруженные заговорщики ворвались в Кремль, где самозванец был скоро убит. На улицах Москвы началась расправа со шляхтичами, а заодно и со многими московскими богатеями.

Падение Лжедмитрия явилось полным крахом замыслов польских магнатов использовать этого правителя для замаскированной интервенции. Русский народ решительно пресек эту попытку.

Но плодами народной победы быстро и умело воспользовалось московское боярство. Глава боярского заговора Василий Шуйский, который меньше чем год назад, стоя на эшафоте, умолял Лжедмитрия о помиловании, подобрал свалившийся с головы убитого самозванца царский венец.

оцарение Василия Шуйского стало новым торжеством крепостнической боярской реакции, и простой народ сразу это почувствовал. Боярин Шуйский был ничуть не лучше Годунова, свергнутого год назад.

«Люди смутились и креста царю Василию не целовали», то есть отказались от присяги новому правителю. В южной части страны присягать отказались многие города и волости. По городам и весям ползли слухи о том, что «хороший» царь Дмитрий не погиб, а вновь избежал смерти и скоро придет, чтобы облегчить крестьянскую и холопскую долю. Имя Дмитрия в это время уже совсем оторвалось от погибшего в детстве царевича и от убитого в Москве Гришки Отрепьева. Оно стало бестелесным символом, в котором воплотились пусть наивные и несбыточные, но чрезвычайно сильные вековые мечты крестьянства о лучшей доле, «хорошем» царе.

Уже через месяц после того, как на кремлевской соборной площади подставные боярские горлопаны выкрикнули «в цари» Василия Шуйского, поднимается новый вал народной войны против феодального угнетения. Его главной особенностью являлось то, что теперь антифеодальное движение уже не было ничем замутнено — острое его сразу обратилось против угнетателей. По многим городам прокатилась волна расправ с боярами и воеводами, имущество их по казачьим обычаям делилось поровну между восставшими.

Центром борьбы в начале лета 1606 года становится южный город Путивль — «град велик и преизобилен и множество людей в нем». А возглавил народную борьбу Иван Исаевич Болотников.

Не много известно о жизни этого народного героя. Он происходил из обедневших подмосковных дворян и в годы хозяйственной разрухи конца XVI века обеднел настолько, что попал в холопы к князю Телятевскому. Князь сделал Болотникова боевым холопом, одним из тех, кто сопровождал его в походах, защищал в боях. Рабское состояние тяготило свободолюбивого воина, и Болотников сбежал от своего хозяина. По примеру многих он подался в южные края — на Дон, к казакам-вольнолюбцам, «рыцарям южных степей». Казацкая среда пришлась по душе беглому. Не раз он ходил в опасные походы, стал закаленным воином, у которого бесстрашие сочеталось с большим воинским умением.

Но во время одного из походов Болотников попал в плен к крымским татарам. Те продали молодого и сильного пленника в Турцию, на галеру. Несколько лет прикованный к скамье Болотников

провел в новом, еще более тяжелом положении раба — галерного гребца. Вызвали его случай: в стычке немецких и турецких военных кораблей верх взяли немцы. Иван оказался в Венеции, где и прослышал о бурных событиях, происходящих на родине. Пожив здесь на немецком подворье у новых хозяев, он уходит от них — сначала в Германию, потом перебирается в Венгрию, где скоро становится предводителем большого отряда запорожских казаков, участвовавших в борьбе с турками. Вместе с этим отрядом Болотников идет в Польшу и оттуда наконец устремляется на родину.

Дважды за свою жизнь Болотников побывал в рабстве — у своих господ и у иностранцев. Это выковало в нем неистребимую ненависть к рабскому состоянию человека, сделало близкими чаяния простых людей. А активное и разнообразное участие в военных делах превратило Болотникова в опытного полевого бойца и великолепного военного организатора. Современники не раз называли его «отважным воином», «достойнейшим мужем, сведущим в военном деле».

В начале лета 1606 года Болотников с отрядом казаков пришел в Путивль, где уже бушевало восстание против нового царя. Объявив себя «гетманом царя Дмитрия», он скоро встал во главе движения, которое завоевывало на юге один город за другим.

Присягать Шуйскому отказались кроме Путивля еще и Белгород, Борисов, Оскол, Елец, Тула, Кромы, Рыльск и многие другие города.

Василий Шуйский ответил на это неповиновение посылкой нескольких крупных карательных отрядов. Один из них пытался взять непокоренные Кромы, другой — Елец. Но все попытки царских воевод с ходу овладеть городами провалились. Весь август, пока царские войска находились под Кромами и Ельцом, безуспешно осаждая их, Болотников готовился к активным действиям. А в конце месяца нанес решительный удар в направлении Кром. Армия Шуйского в панике откатилась на север.

Путь восставшим на Москву теперь был открыт, и они двинулись в сторону столицы. Скоро пламя восстания охватило район столицы почти замкнутым кольцом: один город за другим переходил на сторону Болотникова, армия его пополнялась все новыми и новыми бойцами. Ведущее место в ее рядах принадлежало холопам, самой бесправной категории зависимого населения. Их под знаменами Болотникова было больше 20 тысяч. Много было и крестьян, а также казаков, стрельцов и посадских людей. Постепенно в движение были втянуты и группы мелких дворян, особенно тульских и рязанских, которые искали в борьбе с боярством свои выгоды.

громная армия восставших к концу октября прихлынула к Москве. Народное движение достигло своей наивысшей точки — теперь под удар был поставлен политический центр феодального государства, а это несло угрозу для всего господствующего класса феодалов-крепостников.

Все средства были исчерпаны, оставалось одно — укрыться за стенами мощной московской крепости, попытаться отсидеться и выиграть время. Воеводам был дан приказ спешно отступить к Москве. «Град Москву крепко затворив и крепко утвердив», Шуйский со страхом ждал появления у стен столицы повстанческих войск.

«Новоцарствующий во граде, как пернатый в клетке!» — метко заметил о Василии Шуйском один из современников. Положение в столице стало критическим. Резко вздорожал хлеб. «Казны нет и людей служилых нет!» — с досадой сообщает один из дворян-очевидцев. Но самое главное — «государь не люб боярам и всей земле и меж бояр рознь великая!» «Во граде все люди в размышлении и в отчаянии о помощи, поскольку многие грады царю изменили».

Рьяно помогала царю церковь. Чтобы укрепить ослабший моральный дух царева воинства, московские церковники не жалели колоколов, чернил и дорогой бумаги, да и собственных глоток. Патриарх Гермоген хулил восставших последними словами, называл их «кровоядцами и злыми разбойниками», которые «отступили от бога и православной веры и повинулись сатане». Ежедневно в московских соборах шли службы, читались проповеди, в них призывалась в помощь царю божья милость, а на восставших сыпались беспрестанные проклятья.

Болотников решил действовать активнее; уже полтора месяца стояли повстанцы под Москвой, а результата не было. Прежде всего он, хоть и с некоторым опозданием, решил замкнуть кольцо окружения, перерезать дорогу, ведущую на Ярославль, чтобы подкрепления извне не протекали к Шуйскому. 26 ноября отряды восставших приступили к осуществлению этого плана. Царские воеводы сразу поняли замысел Болотникова и то, чем грозит его осуществление. Поэтому на другой день все имевшиеся в Москве военные силы были брошены в бой.

Царские воеводы намеревались нанести удар по основным силам Болотникова в селе Коломенском, где восставшие соорудили мощную крепость-острог. Правительственными войсками командовал Михаил Скопин-Шуйский.

Сражение развернулось на большом пространстве, и до середины дня было не ясно, кто же одолеет. Но в разгар боя Болотникову изменил довольно большой отряд, возглавлявшийся дворянином Пашковым. Это внесло дезорганизацию в ряды восставших и фактически решило исход сражения. Армия Болотникова, потеряв несколько тысяч убитыми, ранеными и пленными, отошла к Коломенскому и укрепилась там в новопостроенном остроге.

Попытка царских воевод ворваться в эту крепость на плечах отступавшего повстанческого войска не удалась. Острог, построенный по приказу и под наблюдением Болотникова, был, по отзывам видевших его иностранцев, прекрасным фортификационным сооружением. Земляные укрепления и мощный частокол восставшие дополнили еще одним чрезвычайно остроумным защитным сооружением. «У восставших было несколько сот саней, — сообщает Исаак Масса, — и поставили их в два и в три ряда одни на другие, и плотно набили сеном и соломою, и несколько раз полили водою, так что все смерзлось, как камень».

Царская армия откатилась за стены Москвы, где принялась готовить решающий удар по восставшим.

Этот удар был нанесен 2 декабря, после подхода на помощь Шуйскому смоленских и ржевских полков. Болотников дал врагу встречный бой у деревни Котлы. Военное искусство Скопина-Шуйского, умело расставившего полки, помогло правительственным войскам и на этот раз взять верх. Болотников, потерпев поражение, вновь отошел к Коломенскому, куда, преследуя его, устремились и царские воеводы.

Подтянув мощные артиллерийские силы, они начали обстрел лагеря восставших — «по острогу били три дня, разбить же острога не могли». Лишь применение зажигательных снарядов — «огненных ядер» — позволило поджечь укрепления. Это вынудило Болотникова спешно сняться.

Вывавшись из окружения, он отступил в Калугу.

Выигранное феодалами сражение изменило обстановку. Инициатива перешла к царским войскам, восставшие теперь защищались. В царском лагере царило ликование, в столице «радовались помощи божьей и одолению врагов. Государь царь всех щедро одарил и хвалил перед всеми за их службу и старание». В грамотах, разосланных по городам, победа изображалась как окончательный разгром «злого изменника Ивашки Болотникова».

Но желаемое в этих грамотах выдавалось за действительное: силы восставших еще были велики, а территория, охваченная народной войной против угнетателей, в зимние месяцы 1607 года даже выросла.

ародная гроза откатилась от феодальной столицы, но была еще достаточно сильна и по-прежнему пугала едва пришедшего в себя после осадных страхов Василия Шуйского. Поэтому он лихорадочно готовил новую военную кампанию, рассчитывая закрепить наметившийся успех. Сразу вслед за повстанцами отряжается большая армия, которую вызвался возглавить брат царя Дмитрий Шуйский. Это был один из самых бездарных воевод тогдашнего московского царства. Догнав отступающих под Калугой, он с ходу кинулся на измотанное боями и походом войско Болотникова, рассчитывая легкой победой стяжать себе лавры победителя «злого изменника и смутьяна». Но Болотников, правильно построив полки, быстро опрокинул нападавших и нанес царскому войску тяжелое поражение. Незадачливый царский брат отступил, а восставшие спустя некоторое время еще раз изрядно потрепали его войско.

Царь спешно послал на помощь Дмитрию еще одного брата — Ивана Шуйского с тремя полками и артиллерией. Но и вдвоем царские братья ничего не смогли сделать — Калуга, в которой укрепились повстанцы, стояла крепко.

Тогда в январе 1607 года на помощь им был послан Михаил Скопин-Шуйский. Опытный воевода разработал свой план захвата укрепленного города. Учитывая, что калужская крепость была деревянной, он решил, во-первых, вести интенсивный обстрел из «огненных великих пищалей». А во-вторых, решено было использовать для поджога стен гигантский дровяной «подмет».

Скоро воеводы «согнали крестьян из окрестностей, и они были принуждены рубить каждый день деревья в окрестных лесах, колоть дрова и возить их в лагерь на санях, которых было несколько сот, так что сложили целые горы дров вокруг Калуги, намереваясь подвигать подмет с каждым днем все ближе к Калуге, чтобы при благоприятном случае зажечь его, когда ветер будет дуть на Калугу, и таким образом погубить осажденных».

Прячась за дровяным валом, осаждавшие перекидывали поленья с одной стороны на другую, и дровяная стена, словно живая, все ближе придвигалась к крепостным стенам. Скоро подвижный вал, надежно закрывавший наступавших, приблизился почти вплотную к крепости, окружив ее гигантским кольцом. Положение стало критическим. Казалось, что хитроумие царских воевод берет верх над мужеством восставших.

Но Болотников сумел преодолеть смертельную опасность! По его приказу еще в первые дни движения «подмета» повстанцы

стали рыть из крепости подземный ход навстречу дровяным горам. В рассчитанном месте было заложено под землей несколько десятков бочек пороха. В последнюю ночь перед поджогом «подмета», когда царские воеводы уже предвкушали победу, грохнул рядом с крепостью невиданный взрыв. «От лютости пороховой поднялась земля, — сообщает пораженный летописец, — и с дровами, и с людьми, и с пушками, и со щитами, и со всякими штурмовыми хитростями. И много войска погибло, и в смятении было всей войско!»

Сразу вслед за взрывом, когда еще не осел дым, на поверженное в панику царское войско обрушился «вылазной» отряд восставших. Он причинил царской армии еще больший урон, захватив всю артиллерию, массу оружия и военного имущества.

Так была одержана повстанцами одна из самых блестящих побед, когда военная мысль Ивана Болотникова одолела стратегические хитрости опытных царских военачальников.

«ЦАРЕВИЧ ПЕТР»

имой 1607 года произошло объединение движения Болотникова с еще одним войском восставших, которым командовал «царевич Петр», якобы являвшийся сыном покойного царя Федора Иоанновича и — соответственно — племянником Дмитрия.

Царевичем Петром объявил себя муромский посадский человек Илья Горчаков. Он долго скитался по России бездомным, стал настоящим «гулящим человеком», служил на волжских судах, работал в Астрахани. Потом попал в холопство, но ушел от хозяина. В конце концов прибил к терским казакам и решил вместе с ними идти на Москву — помогать царю Дмитрию выводить лихих бояр. А чтобы царь отнесся к казачьим просьбам со вниманием, казаки «приговорили» Илью назваться «царевичем Петром», наивно полагая, что уж родному-то племяннику царь не откажет!

Но пока казачий отряд находился в пути, Лжедмитрия в Москве свергли. Казаки прослышали от разных «прохожих людей», что избежав смерти, Дмитрий пришел в Путивль, и тоже двинулись туда. Не найдя в Путивле Дмитрия, «царевич Петр» скоро сам стал фактическим предводителем народного движения против угнетателей. Войско его выросло, он смело выступал против бояр и дворян, расправлялся с ними, конфисковал награбленные ими богатства.

Вскоре он установил связи с Иваном Болотниковым. Две армии восставших начали поддерживать друг друга при проведении операций против царских войск. Такие согласованные действия к весне 1607 года принесли свои плоды. 3 мая под Калугой было наголову разбито огромное царское войско. В ходе боя несколько тысяч царских ратников перешли на сторону повстанцев, остальные разбежались.

После этого Болотников со всеми силами перешел из Калуги в Тулу, где соединился с Петром-«царевичем». Глубинная причина майского успеха восставших крылась в дальнейшем распространении народной войны по всей России. На северо-западе бунтовали псковские мужики, а на крайнем юге возстал волюнлюбивый астраханский люд. Рязанские крестьяне громили помещичьи усадьбы, поволжское население — и русское, и нерусское, — открыто выступило против царя-боярина, а в уездах, расположенных к югу от Москвы, его власть вообще никем не признавалась — здесь все присягали несуществующим царю Дмитрию и «царевичу Петру».

ТУЛЬСКИЕ БИТВЫ

уйский понял, что, упустив инициативу, захваченную в боях у Коломенского, он подошел к последней черте, за которой, если она будет перейдена, его свергнут с трона. Действия царя приобрели лихорадочный характер. Без армии он был, как «орел бесперый, не имеющий клюва и когтей».

Поэтому прежде всего царь решил задобрить дворянство. Участников борьбы с Болотниковым щедро награждают землями и деньгами.

Деньги раздавались «за раны и кровь», «за приступы», «за осадное сиденье», но больше всего «за убитые мужики» — чем больше убивал крестьян и холопов какой-нибудь феодал, тем щедрее были ему «царская милость и жалованье».

После проведенного в Серпухове общего смотра войск 21 мая 1607 года огромная царская армия быстро выступила в поход на Тулу.

Царь, уже не доверяя воеводам, сам возглавил поход, подчеркнув этим его чрезвычайную важность.

Болотников скоро узнал о движении царского войска, и у него родился дерзкий план. Он решил, воспользовавшись тем, что царские войска, оставив Москву, ползут по длинным дорогам на юг,

совершить быстрый поход на Москву, обойти правительственную армию и взять столицу.

Подняв войско — 30—40 тысяч человек, — Болотников быстрым маршем двинулся из Тулы в московском направлении — на Каширу. Но царские лазутчики вовремя дали знать об этом Шуйскому, и он успел перебросить войска — дорога повстанцам была перекрыта.

Болотников не стал уклоняться от боев; он всегда был сторонником решительных действий, предпочитал «прямой бой» другим средствам решения военных задач. 5—7 июня на маленькой речке Восме развернулось тяжелое сражение восставших с мощным дворянским ополчением. В начальный период боя полторы тысячи казаков сумели прорвать цепи стоявших на берегу боярских полков, переправились через речку и, заняв подходящий овраг, начали обстрел царских резервов, еще не перешедших на берег, где шла битва.

Бой долго шел с переменным успехом. Чаша победных весов склонялась то в одну, то в другую сторону. Но тут снова подвела Болотникова измена! Один из воевод крупного полка в четыре тысячи человек неожиданно перешел на сторону врага! В образовавшуюся брешь хлынули боярские отряды. Дезорганизованное войско восставших стало отступать в сторону Тулы, неся большие потери.

Трагической оказалась и судьба казачьего авангарда. Его окружили со всех сторон, но и лишенные всякой надежды на помощь казаки тем не менее отказались сдаться, несмотря на царское обещание, что им будет «отдана их вина», то есть дано прощение. Казаки решили «помереть, а не здатца!» Лишь на третий день борьбы, когда воеводы «велели всем полкам и всем ратным людям приступать, конным и пешим», врагу удалось ворваться в наспех сооруженный казачий оборонительный городок. Казаки «билися на смерть, стреляли из ружей до тех пор, что у них пороха не стало». Всей мощью обрушившись на горстку храбрецов, царское войско разгромило лагерь. Взятых в плен, как сообщил очевидец, по приказу царя «на завтрее всех казнили».

Через пять дней, уже под Тулой, Болотников принял новое сражение с наступавшими войсками царя. Битва на реке Вороньей продолжалась три дня, пока царским воеводам не удалось потеснить восставших. После этого Болотников отдал приказ отступить в крепость.

Едва затворились тульские крепостные ворота, как к городу подошли правительственные войска. Взять Тулу с ходу не удалось, и царь начал осаду.

ойско царя насчитывало многие десятки тысяч ратников, а у Болотникова осталась лишь половина армии — меньше 20 тысяч человек. Плотным кольцом окружив город, царские войска не раз пытались взять его штурмом, но все их попытки были отбиты. Более того, ежедневно по три-четыре раза восставшие совершали смелые вылазки «и многих царских людей ранили и побивали».

Неделя тянулась за неделей. Прошел месяц, потом второй. Царь топтался под мятежной Тулой, уже не надеясь на военное решение. Но появились у него другие надежды. Во-первых, восставших начал косить голод. На третьем месяце положение в городе стало отчаянным. Но и в это труднейшее время Болотников проявил блестящие качества народного вождя. Он умело поддерживал стойкость осажденных, ободряя слабых и сурово пресекая намерения «предаться царю».

Но к одной беде скоро добавилась другая. По совету одного из дворян царь распорядился устроить на реке Упе ниже Тулы огромную плотину. Вода в перегороженной реке стала подниматься, разливаясь по низким берегам и скоро затопила город.

Восставшие, измученные осадой и голодом, держались в затопленном городе уже четвертый месяц. Стойкость их была беспримерна, но силы кончались, а помощь извне — от восставших уездов — не приходила. Таяла последняя надежда, «что вода спадет и они получат возможность сделать вылазку, чтобы попытаться счастья пробиться через вражеское войско и таким образом уйти оттуда».

Но и у царя не все шло гладко. Восстание продолжалось во многих уездах, а тут еще под флагом нового, уже второго, Лжедмитрия началось вторжение в Россию войск со стороны Польши. Поэтому он предложил Болотникову переговоры. Болотников согласился, видимо рассчитывая выиграть время.

Шуйский обещал в случае сдачи Тулы сохранить жизнь и свободу всем участникам восстания и вождям — Болотникову и «царевича Петра». Переговоры закончились заключением «контракта», который царь скрепил клятвой и крестным целованием.

10 октября 1607 года Тула открыла ворота. И в тот же день Иван Болотников и «царевич Петр» были схвачены царскими агентами и привезены в ставку царя. Однако, как ни чесались у Шуйского руки, немедленно расправиться с вождями восстания он не посмел. Все знали о принесенном царем крестном целовании, но самое главное — огромное войско Болотникова еще существовало, оно не разошлось, а стояло у Тулы.

Шуйский пытался как можно скорее ликвидировать его. Он «великодушно» распустил тульских сидельцев «восвояси». Группами и поодиночке восставшие расходились кто куда.

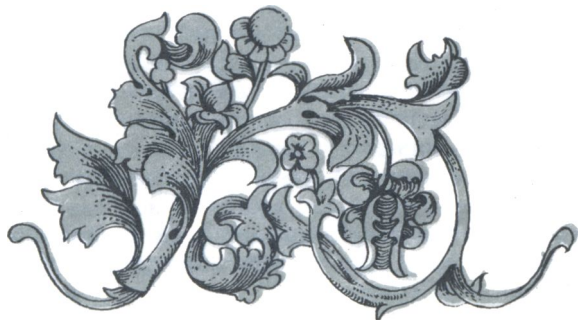
Царь, одержавший под Тулой «победу», торжественно вернулся в Москву, куда в оковах привели Ивана Болотникова и «царевича Петра». В январе 1608 года «царевича Петра» повесили у Данилова монастыря под Москвой. А в марте пришел черед отправленного в дальний северный Каргополь Ивана Болотникова. Его сначала ослепили, а после утопили в реке. Так сдержал свое слово и крестное целование царь-боярин Василий Шуйский!

Пламя народной войны еще полыхало во многих местах государства. Измученные феодальным гнетом, крестьяне и холопы искали любую возможность ослабить его, поддерживали всякого, кто обещал хоть какое-то облегчение. Они все еще верили в «хорошего» царя, потому-то многие поддержали даже интервента-самозванца Лжедмитрия II.

«Крестьяне так исстрадались от всякого грабежа, угнетения и мучительства, — писал о схожей ситуации В. И. Ленин, — что они не могли хоть на минуту не поверить темным слухам о царской милости, не могли не поверить, что всякий разумный человек признает справедливым раздел хлеба между голодными, между теми, кто всю жизнь работал на других, сеял и убирал хлеб, а теперь умирает от голода подле амбаров «господского» хлеба».

Первая крестьянская война стала мощным и гневным ответом трудового народа на начавшееся закрепощение. Однако стихийный характер борьбы, отсутствие многих попутчиков восстания, да и наивная вера в «хорошего» царя, мешали участникам войны и ее вождам увидеть действительные причины народных страданий и выбрать верный путь борьбы.

Но грандиозная классовая битва навсегда осталась в истории нашей страны, стала одной из многих ступеней борьбы народа за освобождение.

глава 6

ВОЗНЫ СМУТЫ

NISEN NAVGOROD

КУЗЬМА
МИНИН

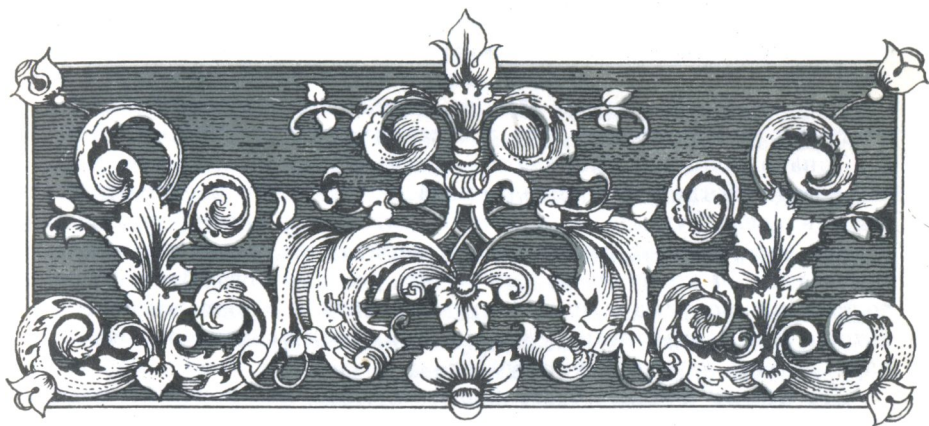

КНЯЗЬ
ДМИТРИЙ ПОЖАРСКИЙ

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ

ШВЕДЫ У СТЕН МОСКВЫ

ЕЩЕ ОДИН ЛЖЕДМИТРИЙ

есяц шел за месяцем, голодные годы первого десятилетия XVII века медленно ползли друг за другом, а тяжесть испытаний, обрушившихся на Российское царство, не убывала.

Вероломно расправившись с Иваном Болотниковым, Василий Шуйский надеялся, что уж теперь-то он получит передышку и трон его хоть на время перестанет качаться и вздрагивать от ударов политических и военных бурь, бушевавших в государстве.

Но надеждам не суждено было сбыться. Зимой 1607/08 года набрал силу объявившийся в Стародубе новый самозванец — Лжедмитрий II. Скоро в его лагере появились отряды польской шляхты и русских дворян-предателей. Затем потянулись в ставку и крупные магнаты Речи Посполитой, быстро взявшие в свои руки бразды правления при дворе самозванца. Цель была старой — свергнуть московское правительство, взять Москву, подчинить Русь.

Едва приспела дружная весна 1608 года, войско самозванца двинулось на Москву. Попытка остановить его провалилась: высланная навстречу 30-тысячная армия под командой царского брата Дмитрия Шуйского была разбита в ожесточенном двухдневном сражении, потеряла всю артиллерию и обоз с припасами.

Царь срочно заменил бездарного брата на Михаила Скопина — вновь в трудную минуту пришлось прибегнуть к его уму и военно-

му таланту. Но времени на организацию отпора на подступах к Москве у Скопина уже не осталось — его бесславно разбазарил царский брат.

И Скопин отступил в Москву, думая организовать оборону и отпор уже непосредственно под столичными стенами.

Однако, поставив Михаила во главе войска, царь не дал ему полной власти. Когда войско интервентов подошло к Москве и расположилось в селе Тушино, царь вместо деятельных занятий обороной затеял переговоры с поляками, уговаривая их покинуть войско самозванца. За это он обещал им все что угодно и договорился даже до того, что посулил интервентам выплатить серебром жалованье, которое они «заработали» у самозванца, воюя против московского царя, то есть самого Шуйского!

Две недели длились бесплодные, мутные, как помойная вода, переговоры. Враг воспользовался ими к своей выгоде: на рассвете 25 июня войска самозванца нанесли внезапный удар по царским полкам. Они в беспорядке побежали, и лишь вступившие в бой дерзкие стрелецкие сотни отбросили захватчиков.

Неудавшийся захват Москвы не охладил пыл самозванца, он продолжал набирать силу. Правда, его беспокоило то, что в Москве под арестом находилась жена Лжедмитрия I Марина и ее отец польский магнат Юрий Мнишек. Новый самозванец тайно через верных людей затеял с ними переговоры и договорился, что Марина за миллион золотых признает его за своего «чудесно спасшегося» супруга. Так и произошло, когда Мнишкам удалось покинуть Москву. Это «признание» подлило масла в огонь разгоравшейся войны. Еще больше людей поверило в истинность пришедшего к стенам Москвы «царя».

С новой силой взволновался народ во всех углах России. Решительная псковская беднота, свергнув воеводу, признала Дмитрия. На другом конце страны ему присягнула буйная Астрахань. Один за другим переходили на сторону самозванца околomosковские города — Переяславль-Залесский, Кострома, Ярославль, Балахна, Ростов, Владимир, Суздаль, Муром, а потом неблизкий Арзамас и дальняя Вологда...

Все новые и новые толпы жаждущих военной наживы авантюристов почти со всей Европы спешили к «тушинскому вору» — так прозвали самозванца москвичи. Сила вражеская росла день ото дня, прибывала от часа к часу. Скоро она стала столь мощной, что совладать с ней, казалось, уже не сможет никто. Взяв стоявший на Волге Ярославль, тушинцы пытались захватить и расположенный вниз по течению великой реки Нижний Новгород. Но собранное по инициативе нижегородского земского совета ополчение разгроми-

ло подступавшие к городу отряды самозванца. В делах этого совета, состоявшего из дворян и «посадских всяких людей», активно участвовал нижегородский купец Кузьма Минин.

А под Москвой в это же самое время умело действовал против тушинцев небольшой отряд под командованием малородовитого молодого князя Дмитрия Пожарского.

Разные были у купца и князя жизненные пути, ничего они пока не слыхали друг о друге.

Но через несколько лет суждено им было сойтись вместе, действовать сообща во имя спасения Родины.

Царь Василий уже не верил, что есть в России сила, способная одолеть самозванца. И, желая сокрушить одного врага, он обратился за помощью к другому — вероломному и хитрому шведскому королю.

ШВЕДСКИЙ ОБМАН

ведский король Карл IX уже не первый год рвался «помочь» московскому царю в борьбе против самозванца и Речи Посполитой. Истинные причины его «братских» устремлений были совсем не бескорыстны: «помощь» должна была стать формой вмешательства Швеции в российские дела. Мечтой Карла было создание «великой Швеции», для которой Балтика стала бы внутренним морем — все земли вокруг нее намеревался захватить агрессивный авантюрист!

В начале 1609 года Василий Шуйский согласился на настоящие предложения шведа. Было подписано соглашение: король посылает на помощь Шуйскому войско, а Шуйский... отдает Швеции весь Корельский уезд с крепостью Корела (нынешний Приозерск) на Ладогe!

Карл обманул Шуйского в самом начале. Вместо обученных шведских полков он стал посылать в Россию отряды наемного сброда со всей Европы. В корпусе наемников говорили на всех языках — здесь служили немцы, французы, шведы, шотландцы, датчане, англичане — кого только не было!

В мае 1609 года своевольное неорганизованное воинство двинулось под командой Михаила Скопина из Новгорода в сторону Москвы. Под Тверью Скопин столкнулся с высланными против него силами тушинцев и сумел разгромить их. Наемники, участвовавшие в битве, тут же потребовали богатого вознаграждения. Но денег у Скопина не было: скудную казну, выделенную царем, он раздал

еще в Новгороде. Напрасны были уговоры — воинство взбунтовалось, и большая часть его повернула назад — к шведской границе, начав по пути повальный грабеж русских волостей и уездов. Со Скопиным осталось лишь три сотни шведов. Армии снова не было, положение казалось безнадежным.

Но именно в это время дала о себе знать глубинная мощь начавшегося в России народного освободительного движения. Под знаменем Михаила Скопина, уже снискавшего себе, несмотря на молодость (ему едва исполнилось 20 лет), славу защитника Отечества, стали сходиться отряды из разных мест. В конце мая присоединилась к нему подошедшая в Торжок 3-тысячная смоленская рать. Чуть позже пришел большой отряд ярославцев, потом костромичей, а следом — сильная рать поморов.

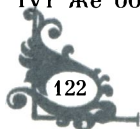
Скоро армия Скопина достигла 15 тысяч человек! Это была уже заметная сила, и талантливый полководец решил действовать. Взвесив все обстоятельства, он понял, что надо продолжать начатый с наемной армией марш на Москву. Севернее Москвы уже несколько месяцев гетман Ян Сапега осаждал хорошо укрепленный Троице-Сергиев монастырь. Цитадель держалась, но возникший здесь очаг военного напряжения прямо влиял на положение столицы, потому что она не получала подкреплений с Русского Севера — все пути перекрывали отряды Сапеги.

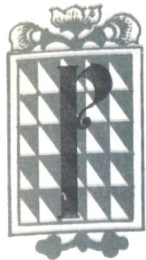
Потому Скопин и избрал направлением своего нового удара войско Сапеги.

Узнав о приближении Скопина, гетман занервничал. Уклониться от столкновения он не мог. Двухдневное сражение войск Скопина и Сапеги случилось в середине августа под Калязином. Скопин одолел врага.

Победа молодого воеводы могла стать началом перелома во всей борьбе. Но, к сожалению, не стала, потому что едва удалось ему немного разогнать грозовые тучи на севере от Москвы, как на юге дела стали совсем плохи — там в русские пределы ворвалась разбойная кавалерия крымцев.

Положение вновь стало критическим. Опасность шла со всех направлений. Тушинцы грозили столице нападением в любой момент. Крымцы разоряли южные уезды и тоже подбирались к Москве. Это помогло Сапеге удержаться на севере под Троице-Сергиевым монастырем. А еще один сильнейший удар по непрочному положению Шуйского нанес необдуманный союз со шведами. Заключив сделку с Карлом IX, Василий Шуйский автоматически стал открытым врагом польского короля Сигизмунда III, поскольку тот давно воевал с Карлом, своим дядей, из-за ливонских земель. Сигизмунд тут же объявил войну и России!

СИГИЗМУНДОВО ВТОРЖЕНИЕ

ожденный и воспитанный в Швеции, Сигизмунд III мало думал об интересах польского народа. В Польше новой войне с Россией сопротивлялись не только простые люди, но и большая часть знати, включая коронного гетмана Жолкевского. Но Сигизмунд не слушал возражений, внимая только угодным речам. В голове его один за другим рождались сумасбродные планы покорения России, создания в ней военных колоний, подобных римским, насаждения католичества, восшествия на российский престол. С этими авантюрными затеями армия Сигизмунда в сентябре 1609 года вторглась в Россию и осадила Смоленск, который Литва и Польша не раз уже отбирали у России.

Перед началом похода угодники нашептывали Сигизмунду: надо только подойти к Смоленску, постучать в его ворота — и они отворятся! Поэтому подойдя к крепости, король направил смолянам пышнословный универсал. В нем лицемерно заявлялось, что король пришел, ибо сжалился над гибнущей Россией. Он повелевал смолянам открыть ворота и встретить спасителя хлебом-солью.

Ответ смолян был сдержанным, но до предела ясным: скорее сложим головы, чем поклонимся врагу!

Коль не открыли ворота на стук, решил король, взломаем их боевым топором! 12 октября 1609 года он с двух сторон бросил войска на штурм города, и хотя штурмующим удалось взломать городские ворота, ворваться в город им не удалось, потому что оборона его велась с отчаянным упорством и бесстрашием.

Волей-неволей пришлось прибегнуть к длительной осаде. Легкой завоевательной прогулки по России, которую пророчили лизоблюды-угодники, не получилось. Двадцать месяцев бесславно топтался у Смоленска Сигизмунд! Не помогали ни штурм, ни подкобы, ни другие военные хитрости. Крепость стояла твердо, снося удар за ударом, отражая один натиск за другим.

СМЕРТЬ ЛУЧШЕГО ВОЕВОДЫ

ужество порубежного Смоленска помогло набрать новую силу и небольшой армии Михаила Скопина, воевавшей на севере от Москвы. Уезд за уездом, волость за волостью очищал он от тушинских мародеров и иноземных захватчиков. Почуяв его силу, тушинцы попытались разгромить воеводу в подмосковной Александровой слободе, но не тут-то было.

Скопин вновь вышел победителем. Военный его талант расцветал на глазах.

Но действовали в России и совсем другие силы. В лагере самозванца росли внутренние раздоры. Дело дошло до того, что он бежал от своих взъярившихся приспешников в Калугу, спрятавшись на дне груженной досками и дранкой телеги. Положение царька стало совсем незавидным.

Авторитета, пускай и ложного, не было теперь ни у боярского царя Василия Шуйского, ни у самозванца Лжедмитрия II. Поняв это, часть служившей самозванцу русской знати — патриарх Филарет Романов и некоторые бояре — вступили в переговоры с королевскими посланцами и быстро согласились, чтобы русский престол занял польский королевич Владислав, сын Сигизмунда. 4 февраля 1610 года под Смоленском тушинскими боярами было подписано соглашение о передаче трона королевичу Владиславу Жигимонтовичу. Обстановка после этого запуталась окончательно. В Москве сидел боярский царь Василий, в Калуге изображал из себя монарха самозванец, а теперь появился еще и Владислав.

Однако реальных сил для настоящей политической и военной победы ни первый, ни второй, ни третий не имели. Одна осталась на Руси настоящая и грозная сила — поднимающийся на борьбу с иноземцами народ. Эта сила уже дала себя знать в Смоленске: месяц шел за месяцем, а он стоял непоколебимо против мощной королевской армии. Эта сила давала себя знать в цитадели Троице-Сергиева монастыря, долгие месяцы державшегося в осаде против войск литовского гетмана Яна Сапеги. Эта сила давала себя знать в действиях армии Михаила Скопина, в кровопролитных боях одолевавшей иноземцев и тушинцев в замосковских уездах. Под ее ударами отступил от Троице-Сергиева монастыря Ян Сапега. Испугавшись подхода скопинской армии, сжег Тушино и ушел от Москвы предводитель наемного войска гетман Ружинский, ставший было главным тушинским разбойником после бегства Лжедмитрия.

Умелыми действиями Скопину (у которого и сил-то было немного) удалось снять фактическую осаду Москвы, существовавшую уже долгое время.

Это имело огромное значение, поскольку Москве уже недалеко было и до жестокого голода, четверть ржи (примерно четыре пуда) стоила на городских рынках 7 рублей! А после подхода Скопина, войска которого открыли дороги купеческим караванам, цена упала сразу в тридцать пять раз!

Понятно было ликование москвичей, торжественно встретивших полководца в марте 1610 года. «Люди города Москвы благодарили бога за его пришествие, и все рады были несказанно, и все

хвалили его богом дарованный мудрый и добрый разум, и благодеяния, и храбрость, и дивную его милость ко всем.

И помчалась слава о нем по всем окрестным государствам, и все восхитились дивной его мудростью и храбростью, и всех государевых неприятелей охватил и страх и ужас великий, и трепетали все от его прославленной храбрости и мужества.

Слава Скопина была огромной, он стал популярным человеком в государстве. Победы в больших и малых сражениях — а их он одержал уже не один десяток, — умение руководить сбором и обеспечением армии, не теряться в трудных условиях, выигрывать не только открытым боем, но и тонким неожиданным маневром ярко выделяли молодого воеводу среди кучки растерянных и бездарных военачальников, окружавших царя. А в дни общемосковского ликования и чествования полководца у многих появилась крамольная мысль о том, что Михаил Скопин, приходившийся племянником царю Василию, подошел бы на русский трон гораздо больше, чем неудачливый, терпевший провал за провалом Шуйский.

Разговоры об этом дошли до царя. Триумфальная встреча, устроенная столицей Скопину, встревожила его не на шутку. Он призвал Михаила для объяснений с глазу на глаз. Царь внимательно разглядывал племянника из-под косматых бровей, теребил полуседую лопатобразную бороду и расспрашивал, расспрашивал — и о бывших боях, и о новых намерениях. Скопин на все вопросы отвечал прямо, не таясь. Как рассказывают, он даже советовал уставшему Василию оставить царство. После этого царская неприязнь к племяннику стала злобещей.

Но не только Василий видел в молодом воеводе растущего соперника. Еще больше, пожалуй, ненавидел его Дмитрий Шуйский, надевавшийся занять трон после смерти бездетного старшего брата. Наблюдая за торжественным въездом Скопина в столицу, он, не сдержавшись, выдал свои чувства и крикнул стоявшим рядом с ним боярам: «Вот идет мой соперник!»

Молодой воевода праздновал победу, ходил по боярским пирам. Лилось вино, звучали здравицы... Правда, Михаил не только веселился. Он деятельно готовил армию к новому походу, «хотел идти из города Москвы со всеми полками на государевых неприятелей и врагов, чтобы очистить Московское государство, желая прекратить пролитие крови христианской, и ожидал, когда просохнут весенние пути, потому что в то время земля, залитая половодьем, после таяния снегов еще не затвердела».

Но планам Скопина не суждено было осуществиться. Никто не увидел, как на одном из пиров чья-то злая рука всыпала в чашу Михаила злое зелье. «Он же, великого их обмана и лукавства не ведая,

испробовал питье, со злым намерением приготовленное, и вскоре овладела им злая и смертная лютая мука».

Прямо на пиру воеводе стало плохо, из носа хлынула кровь. Испуганные слуги подхватили князя и увезли домой. Недуг быстро разгорелся, день ото дня Михаилу становилось хуже. Он почти все время находился в бреду, перестал узнавать окружающих.

«И сошлись к нему близкие, горько плакали, видя тяжкие страдания его, недоумевая, что сделать, и только от всего сердца рыдая и скорбно плача.

Врачи многие приходили к нему, и видели его смертную муку, и не смогли ему никакой помощи оказать.

Он же в жестоких страданиях лежал...»

«О, злоумышленное безумие! — горестно восклицал один из современников. — О, завистливая безрассудность! О, жестокое немилосердие и бесчеловечность!..»

Проболев две недели, Михаил Скопин скончался 23 апреля 1610 года в возрасте двадцати с небольшим лет. «И был по всему царствующему городу Москве крик и шум и плач неутешный стонавших от горя православных христиан — от малого до старого все плакали и рыдали!..»

Царь Василий тоже лил слезы над гробом племянника. Люди глядели на плачущего и слезам не верили. А Дмитрий даже и не скрывал своей радости. Он тут же занял место командующего, что вызвало общее уныние и тревогу. Про царева брата открыто говорили, что он родился не для доблести, а к позору русской армии. Ближайшие события вновь это подтвердили.

НИЗЛОЖЕНИЕ ШУЙСКОГО

июне, собрав под свои знамена почти все наличные войска, усилившись наемной армией, которую опять привели шведы, Дмитрий двинулся против поляков, мечтая завоевать лавры спасителя отечества. Но надо было обладать его исключительной бездарностью, чтобы, имея многократное превосходство в числе войск и орудий, с треском проиграть сражение и потерять армию. Дмитрий умудрился это сделать, а сам трусливо бежал с поля боя. Убегая, увяз в болоте, утопил коня и босой добрался до Можайска на старой кляче, отнятой в одной из деревень.

Бездарность царского брата, лишившего страну последних военных сил, подвела ее к последней черте. Польские гетманы лютовали

у Смоленска. Шведы хозяйничали на новгородчине. Около Москвы оживились силы самозванца. По городам вспыхивал мятеж за мятежом. Потерявший голову царь ничего лучшего не надумал, как обратиться за помощью к крымцам. Те с готовностью откликнулись — под Москву тут же примчался с десятью тысячами всадников Кантемир-мурза, по прозвищу Кровавый Меч. Приняв дары, которыми приказал встретить «союзника» царь, Кантемир вместо помощи вероломно разгромил в Подмоскovie несколько царских отрядов, пограбил уезды и ушел в степь.

Теперь у Шуйского не осталось даже иллюзорных надежд. Царство его пришло к краху.

17 июля 1610 года царь Василий Шуйский был низложен в ходе заговора-восстания. Вечером этого дня царя насильно постригли в монахи. Как ни вырывался Василий из крепких рук заговорщиков, приведенный ими чернец Чудова монастыря постриг монарха в монахи и нарек его «иноком Варлаамом». «Инока» тут же и отравили в Чудов монастырь.

Дальнейшая судьба царя Василия была незавидной. Политические противники не дали ему спокойно дожить век в монашеской келье. Из России его вместе с братьями Дмитрием и Иваном перевезли в Польшу, где тайно заточили в Гостыньском замке близ Варшавы. Два года провел он в тесной каменной клети, размещавшейся над воротами замка. Даже охрана не знала имени секретных узников Сигизмунда III. Царь Василий умер 17 сентября 1612 года. Неудачник Дмитрий пережил старшего брата всего на пять дней. В России мало кто сомневался в том, что братья погибли «нужной», то есть насильственной смертью.

СЕМИБОЯРЩИНА

Москву качала стихия политических бурь. Права на свободный трон (кроме считавших себя «царями» Лжедмитрия и Владислава) заявил знатный князь Василий Голицын, а тушинский патриарх Филарет попытался посадить на него своего 14-летнего сына Михаила Романова. Но первая попытка ему не удалась. Ничего не получилось и у других претендентов. Боярская дума решила созвать общероссийский Земский собор, а пока править стали семь избранных бояр — началась на Москве печально знаменитая семибоярщина.

Бояре не стали ждать съезда выборных «со всей земли Русской» для избрания царя. В августе 1610 года они подписали соглашение

о принятии на царский трон польского королевича Владислава, то есть поддержали то, что за полгода до них сделали отколовшиеся от самозванца тушинские бояре.

Правда, малолетний королевич и не думал ехать в свою благоприобретенную державу, как ни заманивали его посланиями русские бояре-изменники. Они усердно расписывали королевичу разные царские церемонии, особенно обеды: сколько блюд на них подают и какие за какими следуют. Не зная, что любит королевич, писали про все: про пироги с сахаром, вязигой, рыбой, сыром, бараниной, про грибные караваи и тонкие блины с паюсной икрой, про свежую белорыбицу и осетрину, про малосольных лососей и белужьи бока, про уху из раков, карасей и всяких других рыб, про жареных лебедей, верченых уток, зайцев в репе, кур с лапшой и поросят рассольных с чесноком. Зная детские слабости, особо упирали на сладкое: кисели молочные и меды многие. Но тщетно писали — королевич не приезжал. Сигизмунд не собирался посылать любимого сына в московское пекло, цели у короля были иные.

Во-первых, Сигизмунд потребовал: коль избрали Владислава, пусть в Москву войдут польские войска — полки нового царя. Семибоярщина согласилась — и в столицу вкатилась армия нового «государя», солдаты которой быстро распоясались и занялись откровенным мародерством. Мало этого, Сигизмунд потребовал, чтобы эту ораву содержали на деньги русской казны, — и за первые несколько месяцев было выдано 100 тысяч рублей только на харчи оккупантам.

Второй ультиматум Сигизмунда был позорнее первого. Он потребовал, чтобы Смоленск, уже много месяцев державшийся в осаде, сложил перед ним оружие. Семибоярщина согласилась! В Смоленск был направлен указ — немедленно сложить оружие! Но гордый град отказался выполнить позорное предписание. Настоящие патриоты России понимали, что грозит и городу и всей стране. Спротивляясь интервентам, «крепкостоятельный» Смоленск скрывал почти все силы королевской армии. Сдайся он врагу — армия эта хлынет в сердце России, к Москве.

Смоленск отклонил все предложения о капитуляции. Отказ взбесил Сигизмунда. 21 ноября 1610 года он бросил все свои войска на новый штурм. На рассвете грохнул под стеной крепости чудовищный взрыв — врагу удался тайно сделанный во время переговоров подкоп под одну из башен. Она тяжело рухнула вместе с частью примыкавшей стены. Полки Сигизмунда бросились к бреши, но были отброшены смоленским гарнизоном. Следом за первой волной атаки пошла вторая, за второй — третья. В грохоте пушек, в дыму и крови и пепле было цинично растоптано Сигизмундом недавно

заключенное после «избрания» Владислава соглашение о примирении. Ситуация выглядела странной: король-отец штурмовал крепость в государстве, монархом которого являлся его любимый сын. Но это был внешний парадокс. Действительным двигателем истории были не предательские политические соглашения, не интриги многочисленных претендентов на престол. Главной для обескровленной России становилась явственная угроза иноземного порабощения. Именно ей навстречу и вставал грозный вал народной войны.

Противодействие интервентам нарастало повсюду. Против них стали бороться даже те, кто формально еще стоял под знаменами засевшего в Калуге самозванца. К концу 1610 года этот никчемный интриган уже не был хозяином даже в собственном лагере. Всем верховодил казацкий атаман Заруцкий, начавший широкую борьбу с захватчиками в Подмоскovie. Скоро интервенты почувствовали тяжелую силу казацких ударов. Сотни и сотни захватчиков гибли в больших и малых стычках. Это обеспокоило увязшего под Смоленском Сигизмунда: ведь под Москвой и в Москве сил у него было совсем мало — все сковал Смоленск.

Король решил разделаться с Лжедмитрием II, который теперь, после формального избрания Владислава на русский трон, оказался помехой. 11 декабря 1610 года ничего не подозревавший Лжедмитрий отправился на загородную прогулку. Разлегшись в санях, «царь» обозревал калужские окрестности. Рядом скакала охрана. Он уже давно не доверял ни русским, ни полякам, ни немцам. Охраняли его несколько десятков касимовских татар. Когда отъехали подальше от Калуги, глава охраны Петр Урусов, подкупленный Сигизмундом, подскочил к царским саням, скинул с плеча ружье и в упор разрядил его в Лжедмитрия. Затем татарин проворно соскочил с коня, подбежал к остановившимся саням и, выхватив саблю, отсек царьку голову.

Так бесславно кончил свои дни очередной самозванец.

Известие о лютой смерти Лжедмитрия обрадовало семибоярщину. Сгоряча бояре решили, что теперь-то уж все наладится. Царь есть — трон за Владиславом, Москву держат в руках впущенные в город королевские гусары. Дело оставалось за малым: усмирить, подмять и покорить русский народ.

Но своих сил для этого семибоярщина не имела, поэтому обратилась к иноземцам. Те взялись за дело рьяно. Скоро оккупированная ими Москва стала ареной постоянных стычек и волнений. Королевские гусары почти не расседлывали лошадей — то в одно, то в другое место русской столицы бросали их командиры. Роты наемников бдительно охраняли Кремль, стены которого были уставлены орудиями, грозно смотревшими на московский посад. По ночам гремели оружием в темноте московских улиц безжалостные патрули. Каждое утро то в одной, то в другой улице находили иссеченные трупы — следы их страшной службы.

«ВРЕМЯ ПОДВИГА ПРИШЛО!»

ому теперь принадлежала Москва? Предателям из семибоярщины или королевскому гетману? Вновь, как в худшие времена татаро-монгольского нашествия, угрожала России потеря национальной независимости.

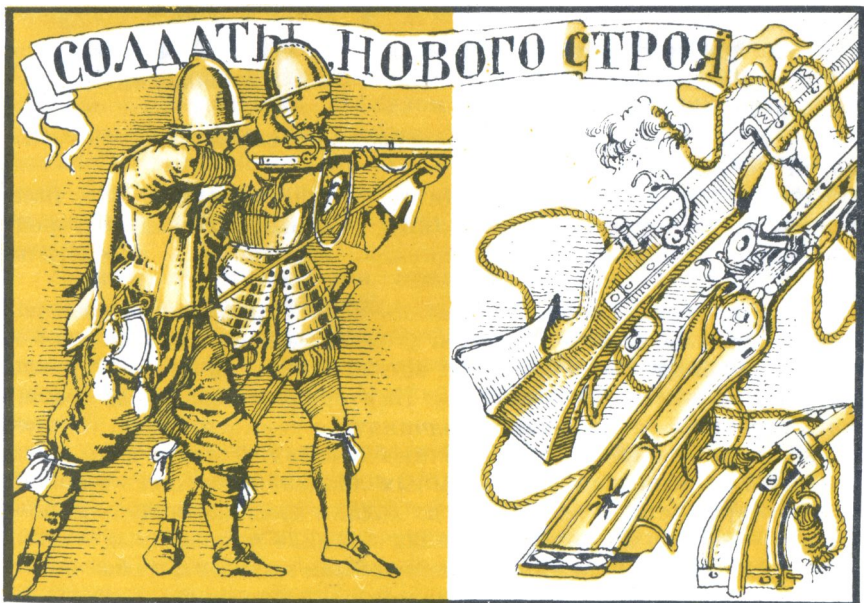
Но чем явственней становилась эта угроза, тем сильнее нарастало в народе встречное патриотическое течение. Известные московские патриоты призывали соотечественников в своих грамотах-прокламациях: «Мужайтесь и вооружайтесь! Совет между собою чините, как нам всех врагов избыти. Время подвига пришло!»

Захваченная интервентами Москва не могла пока поднять восстания — и оно вспыхнуло в других местах. По селам и дорогам громили интервентов казаки, оставшиеся в Калуге после смерти самозванца. Следом поднялась буйная Рязань. К декабрю 1610 года рязанский край охватило стихийное восстание против интервентов, двинутых в эти края королем. Во главе восстания стал дворянин Прокопий Ляпунов. Однако, бросив клич о восстании, он сумел собрать под свое знамя лишь несколько сотен человек и скоро попал в тяжелую осаду в маленьком рязанском пригороде Пронске. Положение его скоро стало отчаянным. Казалось, вот-вот погаснет и эта искра в темной ночи смуты. Пронск должен был пасть со дня на день, и Ляпунов ничего уже не мог сделать своими силами — так мало их было. Понимая это, он во все ближние города разослал грамоты с одним призывом — помогите в борьбе!

Получил послание Ляпунова и служивший воеводой в небольшом городке Зарайске князь Дмитрий Пожарский. Получил и немедленно принял решение — собрать все возможные силы и спешить на помощь Ляпунову!

Внезапное появление рати Пожарского в окрестностях Пронска заставило противника отступить. Соединившись с Ляпуновым,

князь двинулся в Рязань, которая восторженно встретила патриотов. Здесь Пожарский простился с Ляпуновым и вернулся в Зарайск, на свое воеводство.

Ляпунов же собрался идти на Москву — выручать страну. Соединившись с калужскими казаками, рязанцы скоро добились немалых успехов, вытеснили интервентов из двух важных около-московских городов — Серпухова и Коломны. Теперь дорога на Москву открывалась прямая.

В самой Москве тоже собралась грозная атмосфера. Вот-вот должна была ударить первая молния народного гнева. Предатели-бояре и интервенты чуяли это и спешно укрепляли захваченный Кремль и обнесенный стеной Китай-город. Отовсюду свозились туда пушки и ставились одна к другой, дулами на посад.

19 марта 1611 года с утра рота наемников ставила очередную партию орудий у Водяных ворот. Пушки были тяжелые, солдаты никак не могли с ними справиться, и ротмистр-наемник приказал пригнать на помощь московских извозчиков, издалека наблюдавших за вражьими делами.

Извозчики встретили приказ наемников оглоблями. Солдаты пустили в ход палаши, а потом и мушкеты. Мелкая стычка быстро разрослась в побоище с десятками убитых и раненых. На помощь землякам-москвичам бросились и стар и млад. На колокольнях ударили в набат.

Дело приняло нешуточный оборот. По тревоге были подняты в Кремле несколько рот интервентов. В боевом порядке они двинулись в улицы столицы.

Во всем Китай-городе была устроена кровавая резня, погибли сотни москвичей.

Вытеснив восставших из Китай-города, наемники получили приказ занять другие части столицы — Белый и Земляной город, где жило множество ремесленников, размещались стрелецкие сотни.

Но там встретил врага баррикадный бой. Улицы были перегорожены завалами из бочек, бревен, столов, скамеек, вязанок дров и всякой рухляди. Из-за баррикад летели камни, из окон и с крыш восставшие вели ружейный огонь. На стороне народа умело сражались стрельцы, отказавшиеся подчиняться семибоярщине. Конная атака гусар захлебнулась в уличных завалах. Тогда в дело были брошены отряды немецких наемных ландскнехтов под командой Якова Маржерета. О жестокости их ходили легенды, пощады они не знали. Резня на московских улицах приняла чудовищный характер. Когда вечером наемники наконец были выведены из боя и возвращались в Кремль, то все они напоминали мясников, а не мушке-

теров — каждый с ног до головы был залит кровью убитых москвичей.

Но восстание продолжалось. Центрами его стали стрелецкие слободы, здесь сопротивление носило организованный характер, бой велся умело. В одну из таких слобод, услышав звон набатного колокола, прискакал князь Дмитрий Пожарский. Никто не знал, как он вдруг оказался в Москве. Вернее всего прибыл тайно, чтобы готовить восстание. Но оно, спровоцированное наемниками, вспыхнуло до срока, и Пожарский сразу, в отличие от сотен сидевших по своим хоромам московских дворян, деятельно включился в борьбу.

Организовав стрельцов и горожан, он с ходу дал бой наемникам, подошедшим к Сретенке. Затем срочно направил отряд на Пушкарский двор. Оттуда прикатили несколько пушек. Новую волну наступления Пожарский отбил артиллерией.

Неплохо действовали отряды восставших и в других местах Москвы.

Наемники стали отступать.

Тогда глава интервентов знатный пан Гонсевский с согласия Боярской думы приказал сформировать отряды факельщиков и послать их поджигать город. «Видя, что исход битвы сомнителен, — докладывал он позднее Сигизмунду III, — я велел поджечь Замоскворечье и Белый город...»

Факельщики загорались по городу, поджигая дом за домом. Скоро горели уже целые кварталы. Ветер гнал пламя на московские посады — в Белый город. За валом огня, сбившим волну повстанческого наступления (все бросились тушить пожары), наступала наемная пехота. Но она прошла не везде. На Сретенке решительный Пожарский вышиб вон из обороняемого им района и факельщиков, и мушкетеров. Здесь и пожара не было, и враг не прошел.

Окрашенная отблесками пожаров пала на Москву тяжелая дымная ночь. В ней не смолкал набатный звон — звал народ к продолжению боя. Еще днем были посланы гонцы в Серпухов и Коломну — за помощью к земскому ополчению. Несколько отрядов спешным маршем двинулись к Москве и к полуночи вошли в Замоскворечье.

А в Кремле полночи заседали предатели-бояре и командование интервентов. К ним тоже шла подмога. Со стороны Можайска подходил с большим королевским войском полковник Струсь. К полуночи 12 марта ему удалось прорваться в город через бреши, выжженные предателями в деревянных укреплениях внешнего оборонительного кольца столицы.

Усилившись свежим войском и вновь поджегши город во многих местах, интервенты начали теснить восставших. Почти никому из наемников в этот день даже не пришлось, по признанию одного польского поручика, сражаться. Все делал огонь, шедший сплошным валом. Пламя теснило москвичей, а захватчики двигались за огненной стеной, поджогами помогая огню пожирать дом за домом.

Дольше всех продержалась Сретенка. За несколько часов передышки Пожарский сумел построить здесь небольшую крепость-острог. И оборонял его целый день. Лишь к вечеру, когда появилась у врага возможность бросить сюда большие силы, интервенты ворвались в укрепление. В рукопашной схватке тяжело ранили князя Дмитрия — вражеская сабля рассекла ему голову. От сильного удара не спас и боевой шелом. Соратники подхватили залитого кровью воеводу и вывезли в безопасное место.

Сожженная Москва подверглась безудержному разграблению. Враги грабили всех — и тех, кто участвовал в восстании, и тех, кто отсиживался по домам, и даже тех, кто помогал интервентам. Один из немецких ландскнехтов с восторгом писал на родину, что все солдаты захватили «огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными камнями». Грабили не только уцелевшие дома и усадьбы. Разграбили пепелища, ища уцелевшие подвалы с добром, вином и припасами. Потом принялись за поругание церквей: выламывали оклады у икон, разворовали драгоценную утварь. Храм Покрова на Красной площади был ограблен дочиства.

Сожженная столица была в полной власти оголтелого воинства интервентов. Тысячи лишившихся крова и всяких средств к существованию москвичей ушли из родного города. Их страшные рассказы о поругании столицы узнала вся страна. Гнев народный вскипал с новой силой.

«КРЕПКОСТОЯТЕЛЬНЫЙ» ГРАД СМОЛЕНСК

ел уже второй год беспримерного «стояния» Смоленска против всей армии короля Речи Посполитой. Голод и болезни косили воинов-защитников, стариков, женщин и детей. К июлю 1611 года в крепости осталось меньше полутысячи бойцов.

Сигизмунд III, казалось, хотел дожидаться смерти последнего защитника города. Он и сейчас боялся смоленцев. Королевские саперы, как кроты, вели очередной тайный подкоп под одну из крепостных башен.

3 июля 1611 года она была подорвана интервентами. Рухнув,

башня увлекла за собой обширные участки стен. Еще не осела пыль, а в проломы двинулись ударные отряды короля. Даже теперь Сигизмунд начал штурм обескровленного города с нескольких направлений. Последние десятки защитников погибли в беспорядочных уличных боях. Уцелевшие смоленские ратники укрылись в большом каменном соборе, выжившемся в центре города.

«Но королевские люди у церкви двери вырубili и начали людей рубить и живых хватать. Архиепископ же взял честной крест и пошел во всем святительском облачении навстречу иноверцам. А они, окайнные, голову ему рассекли...

Один же посадский человек, по имени Андрей Беляницын, видя, что иноверцы избивают народ, взял свечу, и пошел под церковь, и запалил бочки с порохом, весь пушечный запас. И был взрыв сильный, и множество людей, русских и поляков, в городе и за городом побило. И ту большую церковь, верх и стены ее, разнесло от сильного взрыва. Король же польский ужаснулся и в страхе долгое время в город не входил».

Эхо гигантского взрыва, последнего в героической обороне Смоленска, не скоро утасло в окрестностях.

Город пал. Но победа врага была и его поражением. Один год восемь месяцев и две недели бесславно топтался король у неодолимой «крепкостоятельной», как прозвали Смоленск в народе, твердой. Все это время Смоленск прочно приковывал к себе основные силы врага, истощая и армию его, и королевскую казну, из которой сосали жалованье наемники, и боевой дух королевского войска.

Сдайся Смоленск — и судьба русской государственности ушла бы за роковую черту, у которой она стояла все смутные годы. Подвиг Смоленска вновь высветил одну несравненную черту русского национального характера — удивительную стойкость народа, понимавшего, что речь вновь, как в седые времена татаро-монгольского нашествия, идет о судьбе Отечества. Когда приходило к защитникам понимание этой глубокой истины, силы их умножались, каждый бился за десятерых, сотня сражалась, словно тысяча. Ни осадный голод, ни злой мор, ни тяжкая смерть товарищей, родных и близких уже не могли поколебать мужества, рожденного неистребимой любовью к Родине. «Чтобы победить Россию, русского солдата нужно не только два раза убить, — воскликнул позднее один из германских императоров, пораженный стойкостью российских войск, — но еще и повалить!» А войти в русский город враг мог лишь после того, как погибал в бою последний его защитник. Смоленск еще раз подтвердил это, оставшись в народной памяти примером для грядущих поколений.

НОВГОРОДСКИЕ БАТАЛИИ

купуацией Москвы и падением Смоленска беды не исчерпывались. Все более напряженной и опасной становилась обстановка на северо-западе страны. Весной 1611 года сюда устремились войска Сигизмунда III. С ведома московских бояр-предателей они с ходу взяли отстоявший недалеко от Новгорода Торопец. В марте пришла еще одна потеря: большой отряд литовских феодалов взял Старую Руссу, один из древнейших русских городов. Врагу открылся прямой путь на Новгород. Скоро неприятель объявился под его древними стенами.

Положение Новгорода становилось трагическим. Наступление на него шло сразу с четырех направлений. Из-под Смоленска, где стоял Сигизмунд III. Из Литвы — войска ее хозяйничали в южных новгородских уездах. Из Ливонии, из-за которой спорили Швеция и Польша. И наконец, с севера, откуда обрушились шведы.

Все было плохо. Не улучшили дела и переговоры послов Ляпунова со шведами. Глава земского ополчения просил Делагарди помочь в борьбе против королевских полков, засевших в Москве. За это он обещал отдать часть новгородских владений и даже намекал на принятие на русский престол шведского королевича. Делагарди охотно вел эти дипломатические игры, а одновременно стягивал к Новгороду полк за полком якобы для того, чтоб, завершив переговоры, идти оттуда под Москву, на помощь Ляпунову.

Это был расчетливый и наглый обман. В предрассветные часы 16 июля 1611 года шведы с нескольких направлений пошли на штурм Новгорода. С помощью неизвестного предателя им удалось открыть одни из ворот — рыцарская конница ворвалась на улицы. Началась резня и грабежи. Скоро вспыхнули в разных местах пожары.

Сопrotивляясь врагу, защитники города отступили в неприступный Новгородский кремль и затворили ворота. Вряд ли Делагарди, потратившему шесть месяцев на овладение маленькой Корелой, удалось бы взять мощную цитадель. Но новгородские воевода и бояре допустили одну непростительную ошибку, ставшую роковой.

В кремле не было ни запасов пороха, ни провианта. «Осадное сидение» в такой ситуации было немыслимо. После нескольких панических заседаний военного совета Новгородский кремль был сдан шведам.

Теперь шведы хозяйничали во всей новгородской земле и заставили новгородцев присягнуть одному из шведских принцев. Карл IX ликовал. Он устроил торжественный молебен по случаю победы и издал указ о присоединении новгородских пограничных крепостей к шведской короне.

Роковых просчетов становилось все больше и больше. Врагам России казалось, что до крушения могучей державы остался один шаг.

ГИБЕЛЬ ПРОКОПИЯ ЛЯПУНОВА

аправляясь из рязанских пределов на освобождение Москвы, Ляпунов не раз говорил, стремясь, чтоб об этом прослышали враги, что армия его огромна. Называлась цифра 40 тысяч воинов, потом 80, затем и больше 100 тысяч! На самом же деле бойцов в ополчении было гораздо меньше. Ляпунов привел под Москву около 6 тысяч человек, небольшие отряды были у казацких атаманов. Правда, под Москвой земское войско пополнилось бежавшими из сожженного города москвичами. Их помощь была значительна, но и с ней сил для овладения столицей не хватало. Замкнуть в кольцо занятый врагом город не удавалось.

В июле 1611 года Ляпунов и его сподвижники все же предприняли штурм Китай-города и Новодевичьего монастыря. Самоотверженность русских ратников, их яростное презрение к смерти обеспечили большой успех. Были освобождены важные районы столицы, теперь за врагом оставался только Кремль. Но взять эту неприступную твердыню, одно из лучших оборонительных сооружений того времени, без артиллерии и перевеса в силах было немисливо.

Нужна была серьезная военная помощь.

В поисках ее Ляпунов и затеял переговоры со шведами. Но шведский король вместо помощи принялся захватывать город за городом, волость за волостью.

Надежда на шведскую помощь оказалась крупным просчетом Ляпунова.

Завистники его сразу воспользовались этим, стали говорить, что Прокопий вместо одного иноверца, польского королевича, желает посадить другого — шведского.

А тут еще летом 1611 года начались перебои в снабжении ополчения провиантом. Крестьяне подмосковных сел уже ничем не

могли обеспечить армию, все припасы у них кончились. А из дальних городов обозы почти не шли. Да и те, что направлялись, часто подвергались разграблению. Грабили интервенты, грабили и «свои» разбойные люди.

Ляпунов пытался пресечь разрушавшее армию зло, приказывал казнить на месте казаков-разбойников, но тщетно. Только озлобил многих против себя. Своевольное казачество, подстрекаемое недоброжелателями, 22 июля 1611 года собрало круг и вызвало в него Ляпунова.

Ляпунов явился, вошел в круг. С разных сторон буйной толпы посыпались на него обвинения. Честолюбивый дворянин пытался оправдаться, возвысил голос.

Тут вошел в круг некий атаман Сидорка Заварзин и зачитал грамоту, призывавшую «бить донских казаков повсюду, чтобы вконец уничтожить этот злой народ и успокоить московское государство». Под грамотой стояла подпись Ляпунова. «Твоя?» — спросили Прокопия. Он долго разглядывал бумагу, потом сказал неуверенно: «Походит на мою руку, только я не писывал!»

Но его уже не слушали. «Изменник!» — кричали со многих сторон. Ярость круга стремительно нарастала. Мелкий казацкий атаман Карамышев вдруг подскочил к Ляпунову и ударил его саблей!

Прокопий упал. Лишь один человек, дворянин Иван Ржевский пытался остановить самосуд. Чья-то сабля и его свалила рядом с Ляпуновым.

Два изрубленных тела несколько дней лежали на месте неправедного судилища...

Истинная причина гибели Ляпунова открылась позднее. Грамота, зачитанная в кругу, была ловко состряпана интервентами, подпись Ляпунова на ней была поддельной. А доставивший гнусную подделку атаман Сидорка был польским лазутчиком.

Гибель авторитетного главы ополчения поставила общее дело на край гибели.

Дмитрий Пожарский, лечившийся от раны, отказывался верить страшному рассказу о гибели Ляпунова от рук своих же сподвижников.

Но такова была жестокая правда. Дело освобождения получило еще один удар — объединение многих патриотических сил вновь готово было распасться. Ополчение, созданное Ляпуновым, еще существовало. Во второй половине 1611 года оно еще два раза пыталось овладеть столицей, вытеснить из нее интервентов. Но тщетно. Нужна была новая сила.

И она появилась.

ГРАЖДАНИН МИНИН И КНЯЗЬ ПОЖАРСКИЙ

ыл же в 1612 году в Нижнем Новгороде некий муж добродетельный и очень рассудительный, — рассказывает одна средневековая повесть, — по имени Козьма Минин, посадскими людьми избранный земским старостой в Нижнем Новгороде. Этот Козьма издавна слышал про храбрость смолян, и про мужество дворян города Смоленска, и о том, что они большую помощь Московскому государству оказывали... и великую храбрость и усердие показали... и много вражеских полков побили».

Кузьма Минин был сыном зажиточного солепромышленника. Сам он не пошел по стопам отца, а стал торговым человеком. Завел мясную лавку в Нижнем Новгороде, жил без нужды, даже скопил кой-какое серебро на черный день. Так бы и прожил Кузьма мелким купчишкой, которого знают на нескольких соседних улицах. Но судьба распорядилась иначе. Смутное время вошло в судьбу каждого русского человека. Одних оно душило страхом и рабской покорностью, других побуждало к дерзкому разбою, а многих подвигло на великие дела во имя гибнущей Родины.

Позднее Минин вспоминал, что летом 1611 года, в те дни, когда враг сокрушил Смоленск, взял Новгород и держал в руках Москву, не раз приходил к нему один и тот же сон. Будто идет он во главе большой и сильной рати спасать государство от врагов. Кузьма просыпался по ночам и думал: купеческое ли дело — браться за ратный труд? Мучился сомнениями, размышляя, как поступать. В конце концов рассудил так: «Если знатные не возьмутся за дело, то его должны взять на себя простые, и тогда начинание их во благо обратится и в доброе совершение придет!»

Трудно сказать, чем бы кончились душевные терзания Минина, но сама жизнь подтолкнула его к действию. Нижегородцы избрали Минина земским старостой. На одной из сходов посада новый староста скоро выступил с призывом собирать ополчение для освобождения Москвы.

«Московское государство разорено! — горячо говорил Минин. — Люди посечены и пленены... Бог хранил наш город от напастей, но враги замышляют и его предать разорению, мы же нимало не беспокоимся и не исполняем свой долг!.. Если мы хотим помочь Московскому государству, то не будем жалеть своего имущества... дворы свои продадим, жен и детей заложим!!»

Словам Минина многие внимали жадно и с горячим сочувствием. На одной из многочисленных сходов нижегородцы приняли «приговор», который тут же все и подписали. В нем поручено было

старосте Кузьме Минину определить, «с кого сколько денег взять, смотря по пожиткам и промыслам». Староста, размыслив, предложил: «Братья, разделим на три части имения свои, две отдадим воинству, себе же едину часть на потребу оставим!» Сам Минин, по преданию, пожертвовал не только все свое имущество, но и золотые и серебряные оклады с икон, и драгоценности жены Татьяны — звонкие мониста и золотом шитые украшения.

Пример старосты зажег многих. Добровольные пожертвования, которые понесли посадские люди к съезжей избе, были для той эпохи делом невиданным. Вести о них сразу расцвелись легендами и пошли гулять по Руси, рождая волну патриотических чувств.

Со всех деревень и сел Нижегородского уезда предложено было собрать «пятую деньгу», то есть пятую часть доходов. Все платили этот трудный налог безропотно, не требовалось ни уговаривать, ни грозить. Всяк понимал — на святое дело сбор! Собирали и деньгами и припасами. Скоро стала полниться казна ополчения первыми сотнями крестьянских рублей.

Тогда перед Мининим и его сподвижниками встал трудный вопрос: кому доверить набирать армию, снаряжать ее и командовать? Где найти «честного мужа, которому заобычно ратное дело?» Долго голову ломали, разных воевод вспоминали, но по размышлении зрелом никому не решились вручить народное дело.

И тогда Кузьма назвал имя князя Дмитрия Пожарского! Он в это время находился недалеко, в своей нижегородской вотчине, селе Мугрееве, где все еще лечился от тяжелой раны, полученной в московских боях. Рана на голове оказалась тяжелой, зарости-то заросла, да принесла другой недуг — падучую болезнь.

Не сразу согласился Дмитрий на предложение нижегородцев. Взвешивал и свое непростое положение, и положение в стране. Но потом согласился при условии, что назначат к нему в ополчение казначеем Кузьму Минина.

Радостно встретили это известие нижегородцы: и князь был теперь у будущего войска боевой, умелый, и в делах ему помогал человек честный и энергичный.

В конце 1611 года начали сбор ополчения. Небольшой отряд был у Пожарского, с ним он и пришел в Нижний. Здесь примкнули к нему полторы сотни стрельцов. В январе 1612 года объявились в Нижнем изгнанные со своих владений Сигизмундом смоленские служилые люди. Получив жалованье из мининской казны, они обзавелись оружием и боевыми конями и тоже встали в строй ополчения. Видя, как растет войско, радовался Минин: «Се, братия, грядете к нам на утешение граду нашему, — говорил он смолянам, — и на очищение Московскому государству!»

На призывы Минина и Пожарского откликался город за городом — и поморские, и поволжские, и южные, и околomosковские. «Из всех городов воины стали к князю съезжаться, видя их с Козьмой заботу о войске, и собрались многие полки, желая идти к царствующему городу Москве, и писали грамоты из Нижнего Новгорода от всего народа в города и большие села, чтобы ратники на стоянках готовили припасы и продовольствие, чтобы ни в чем недостатка не было».

В ПОХОД!

феврале 1612 года Пожарский выступил с ополчением из Нижнего в сторону Москвы. Дошли до Балахны, радостно встретившей их хлебом-солью. Здесь присоединился к Дмитрию отряд воеводы Матвея Плещеева.

Из Балахны двинулись к Юрьевцу. Там еще один отряд присоединился — служилые татары. Дальше двинулись на Кинешму — и снова встреча была радостной, город дал подмогу и казну.

Из Кинешмы рать перешла в Кострому. Костромской воевода Иван Шереметев хотел было не пустить Пожарского в город, но посадские люди пришли в такое волнение, что воевода едва не заплатил головой за свою спесивую строптивость. Не подоспей вовремя Пожарский — и не сносить бы Шереметеву головы!

Простояв в Костроме совсем недолго, ополчение двинулось к одному из крупнейших городов — Ярославлю. Древний город встретил их торжественным звоном. В Ярославле ополчение простояло четыре месяца. Сюда стекались все, кому было дорого заветное в Нижнем дело — освобождение Москвы, вызволение Родины. Здесь в Ярославле возник и общий земский совет, душой которого был Минин. Кузьма теперь носил данный ему советом титул, каких никто и никогда на Руси не имел, — «выборный всею землею человек!».

Дел у него было множество. Нужно было создать управление на огромной территории, поддержавшей патриотическое движение. В Ярославле возникли приказы, наподобие московских, — Поместный, Казанский, Новгородский и прочие. Из разных городов текли в Ярославль деньги и припасы. Из серебряной утвари сметливый Кузьма, быстро создав Денежный двор, приказал чеканить полную весную монету. Теперь было чем платить жалованье служилому люду.

Прознав о силе нового ополчения, об уме и авторитете его руководителей, заспешили в Ярославль многие из тех, кто еще служил в распадающемся первом ополчении. Войско росло и крепло не по дням, а по часам. Близился срок решительной битвы.

ЯРОСЛАВСКОЕ СТОЯНИЕ

о Ярославля все текло споро. Счет времени от города до города шел на дни. А в славном Ярославле ополчение Мина и Пожарского провело четыре долгих, много вместивших в себя месяца. Причиной задержки стала неожиданная угроза с дальнего севера. Казалось бы, далеко от Ярославля до шведского рубежа. Но северные пограничные дела, шведские захваты в новгородских землях остановили освободительный марш ополчения.

Занятый шведами, Новгород фактически отложился от Российской державы. Образовалось эфемерное «Новгородское государство», запросившее у Швеции королевича «себе на царство». Такое предательство новгородских бояр не приняли даже ближние новгородские города-крепости. В шведской осаде погибли почти все защитники славного Орешка, лишь тогда крепость была присоединена к «государству».

Старую Ладугу и Тихвин заставила присоединиться к нему тяжелая стенобитная артиллерия интервентов.

Шведские когти тянулись и дальше — отряды Делагарди штурмовали остроги на Беломорье. Мечтания северных королей о «Великой Швеции», омываемой многими морями, казалось, обретали реальные черты. Шведское наступление грозовой тучей наваливалось на Россию с севера, тень ее скоро накрыла и Ярославль.

Но мало этого! Речь Посполитая и Швеция вдруг забыли свои споры из-за Ливонии и заключили перемирие. Смертельные противники бросились делить русский пирог, и им стало не до ливонских пряников! Речь Посполитая, захватив Смоленск, зарилась теперь на Москву. Шведы хозяйничали в Новгородском крае и вплотную приступили к захвату русского Поморья. Государственная самостоятельность России находилась на грани исчезновения.

Такие дела резко повлияли и на положение ополчения. Осуществись шведские планы — и ополчение лишилось бы главной базы снабжения — северных уездов. Возникла и угроза прямого военного столкновения со шведами. Тогда ополченцам было бы уже не до московских дел.

Около трех месяцев Пожарский вел тонкие дипломатические переговоры. Посылал посольства в Новгород и принимал новгородцев, просил их прислать выборных для участия в замышляемом избрании нового государя. Чтобы успокоить шведов, говорил послам, может, и шведского королевича выберет будущий Земский собор. Добился у новгородцев обещания не требовать от соседних уездов присоединения к их «государству».

И лишь когда руководители ополчения окончательно и твердо убедились, что Русский Север, связанный с ополчением тысячами живых нитей, не будет отрезан и — главное! — что шведы не нанесут ополчению удара в спину, когда оно двинется на Москву, Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин решили: пора выступать!

ВЫЗВОЛЕНИЕ МОСКВЫ

1 июля 1612 года князь Дмитрий отрядил на Москву первые сотни дворянской конницы. Их вел малоизвестный воевода Михаил Дмитриев. Многие знатные дворяне отказались занять командные посты в войске, которое возглавлял недостаточно родовитый, по их мнению, князь Пожарский. Феодалная местническая спесь даже в этот трудный для Родины час взяла верх над отечественными интересами.

24 июля Дмитриев достиг Москвы, ввязался в тяжелый бой с интервентами, но удержался у московских стен, где уже год стояли многие казацкие отряды — осколки ляпуновского ополчения.

С появлением Дмитриева часть казаков во главе со знаменитым своевольным атаманом Заруцким ушла от Москвы, но многие остались, примкнули к ополчению.

Следом за авангардом подтянулся к Москве полк князя Лопаты-Пожарского. Семь сотен конников закрепились между Тверскими и Никитскими воротами. Все ближе становилось время освобождения столицы.

А в сердце Москвы — Кремле, Китай-городе — шел неприкрытый грабёж. Жадные руки наемного воинства шарили в царской казне и кремлевских соборах. Кошунственно выламывались золотые и серебряные оклады с почитаемых икон. Было ободрано изукрашенное золотом царское место в Успенском соборе. Интервенты рыскали по кладовым дворца, снимали золото и серебро с парадной конской сбруи, посохов, ножен, колчанов, нарядов... Потом наступила очередь великокняжеских усыпальниц в

Архангельском соборе — стали срезать золотое шитье с покровов на гробах, красть церковную посуду.

Добрались и до самых-самых потаенных сундуков царской сокровищницы, где хранились символы государственной власти. Украли корону Бориса Годунова. Цена ее была баснословной. Корону украшали два огромной величины сапфира — «лазоревого и синий яхонты», большие алмазы, изумруды, рубины, жемчуг, а венчали сокровище два массивных золотых обруча и крест.

Забрали и «недостроенную» ювелирами корону Лжедмитрия I. В ней сиял невиданных размеров алмаз, искрившийся всеми цветами радуги, а чуть ниже алмаза лучился сказочно великий изумруд...

Исчез из сокровищницы золотой царский посох, усыпанный бриллиантами от массивного набалдашника до тонкого конца-острия...

Исчезли два носорожьих рога. А это что, ценные предметы? — спросит современный читатель. В средние века такой рог считался редчайшей драгоценной диковиной, какими обладали немногие короли. Ценились они в сотни тысяч золотых...

Москва была отдана на поток и разграбление, спасти ее нужно было немедленно.

В середине августа Пожарский выступил из Ярославля на Москву. Двигались медленно, одолевая в день по десять—двадцать верст. Тащили тяжелые пушки, тянули по разбитым ухабыстым дорогам обозные телеги. Лишь к двадцатым числам августа рать подошла к Москве и заняла позиции в западной части города, за Арбатом.

Сделано это было неспроста. Именно с запада спешил к Москве посланный Сигизмундом гетман Ходкевич. С ним шла вся королевская армия, развязавшая себе руки после падения Смоленска. Дмитрий решил перекрыть ей пути к центру столицы, к Кремлю, в котором сидел гарнизон наемников.

Ополчение едва успело занять позиции. Уже через день-два, утром 22 августа 1612 года, гусарская конница Ходкевича, одетая в блиставшие на августовском солнце доспехи, появилась у Новодевичьего монастыря. Поле около него стало местом первой схватки. Вслед за конницей в битву вступили пешие войска. Сражение быстро разрослось, распространившись на выгоревшие в июльский пожар московские слободы.

Стремясь с ходу решить дело в свою пользу, Ходкевич усиливал нажим на войска Пожарского, вводил в битву полк за полком. Цель его была ясна: прорваться к Кремлю, рассечь окружавшее центр кольцо ополчения, соединиться с наемниками и вместе довершить

разгром Пожарского. Однако плотный ружейный огонь стойких стрелецких сотен остановил продвижение гетмана. Ополчение выдержало первый натиск.

Увидев заминку гетмана и желая ему помочь, из Кремля ударили в тыл ополчению гусары полковника Струся. Но Пожарский был готов к этому выпадку врага; часть войска он с начала битвы держал для его отражения. Стрельцы бросились навстречу вышедшему гарнизону с такой яростью, что атака захлебнулась, едва начавшись. «В то время, — уныло писал польский полковник Будила, — мы понесли такой урон, как никогда!»

Первый день сражения склонился к вечеру. Пожарскому удалось сохранить замкнутое вокруг центра столицы кольцо. Но потери были большими. Армия его была и так не очень велика, всего около 10 тысяч человек привел с собою князь к Москве. Многие погибли в первый день. Что же принесет следующий? — тревожно думал Дмитрий.

День 23 августа прошел спокойно. Потерпевший серьезный урон Ходкевич приводил в порядок потрепанные полки. Новый бой начался на рассвете 24 августа. Гусарская конница навалилась на ополчение и к середине дня прижала полки Пожарского к Москвереке, а затем загнала их в воду. Интервентам казалось, успех был близок, но и Дмитрий понимал, что уступить сейчас никак нельзя: погибнет общее дело. С последним резервом он сам ринулся в бой и сумел удержать важную переправу через реку — Крымский брод. Не пустил врага к Кремлю.

Тогда гетман предпринял последнюю попытку. Он перенес бой на другой участок, в район Серпуховских ворот. Здесь оборону держали казацкие отряды — остатки первого ляпуновского ополчения. Пять часов длился бой с ними, пока Ходкевич не достиг желаемого. Рассеяв казацкие отряды, гетман открыл себе дорогу на Кремль!

Теперь-то, полагал Ходкевич, победа достигнута. Не мешкая ни минуты, он приказал направить в Кремль обозы с продовольствием и боеприпасами для изголодавшегося гарнизона. Обоз в четыреста повозок растянулся по всей Ордынке, заполнил Серпуховскую площадь.

Стремление гетмана как можно скорее укрыть свои запасы за стенами кремлевской цитадели сослужило ему плохую службу. Обоз привлек внимание казаков, которые решили не упускать такой добычи. Их разогнанные было гусарами сотни собрались в развалинах вокруг Серпуховки и вновь ударили на врага. Нападение невесть откуда собравшихся казацких отрядов ошеломило интервентов. Соппротивление их было беспорядочным и слабым.

Обоз пришлось защищать по всей его огромной длине, но из этого ничего не вышло.

КазакИ скоро расчленили линию защиты и, действуя дерзко и умело, отбили весь обоз, телегу за телегой.

Этот казацкий успех подбодрил ополченцев в других местах. В разных концах Москвы радостно зазвонили колокола, давая знать о победе, поддерживая тех, кто упал духом, утомился в непрерывном сражении. И, несмотря на потери и усталость, Пожарский решил вновь атаковать врага. Он понимал — еще один день ожесточенного кровопролития ополчение уже не выдержит. Да и враг мог закрепиться в захваченных по Москве опорных пунктах. Князь-полководец чувствовал: или сегодня, 24 августа, одолеть врага, или...

Многие воеводы сомневались в правильности решения, к которому склонился Пожарский. Был момент, когда заколебался и сам Дмитрий. Но все перевесила решимость Кузьмы Минина, который вызвался возглавить атакующий авангард.

Уже настал вечер, когда он потребовал у Пожарского выделить ему бойцов для наступления. «Бери, кого хочешь», — отвечал уставший князь. Минин взял три дворянские сотни и отряд солдат. Вброд перейдя Москву-реку, отряд отчаянных храбрецов бросился на войска гетмана. Чего угодно ожидали наемники, но не этой неожиданной атаки в вечерних сумерках. Даже не сообразив, что происходит, кто и откуда наступает, они бросились в бегство.

Поднявшаяся в наступающей темноте пальба, победный клич предводимого Кузьмой отряда и смятение врага влили новые силы в измученные рати ополченцев, в укpывшиеся в развалинах и пожарищах группы казаков, в отступившую было стрелецкую пехоту.

Вконец обессиленная многодневным сражением, потерявшая половину бойцов армия освободителей вдруг поднялась в едином атакующем порыве во всех концах Москвы! Опытный Ходкевич не понимал, что происходит, откуда взялись у русских новые силы. Всю жизнь он провел в войнах и походах, но с таким порывом столкнулся впервые. О победе уже не приходилось думать — дай бог армию спасти от гибели и унести ноги. В поздних сумерках он отдал приказ к общему отступлению из Москвы, чтоб уже никогда в нее не вернуться.

Дней через десять после отхода Ходкевича, в начале сентября, Пожарский послал в Кремль вежливую грамоту. «Всему рыцарству, — начиналась она, — князь Дмитрий Пожарский челом бьет». Но за внешней вежливостью была сокрита непреклонная твердость. Князь предлагал гарнизону сдаться. «Ваши головы и жизнь, —

обещал предводитель ополчения, — будут сохранены, я возьму это на свою душу и упрошу всех ратных людей».

Послание Пожарского вызвало очередной приступ злобы у потерявших самообладание королевских полковников. «Лучше ты, Пожарский, отпусти к сохам своих людей, пусть холоп по-прежнему возделывает землю, поп знает церковь, а Кузьма пусть занимается своей торговлей!» Отвечая так, спесивые шляхтичи еще надеялись на помощь короля и ждали его прихода. Сигизмунд III и в самом деле затевал новую авантюру, но после разгрома Ходкевича требовалось время, чтоб собрать новые силы.

Королю нужны были целые месяцы, а в осажденном Кремле и Китай-городе счет шел на дни. Уже в сентябре здесь жестоким хозяином положения стал голод. Волосья шкура стоила три рубля. Солдаты резали ее на полосы, варили и жевали целыми днями. Лепешка с лебедой стоила рубль и слыла сказочным лакомством. Ни собачьего лая и ни кошачьего мяуканья не было слышно — всех животных повыловили и съели доблестные рыцари. Пожухшую лебеду и крапиву по задворкам повыдергали с корнями, кору со всех деревьев ободрали. К началу октября уже и дохлая ворона стала цениться в полновесный рубль.

Помощи интервентам не было, голод косил наемное воинство, и в двадцатых числах октября оно запросило о переговорах. Полковники и напоследок попытались торговаться с освободителями об условиях сдачи. Это вызвало гневное возмущение казаков. В один из дней, не спрашивая атаманов, они кинули клич и пошли на штурм укреплений Китай-города. Стихийный приступ был настолько неожиданным и яростным, что интервенты не сумели дать ему отпора, — Китай-город был взят!

Моральный дух осажденного воинства упал окончательно. «Мы, — признавался в своих записках Будила, — принуждены были войти с русскими в договор, ничего не выговаривая себе, кроме того, чтобы нас оставили живыми».

26 октября 1612 года заскрипели заржавевшие петли давно не открывавшихся кремлевских ворот. В этот день вышла и сдалась кучка бояр-предателей. Главу продажной семибоярщины Мстиславского вели под руки. Следом семенили остальные приспешники интервентов. На лицах у всех — уныние и страх. А за ними, качаясь от голода, брела изменная дворянская мелочь...

Гневные крики собравшихся ополченцев встретили предателей. Но Пожарский, как и обещал, не допустил расправы без суда.

На другой день сложил оружие гарнизон интервентов. Полковые знамена и штандарты, мушкеты, сабли, боевые шлемы и доспехи были свалены в кучи на московских площадях. Жалкая

обезоруженная толпа покинула Москву. Никто не мог узнать в ней спесивого воинства, явившегося сюда в блеске доспехов полтора года назад.

Москва ликовала! Во всех церквах звонили и звонили колокола. Земская рать победным маршем прошла с Арбата на Красную площадь. Здесь она встретилась с подошедшими из Зарядья нестройными колоннами казаков. Сойдясь возле Лобного места, оба войска — земское и казачье — повернули к Спасским воротам и вошли в Кремль.

Москва была чиста от врагов и свободна!

НОВАЯ ДИНАСТИЯ

январю 1613 года съехались в Москву выборные из всех городов на Земский собор.

Собор был многолюден, почти 700 человек. Вместить такое множество мог только кремлевский Успенский собор. Там и сходились день за днем. «По многие дни было собрание людям, — сообщает летопись, — дела же утвердить не могут, и все мнутся!»

Дело собор утверждал особое — выбирал царя. Первым было решение не выбирать царя из иностранцев. А предложения такие сначала были — и шведского королевича Филиппа выдвигали, и сына германского императора. Но, помня историю с польским королевичем Владиславом, который и сейчас считал себя русским царем, от этого в конце концов отказались.

Стали обсуждать кандидатов из знатных родов: князей Шуйских, Воротынских, Трубецких. Были и менее родовитые претенденты, среди которых называли Михаила Романова. Романовы не могли тягаться родовитостью со столпами русской знати, поскольку вели свой род лишь с XIV века «из прусс», то есть от какой-то ветви прибалтийских феодалов. Род Романовых усилился в XVI веке во времена Ивана Грозного, одна из жен которого происходила из этого рода.

Юный Михаил Романов был угоден многим московским боярам именно своими «младыми летами». «Выберем Мишу Романова! — не окрывая своих замыслов, агитировал боярин Федор Шереметев. — Он молод и будет нам поваден!» Стремление иметь «повадного» неопытного монарха — вот цель, которую преследовали многоопытные и хитроумные московские политики, сторонники Михаила.

Споры шли долго, и лишь в феврале, спустя месяц после первых заседаний, пришли к решению избрать Михаила! Соборное посольство направилось в Кострому, где пребывал с матерью новоизбранный царь. 14 марта 1613 года посольство, сопровождаемое чуть не всей Костромой, направилось просить Михаила принять корону и... получило отказ. По заведенному обычаю послы ходили просить Романова несколько раз, церемонии упрощивания продолжались довольно долго. Наконец «уговорили» Михаила принять венец.

Так совершилось воцарение на русском троне династии Романовых, которая правила в России 304 года — до февраля 1917 года.

Первый из Романовых, как и предполагали многие, оказался личностью заурядной. В первые годы его правления в верхах царила атмосфера интриг и злоупотреблений. Царь не оказывал заметного влияния на дела разоренной страны, часто был игрушкой в руках противоборствующих группировок. Некоторые перемены произошли в 1619 году, когда вернулся из польского плена отец Михаила, энергичный патриарх Филарет. Став фактическим соправителем сына, он государственными делами занимался больше, чем церковными. В грамотах именовали его не иначе как «великий государь». Дела в правительстве пошли лучше, хотя традиции смуты и разброда, укоренившиеся за первое десятилетие XVII века, еще долго давали себя знать.

С освобождением Москвы и избранием нового царя война не кончилась. Она продолжалась еще шесть лет, и армия Сигизмунда не раз подкатывалась к столице и даже пыталась штурмовать ее. Только 1 декабря 1618 года было подписано перемирие между Речью Посполитой и Россией. Сигизмунду отошла вся Смоленщина и Черниговщина — почти тридцать городов! Новая граница проходила совсем недалеко от Вязьмы, Ржева и Калуги. Исконно русские земли были на десятилетия потеряны.

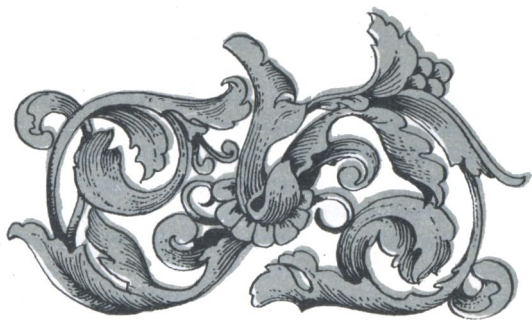
А на северо-западе в невские берега все сильнее впились шведские когти. В 1617 году по Столбовскому миру между Россией и Швецией древние новгородские земли, прилегавшие к Балтике, были отторгнуты от России. Почти на целый век ушли они из российского лона. Потребовались двадцатилетняя Северная война и новое крайнее напряжение народных сил, потребовались неукротимая воля и яростная энергия Петра Великого, чтобы Россия вновь твердой ногой встала на берегах суровой Балтики.

Высокую цену заплатила страна за царскую близорукость да боярское предательство. Многие старинные области лежали в разрухе. Тверской край, например, обезлюдел полностью. Земли его стояли «впусте» до середины XVII века, когда были заселены тысячами бежавших в Россию от шведского гнета карел. В новгородских

землях уровень хозяйственного освоения, существовавший в середине XVI века, был восстановлен лишь к концу XVII столетия. То же самое было и во многих других местах государства.

Вот такой тяжелый след оставили до крайности ослабившие страну события конца XVI — начала XVII века. И немудрено! Ведь даже самый краткий перечень потрясений, пережитых Россией, — Ливонская война, опричнина, войны с Крымом, за которым стояла могущественная Османская империя, жесточайшие многолетние голода, новые войны с Речью Посполитой и Швецией, оторвавшими огромные массивы русских территорий, противоборство политических и военных сил внутри страны, хозяйственная разруха и закрепощение, вызвавшее восстания по всей земле, — все это говорит о том, что страницы нашей истории наполнены глубочайшим трагизмом. Удивительным кажется, как страна устояла и уцелела в таких условиях? Кто спас российский корабль от гибели в волнах бушующего моря внутренних бед и внешних напастей?

Ответ один — русский народ!

глава 7

Н ЯБЕКИ КНЕСТЕ!

КРОМВЕЛЬ

БОГДАН
ХМЕЛЬНИЦКИЙ

ЦАРЬ
АЛЕКСЕЙ
МИХАЙЛОВИЧ

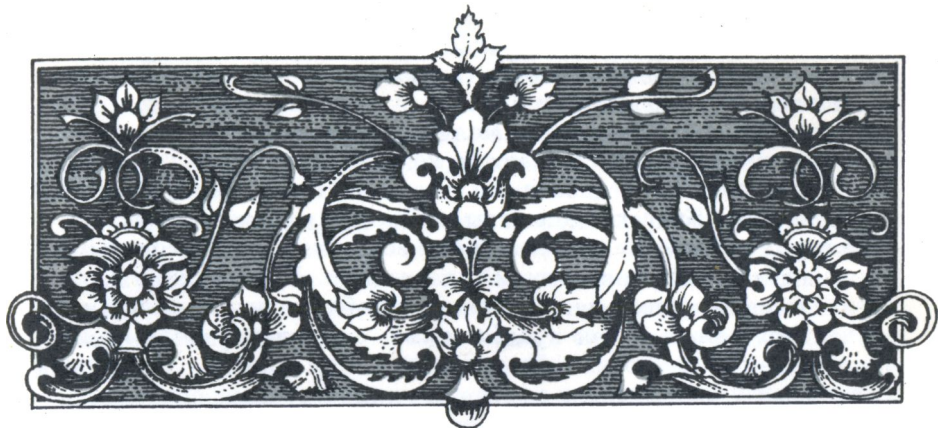
ТУРОК

КОРОЛЬ
РЕЧИ
ПОСПОЛИ-
ТОЙ
ЯН
КАЗИМИР

ЛАТЫ
ПОЛЬСКОГО
ГУСАРА

КАНУН ОСВОБОЖДЕНИЯ

Середина XVII столетия увенчана событием, имеющим неограниченно огромное значение для всей последующей истории нашей страны, включая и современную эпоху. В это время произошло воссоединение Украины с Россией.

Братские народы русских, украинцев и белорусов ведут происхождение от одного общего корня — древнерусской народности. В трудную эпоху феодальной раздробленности и тяжелейшие времена ордынского ига произошло постепенное обособление и развитие трех мощных ветвей. Появились новые, хотя и очень похожие друг на друга языки, сформировались особенности культуры.

Великорусская народность сложилась в северо-восточных землях территории Древнерусского государства, белорусская — в западных, украинская — в юго-западных.

Жизнь всех трех народностей протекала в сложнейших условиях, не раз каждая из них находилась на грани исчезновения. Великорусская народность складывалась в условиях многовековой борьбы с ордынским игом. В конце концов она преодолела феодальную раздробленность, добилась независимости и сформировала к концу XV века сильное централизованное государство, быстро ставшее одним из самых мощных в Европе.

А судьба тех древнерусских земель, где складывались украинская и белорусская народности, была иной. К середине XIV века,

когда на Руси уже началось соби́рание земель вокруг Москвы, все белорусские и большая часть украинских земель были захвачены литовскими феодалами. Древние галицкие и волынские земли оказались под властью польских магнатов. Закарпатье отторгли венгерские феодалы, Буковину — молдавские бояре. Южные украинские степи превратились в места кочевий разбойных крымских орд. Таким образом, ослабленные татаро-монгольским нашествием земли древней Киевской державы, на которых сложилась украинская народность, были разорваны на несколько частей феодальными королевствами, княжествами, ханствами. Украинскому народу предстояла длительная борьба за освобождение; в противном случае его историческая судьба могла закончиться полным исчезновением — жестокая феодальная эпоха полна подобных примеров.

После 1569 года, когда великокняжеская Литва и королевская Польша слились в мощное феодальное государство Речь Посполитую, положение Украины стало еще более тяжелым. Магнаты и шляхта превратили благодатные украинские степи в сеть барщинных имений-фольварков. Король раздавал магнатам «на вечность» украинские земли, которые, несмотря на то что они были заселены украинцами, именовались в жалованных грамотах «пустынями», — только магнат и шляхтич считались людьми, а крестьян, казаков именовали не иначе как «быдлом» — скотом.

Получив кусок — двести—триста гектаров — плодородного чернозема да три-четыре крупных села, феодал организовывал барщинное хозяйство, которое скоро начинало приносить огромные барыши. Многие польские магнаты — Вишневецкие, Конецпольские, Жолковские, Потоцкие — стали сказочными богачами. Им принадлежали десятки городов и сел, реки, леса, дороги. На выкачанное, из фольварков серебро магнаты содержали роскошные дворцы, окруженные в подражание французским королям ухоженными парками, и целые армии наемников. Вслед за магнатами саранчой хлынула на Украину мелкая шляхта, ксендзы и иезуиты.

К концу XVI века барщинное хозяйство на Украине распространилось повсеместно. Три, а часто и четыре дня в неделю крестьянин гнул спину на хозяйском поле. Феодальный произвол был закреплен законами. По принятому в 1588 году статуту крестьянин, проживший десять лет в имении какого-нибудь магната или шляхтича (а уже почти вся земля только им и принадлежала), становился навечно крепостным. Если он убегал, то где бы его ни нашли в течение двадцати лет со дня побега, он возвращался к хозяину. Все произошло на Украине по классической феодальной схеме: первоначальное

чальный разбойный произвол шляхты был быстро оформлен в строгий закон, после чего и дикая барщина и полурабское состояние крестьян стали нормой жизни. «Там, где существовала барщина, — отмечал Карл Маркс, — она редко возникала из крепостного состояния, наоборот, обыкновенно крепостное состояние возникало из барщины». Так случилось и на Украине, на территории древней Киевской Руси.

Крепостничество сразу обрело здесь самые жестокие формы. Магнат и шляхтич имели неограниченную власть над своими крестьянами, могли любого из них безнаказанно убить или искалечить. Более того, владелец мог предоставить такое право даже тому, кто арендовал у него землю, коль хозяин сам не желал управлять имением.

Нещадная эксплуатация сочеталась с религиозным угнетением. Католическая церковь быстро распустила щупальцы по всей Украине. Как поганые грибы росли на благодатной земле иезуитские школы, монастыри и костелы, теснившие низшее православное духовенство — городских и деревенских попов. А высшие православные чины Украины быстро смекнули, что бороться с королем и магнатами им, собственно, ни к чему, ведь цели у церкви и короля одни — угнетать простой народ. Поэтому в 1596 году была провозглашена уния — союз католической и православной церкви под высочайшей эгидой папы римского.

Далеко не все церковники приняли унию, многие остались верны православию. Отрицали католичество и широкие массы городских и сельских жителей, свыкшихся со «своей» религией. Завязалась сложная борьба. Кто выступал только за православие, кто только за католичество, кто за унию. Потом появились еще и лютеране, и кальвинисты. Возникли радикальные учения, вообще отрицавшие власть и церковь. Знаменитый проповедник Феодосий Косой, беглый холоп московского боярина, вообще отрицал догмы и обряды христианства, выступал против рабства, монашества, королевской власти, проповедуя идею равенства людей независимо от их национальности и социального положения.

Протест трудовых масс против экономического, национального и религиозного гнета с каждым годом становился все активнее. Главной формой его стали крестьянские побеги, которые приняли массовый характер. Бежали в основном в низовья Днепра — за днепровские пороги. В последней четверти XVI века там жили уже многие тысячи беглых, которых стали называть, как и на Руси, казаками, а край прозвали Запорожской Сечью.

Край этот был мало освоен из-за постоянных татарских и турецких набегов. Чтобы обезопасить себя от разбойных рейдов, казаки

создали на южных рубежах систему оборонительных засек, откуда и произошло общее название — Сечь. Активные действия против татар и турок способствовали возникновению в Сечи стройной военной организации. Во главе Войска Запорожского стоял выборный гетман. Сечь делилась на полки, полки — на сотни, сотни — на десятки. Все командные должности также были выборными. Постепенно возник руководящий орган Сечи — кош, которому принадлежала не только военная, но и административная и судебная власть. Во главе коша стоял кошевой атаман.

Скоро король Речи Посполитой обеспокоился быстрым ростом казачества. Чтобы как-то приручить запорожскую вольницу, он принял наиболее состоятельную часть казаков к себе на службу, приказав занести их в особый «реестр». Казаков, попавших в него, стали звать «реестровыми». Им был дан ряд привилегий, а главной задачей королевской службы определили борьбу с турками, посягавшими тогда на многие страны Европы.

Однако история шла своими путями, которые вовсе не совпадали с королевскими хитростями. К концу XVI века Сечь стала не только оплотом борьбы с турками, но и центром борьбы украинского народа против господства шляхетской Речи Посполитой. Именно в Запорожье, куда бежали и бежали поработанные со всей Украины, возникают основы будущей украинской государственности. Карл Маркс называл Сечь «христианской казацкой республикой» и писал, что с основанием Сечи «дух казачества разлился по всей Украине».

На исходе XVI века, когда Запорожская Сечь набрала силу, Украину сотрясли первые крупные восстания. Они продолжались, идя одно за другим словно мощные морские валы, около пяти лет. С трудом одолев восставших, зверски казнив их предводителя Северина Наливайко, магнатское правительство объявило все казачество вне закона и ликвидировало реестр.

Естественно, что это пышнословное, но пустое по сути своей решение не привело к исчезновению казачества, — у Речи Посполитой уже не было сил, чтобы совладать с ним. Оно крепло для новых освободительных битв. Мальчигов, рождавшихся на казацких хуторах, сажали на коней раньше, чем они учились ходить. Главным идеалом юношей становилась свобода родной земли. Уделом испытанных взрослых бойцов были походы, сражения, а тяжелый военный быт стал нормой их нелегкой и опасной жизни.

И как ни душил король Сечь разными запретами — хлеб на Сечь не ввозить под страхом смерти! Соль не ввозить под страхом штрафа! Оружие не ввозить под страхом смерти! — казачество росло, мощь его прибывала.

«Казачье своеволие, — раздраженно писал король в 1612 году в одном из универсалов, — так развилось, что казаки организовывают себе свое удельное государство. Вся Украина им подвластна. В городах и местечках королевских все управление, вся власть в руках казаков. Захватывают юрисдикцию, законы издают!»

Сечь крепла, копила силы для решающих боев. Прошло несколько десятилетий, и борьба развернулась невиданная!

Поднимаясь на борьбу с угнетателями, украинский народ надеялся на помощь своего родного брата — русского народа.

Уже во время первых восстаний в конце XVI века предводители восставших обратились за помощью к Москве. В 1593 году руководитель восставших Косиньский обратился к русскому царю Федору с просьбой принять казаков в московское подданство. Но слабость переживавшей невиданные трудности России и быстро организованное магнатами убийство Косиньского этому помешали. В 1620 году Сечь отправила посольство в Москву с посланием, в котором от имени запорожского казачества говорилось, что казаки московскому царю «служить готовы против всяких его царского величества неприятелей». Через четыре года киевский митрополит поставил перед русским правительством вопрос о присоединении Украины. Но царь, боясь войны с Польшей, ответил отказом.

А Украина бурлила! В 30-е годы XVII века крестьянские и казачьи восстания стали сотрясать украинские владения Речи Посполитой чуть ли не ежегодно. Королевская армия, отряды немецких наемников, многочисленные войска магнатов бросались из одного края в другой, не имея передышек между походами. Феодальный гнет короля, магнатов и шляхты стал невыносимым. В западных районах Украины барщина достигла шести дней в неделю. Крепостная неволя, национальное угнетение и религиозные притеснения дополнялись еще и неслыханной феодальной анархией, произволом и беззаконием. Шляхта Речи Посполитой кичилась тем, что является якобы самой свободной в мире и не желает подчиняться даже собственному королю. Магнаты и шляхтичи, пребывавшие в постоянных ссорах друг с другом, организовывали каждый свою «армию» и отправлялись грабить волости неугодных соседей. Страдало от этого в первую очередь украинское крестьянство.

Крестьяне и казаки тысячами уходили в Россию, не раз на службу к русскому царю переходили целые запорожские полки. В широких массах зрело и крепло убеждение в том, что единственная сила, которая может помочь в тяжелой борьбе за освобождение, — это братский русский народ. Логика исторического развития вела Украину к решающему подъему борьбы за освобождение от иноземного гнета, за воссоединение с Россией.

о главе этой борьбы встал Богдан Хмельницкий. Он родился примерно в 1595 году в городе Чигирине. К началу освободительной войны ему было около 50 лет, он был уже опытным военным, знающим жизнь зрелым человеком. Отец Хмельницкого был украинским шляхтичем, занимал мелкий пост чигиринского подстаросты. Жизненный путь Богдана складывался поначалу так же, как у большинства служилых казаков. Разница была, пожалуй, лишь в том, что одаренному большим природным умом юноше легко давалось ученье, о котором позаботился отец. Богдан получил отличное по тем временам образование, знал латинский, польский, турецкий, французский языки.

Как и у всякого служилого человека, главным в жизни Богдана стала военная служба. С юных лет он вместе с отцом участвовал в частых казацких походах на крымцев, неплохо владел всеми видами оружия, освоил, приглядываясь к старшим, многие секреты военной тактики. В 1620 году вместе с отцом пошел он — на этот раз под королевским флагом — на войну с турками. В тяжелейшем сражении под Цецорами отец Хмельницкого сложил голову, а сам Богдан попал в плен, где провел два едва ли не самых трудных года своей жизни.

Вывавшись из турецкого рабства, вернувшись в родной край, он снова окунулся в кипучую казацкую жизнь, участвовал в походах, занимал выборные должности в Войске Запорожском, в том числе и видную военную должность войскового писаря.

С годами росло и крепло в нем сознание необходимости борьбы за освобождение Родины. Он активно поддерживал восстания против иноземного угнетения, не раз испытывал вместе со всеми горечь поражений. Свободолюбивая его натура не могла смириться с рабством. Поэтому несмотря на то, что к пятидесяти годам он сумел пробиться в казацкую верхушку, стал незаурядным полководцем и заставил уважать себя даже при королевском дворе, сердцем Богдан тяготел к низам родного народа, страдания которого делали его жизнь душевно тяжелой и безрадостной. Его сочувствие восстаниям часто выливалось в едва прикрытую помощь им, и это не было тайной для властей. Один из польских шляхтичей доносил, что Хмельницкий был участником дела, за которое другие заплатили головами, а он избежал заслуженного наказания.

Однако сочувствие и содействие восставшим в конце концов вызвали крайнюю злость и раздражение властей. В конце 30-х годов Хмельницкого сместили с важной должности реестрового писаря и отправили в родной Чигирин сотником.

К этому времени Богдан Хмельницкий уже окончательно определил свой политический выбор. Свобода Украины — вот что стало его жизненным идеалом и делом, которому он служил до конца дней.

Богатый опыт подсказывал ему, что нужна не отчаянная безоглядная борьба, не стихия разрозненных восстаний, полыхавших то в одном, то в другом конце многострадальной родины. Нужен дальновидный политический расчет, нужна организованная военная сила, нужна готовность к долгой борьбе, стойкость и мужество, умение вести и скоротечные сражения, и долгую дипломатическую борьбу.

Начать активные действия Хмельницкому помогло, как ни парадоксально, сложное положение польского короля Владислава IV. Тот чувствовал себя на королевском троне неуютно и скованно — могущественное магнатство не давало ему шагу ступить по своей королевской воле. Владислав искал средства для возвышения королевской власти. Правда, чтобы возвысить ее, нужна была реальная сила, например наемная армия. А чтобы набрать армию, нужны деньги. Чтобы получить деньги, нужна большая вотчина, огромное и — главное — независимое от магнатов владение, все равно где, но только владение за пределами Речи Посполитой. Но для завоевания вотчины нужна была... армия! Все вращалось в замкнутом кругу: чтобы завоевать вотчину — нужна армия, чтобы набрать армию — нужны деньги, а чтобы иметь деньги — нужна вотчина!

Владислав IV долго вел эту «игру без козырей», как метко называли его безрезультатную политику. То пытался завладеть какой-нибудь короной (а значит, и землей) с помощью женитьбы, то затевал военные авантюры, то заигрывал с магнатством. Наконец, в 1645 году он решил начать еще одну, на этот раз, как ему казалось, беспроигрышную партию своей политической игры. Дело в том, что к нему за помощью обратилась Венеция, подвергшаяся нападению Турции. Венецианцы предложили Владиславу большие деньги с тем, чтобы он набрал армию и выступил против турок.

Быстро создать сильную армию король мог только одним путем — обратиться к казакам. 29 апреля 1645 года он тайно принял в Варшаве казацких старшин, среди которых был и Богдан Хмельницкий, сумевший к этому времени вернуть себе достаточно видное положение в Сечи. Король договорился со старшинами, что казаки вопреки позиции магнатов, не желавших обострения отношений с Турцией, так как от этого могли пострадать их огромные владения на Украине, выступят против турок. Король выдал им секретный, скрепленный личной печатью указ-привилей на набор 50-тысячного войска.

Вернувшись на Украину, Хмельницкий, в душе которого уже давно созрели планы борьбы, предложил казацкой верхушке быстро набирать войско, но не для сражения с турками за интересы короля, а для освободительной войны. Не всем это пришлось по душе, богатые казаки донесли на него властям.

Магнаты уже не раз всерьез задумывались о том, чтобы любой ценой убрать Хмельницкого с политической арены. Один из них, Станислав Конецпольский, задолго до освободительной войны предостерегал короля: «Хмельницкий обладает бунтовщическим духом и умом, это человек, способный на великие дела, и его надо очень опасаться!» Не сумев привлечь Хмельницкого для верной службы, магнаты решили расправиться с ним. В 1647 году, во время отражения одного из татарских набегов, шляхтич Дашевский, подкравшись сзади, ударил Хмельницкого саблей по голове. Спасло Богдана лишь то, что он перед боем надел под меховую шапку небольшой металлический шлем.

Прошло несколько месяцев, и подстрекаемые магнатами шляхтичи, собравшись пьяной толпой, разгромили хутор Субботов, где жила семья Богдана, насмерть засекли его малолетнего сына, увезли жену. Еще через некоторое время Хмельницкого обманом заключили в тюрьму, надеясь расправиться с ним за толстыми стенами. Однако поднявшееся в казацкой среде волнение заставило власти освободить его.

Но покушение, погром, тюрьма и постоянные угрозы не остановили его. Скоро он стал набирать войско, закупать оружие. Хмельницкий уже не скрывал своей цели.

Собрав как-то ближайших сподвижников в роще под Чигирином, он заявил, что настал час для освобождения Украины. Как и его предшественники в годы прежних восстаний, Хмельницкий надежду возлагал на союз с Россией, ее помощь и поддержку. «Не вижу, — заявил он, — другого выхода, кроме Москвы!»

Он подробно обрисовал сподвижникам свои намерения. И каждый увидел, что это был всесторонне продуманный и до мелких деталей разработанный план трудной борьбы.

Чигиринские власти знали, что Хмельницкий «бунтует казаков». Стало им известно и о совещании в роще. Хмельницкий был схвачен и едва не умерщвлен в тюрьме. Чудом удалось ему вырваться из цепких рук иноземной власти и в конце 1647 года с тремя сотнями сторонников уйти в низовья Днепра.

Двинуться с такой малой силой сразу в Запорожскую Сечь Хмельницкий не мог — там стоял большой гарнизон наемников. Узнав о начавшемся движении, с разных концов Украины пошла к Богдану казацкая голытьба, крестьяне, бедные городские жители.

Он быстро собрал из прибывших несколько крупных отрядов и как только почувствовал, что сил достаточно, двинулся освобождать Запорожскую Сечь.

Прослышав о его приближении, королевский гарнизон в конце января 1648 года без боя оставил Сечь и ушел на север. А часть служивших в нем реестровых казаков перешла к Хмельницкому. Здесь в Сечи казачество единодушно избрало Хмельницкого гетманом. Так движение, всколыхнувшее Украину, одержало первую победу.

ПЕРВЫЕ БИТВЫ

аступало время открытой борьбы, в которой можно было или победить или погибнуть, третьего выхода не существовало.

Подняв восстание, буйная Сечь сразу попала в сложное военно-стратегическое положение. С севера могли с часу на час хлынуть, чтоб укротить восставших, магнатские армии, а с юга в любой миг грозил обрушиться крымский хан. Поэтому следовало немедленно обезопасить Сечь со стороны Крыма, чтобы бросить силы на освободительную борьбу.

Решить эту задачу Хмельницкий взялся сам. В феврале 1648 года возглавляемое им казацкое посольство поскакало в Крым. Явившись к хану Ислам-Гирею III, Хмельницкий показал ему королевский универсал, призывавший казаков к походу на ханство. После недолгих раздумий Ислам-Гирей согласился послать против королевских войск свою летучую конницу.

Итак, южное направление Хмельницкий на какое-то время обезопасил — непрочный союз с Крымом был достигнут. Вернувшись в Сечь, казацкий гетман стал готовиться к походу в центральные районы Украины.

Скоро узнал об этом самый могущественный магнат, коронный гетман Украины Николай Потоцкий. Он прекрасно понимал, какую опасность представляет для Речи Посполитой казацкое войско. «Упаси бог, — тревожно пишет он королю, — чтобы это трехтысячное войско вступило в пределы Украины — оно быстро превратится в сто тысяч! Наберемся тогда горя с ними!»

Потоцкий решил задушить начавшееся движение прямо в Запорожье. Он бросил вниз по Днепру два крупных отряда. Шляхетская конница под командованием сына коронного гетмана Стефана Потоцкого шла берегом Днепра. А немного поотстав от нее, вниз по Днепру плыли несколько сотен легких судов-«чаек». На них сидели около 4 тысяч реестровых казаков да еще 2 тысячи наемников.

Лично возглавив мобильный трехтысячный отряд, Хмельницкий быстрым маршем двинулся навстречу кавалерии Стефана Потоцкого. 19 апреля 1648 года отряды встретились у реки Желтые воды. Потоцкий не решался принять бой в одиночку, хотя его отряд имел двадцать семь орудий. Соорудив мощный военный лагерь, он стал ждать плывущего по Днепру подкрепления — реестровцев и немецких наемников.

Хмельницкий не бросился штурмовать оснащенный мощной артиллерией лагерь, но и без толку топтаться на месте тоже не стал. Он выслал казацких послов вверх по Днепру, к плывущим на легких чайках реестровым казакам, призывая их присоединиться к борьбе за правое дело. Выслушав послов, реестровые казаки кинули клич — собирать Черную раду! Черная казацкая рада-совет созывалась тогда, когда рядовые казаки собирались без старших казацких начальников.

Черная рада решила — присоединиться к Хмельницкому!

В начале мая мощный казацкий отряд подошел к Желтым водам, но не в лагерь к Стефану Потоцкому, а к восставшим. В эти же дни прибыл к Хмельницкому отряд отважных донских казаков — помощь России обретала реальные черты. Сюда же явилась и разбойная орда крымского мурзы Тугай-бея, думавшего, конечно, вовсе не о помощи восставшим, а о грабежах и обогащении.

Такой оборот событий вызвал панику в лагере шляхты. Отряд стал редеть не по дням, а по часам. Стефан Потоцкий решил отступить, не принимая боя, и снялся с позиций. Но 6 мая восставшие настигли отступающего врага и наголову разгромили его. Захватили всю артиллерию, а незадачливого молодого стратега Потоцкого взяли в плен.

Уже эта первая битва по своим результатам превзошла самые крупные успехи предшествующих восстаний. Но еще более мощным был ее моральный эффект. Весть о победе подняла на борьбу новые тысячи крестьян. Армия восставших, пройдя горнило первого боевого испытания, окрепла и закалилась.

Хмельницкий не стал упиваться первой победой, а быстро двинулся к расположению основных сил противника — армии коронного гетмана, который, прослышав о поражении сына, стал отступать в направлении Корсуня.

Здесь 16 мая 1648 года и настиг его Хмельницкий. Местом нового сражения стало урочище Гороховая Дубрава. Конное шляхетское войско двигалось по узкой дороге, огражденной с обеих сторон лесистыми кручами. Устроив пехотную засаду на его пути, восставшие затем ударили и с тыла. Зажатая в клещи на узкой полосе дороги кавалерия врага была за несколько часов полностью разгром-

лена. Коронный гетман попал в плен. Крупных шляхетских войск теперь на Украине не было.

Две блестящие победы, одержанные в течение одного месяца, породили всенародное ликование. Волна выступлений докатилась до Белоруссии. Десятки стихийно возникавших отрядов нападали на магнатские и шляхетские усадьбы, овладевали селами и даже городами. Корсуньская победа, словно мощный набат, подняла весь украинский народ. Главной силой освободительной войны стало угнетенное крестьянство, стремившееся освободить Родину от иноземного порабощения, выступавшее против крепостного гнета. В короткий срок была освобождена вся Левобережная Украина и часть Правобережной.

А в стане врага царило замешательство. Неожиданный для многих разгром коронного гетмана да случившаяся в эти же дни смерть короля Владислава IV, так и не понявшего, к чему привела затеянная им авантюра, заставили канцлера Речи Посполитой предложить восставшим перемирие.

После некоторых раздумий Богдан Хмельницкий принял его. На первый взгляд это может показаться странным и неоправданным — ведь противник разгромлен и растерян, самое время вести дело к полной победе. Но казацкий гетман видел многое, что ускользало от неопытного взора. Он, во-первых, понимал, что Речь Посполитая не отступится от Украины, а рано или поздно поднимет против восставших всю свою немалую военную мощь. Во-вторых, он знал, что в таких условиях дальнейшие успехи немыслимы без активной помощи России. Поэтому, едва заключив перемирие, он в июне 1648 года от имени войсковой рады обратился с письмом к царю Алексею Михайловичу, известил его о своих победах и желании украинцев иметь своим государем русского царя. Этим было положено начало официальным переговорам о воссоединении Украины с Россией. Наконец, заключая перемирие, Хмельницкий рассчитывал использовать его для упорядочения и организации своей бурно разросшейся, но плохо вооруженной и обученной армии. Организованное военное ядро — казачество — теперь было уже ее меньшей частью. Основная масса — вчерашние холопы, крестьяне, бездомная голытьба, бедный городской люд. Их следовало вооружить, обучить началам военного дела, подготовить к новым неминуемым боям. А в том, что грядут новые сражения, Хмельницкий ни минуты не сомневался: не отступятся магнаты от благодатных украинских земель, от богатейших плодов труда украинского крестьянства.

Но, прекращая военные действия своей армии, Хмельницкий не собирался тормозить народного движения в целом. Восстание шло

в глубь истрадавшей страны, всюду возникали крестьянские и казацкие отряды, изгонявшие вельможных панов, громившие помещиков. С украинских земель волнение скоро перекинулось в Белоруссию, куда Хмельницкий послал летом 1648 года несколько казацких отрядов.

Во время переговоров с правительством Хмельницкий специально подчеркивал, что из вооруженной борьбы выходит только его войско, а многочисленные отряды повстанцев, в том числе и ближайших сподвижников украинского гетмана, это, как объяснял он магнатам, стихия ему неподвластная.

Наступил хрупкий мир, но длился он недолго, всего около трех месяцев.

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

феодалы Речи Посполитой, осознав размах начавшейся войны, раскололись на два лагеря. Потерявшие огромные владения, восточнукраинские магнаты требовали немедленного сбора всеобщего шляхетского ополчения — «посполитого рушения» и беспощадного военного подавления восстания.

Более осмотрительные политики — канцлер Оссолинский, могущественный магнат Адам Кисель — предлагали «умиротворять» Украину. Они надеялись с помощью небольших уступок оторвать от движения часть сил, прежде всего хорошо вооруженное казачество, и постепенно сбить пламя народной войны.

Богдан Хмельницкий видел эти противоречия и, для того чтобы хоть немного продлить передышку, решил подыграть сторонникам «умиротворения». Он направил в Варшаву посольство, которое предъявило сейму очень скромные требования, удивившие многих магнатов. Хмельницкий потребовал увеличения численности реестрового казачества, которое получало за службу деньги от короля, до 12 тысяч человек, прекращения религиозных преследований православного населения и выплаты казакам задержанного королевского жалованья. И ничего больше! Сейм сразу согласился на требования восставших, надеясь, что теперь война начнет затухать.

Но недовольные таким решением восточнукраинские магнаты возобновили набеги на Украину. Они старались спровоцировать ответные выступления Хмельницкого и заставить правительство собрать большую армию. В конце концов это им удалось. По указу сейма была набрана огромная армия — 40 тысяч солдат. Ей придали мощную артиллерию — больше ста пушек. Командующими

сейм назначил сразу трех магнатов — Заславского, Конецпольского и Остророга. В начале сентября 1648 года к коронному войску присоединилась наемная армия магната Иеремии Вишневецкого.

Двигаясь по Украине, шляхетское войско жестоко расправлялось с казаками и крестьянами, грабило села и города. Вслед за войском скрипел по разбитым дорогам обоз награбленных богатств — 100 тысяч возов!

Узнав о приготовлениях врага, Хмельницкий стал спешно завершать формирование своих сил. В его армии было уже 35 полков, примерно по 2 тысячи человек в каждом. Он организовал снабжение этой большой армии, наладил производство оружия и боеприпасов, создал артиллерию. Гетмана окружала целая плеяда вышедших из глубин народа талантливых сподвижников-полководцев — Максим Кривonos, Иван Богун, Данило Нечай, Мартын Небаба, Стась Морозенко.

В конце лета армия двинулась навстречу врагу. В начале сентября два больших войска сошлись у небольшого села Пилявцы неподалеку от города Староконстантинова.

Хмельницкому было ясно, что сражения не избежать. Армии разделяла лишь небольшая речка Пилявка. Крепкую плотину, соединявшую ее берега, занял смелым броском казачий отряд. Думая о предстоящем сражении, намечая его планы, Богдан часто останавливал взгляд на этой плотине. Она казалась ему замком, который запирает дверь, ведущую к победе. Ее надо правильно открыть, и тогда успех будет достигнут. К исходу первой недели сентября план сражения созрел в голове полководца окончательно, во всех деталях.

8 сентября по приказу Хмельницкого казаки оставили плотину, открыв коронному войску путь на свой берег. Расценив это как военную слабость, враги сразу стали переправляться через реку. За три дня на левый берег перешло несколько полков. Коронное войско было теперь фактически разделено на две части.

Дни 11 и 12 сентября были заполнены мелкими стычками армий, вошедших в боевое соприкосновение. На рассвете 13 сентября Хмельницкий поднял восставших в решительное наступление. Не выдержав мощного и хорошо организованного удара, шляхетское войско дрогнуло и стало отступать к плотине, а затем в панике бросилось по ней на правый берег — к основным силам. А три перессорившихся командующих — изнеженный вельможа Заславский, молодой и неопытный Конецпольский и слывший «ученым» Остророг — как раз в это время решили перебросить подкрепления на левый берег. На плотине возникла костоломная давка — одни полки в панике пытались бежать с поля боя, другие, понукаемые

офицерами, пытались переправиться на подмогу бегущей армии. В этот момент Хмельницкий приказал своей артиллерии открыть по плотине картечный огонь. Паника стала всеобщей, армия противника практически полностью потеряла управление.

И тогда пришло время осуществить последний пункт разработанного Хмельницким плана. Осуществив за ночь искусный обходной маневр, лучший полковник Хмельницкого Максим Кривонос обрушился с тыла на главный лагерь врага. После этого поражение коронного войска стало окончательным.

Коронные гетманы кинулись кто куда. Конецпольский покинул поле боя, переодевшись в крестьянское платье. Иеремия Вишневецкий отбил у кого-то грязную телегу и бежал на ней, трясаясь то ли от неровностей дороги, то ли от страха. Заславский в панике потерял даже свою гетманскую булаву. Остатки войск бежали так быстро, что через три дня были уже во Львове.

Восставшим достались огромные трофеи: сотня пушек, десятки бочек с порохом, оружие, многие тысячи возов, доверху нагруженных — прямо как в старых сказках! — золотыми кубками, серебряными чашами, деньгами, дорогими мехами, снедью и напитками.

Но уже на другой день армия Хмельницкого двинулась вслед за отступавшим врагом. Через несколько дней он подошел к Львову, осадил его, но спустя три недели, получив от львовских купцов контрибуцию, перенес осаду на другую сильную крепость — Замостье. Здесь и пришло к нему известие о том, что новый король Речи Посполитой Ян Казимир готов заключить мир с повстанцами. Хмельницкий согласился: войско его устало, надвигалась зима. Нужна была передышка. Поэтому, дав согласие на перемирие, Хмельницкий снял осаду с Замостья и двинулся в Приднестровье.

Заканчивался 1648 год. Он вместил в себя столько событий, сколько не вмещали иные десятилетия. Свобода, о которой мечталось веками, впервые вступила на украинскую землю. Почти по всей Украине власть по казацким обычаям принадлежала теперь руководителям полков и сотен, расположенных в том или ином месте. Резко ослаб религиозный гнет, исчезло национальное притеснение, иссушавшее душу народа.

В конце декабря 1648 года Хмельницкий со сподвижниками прибыл в Киев. У Золотых ворот Ярослава его встретил ликующий город, началась приветственная пальба из пушек, поднялся радостный перезвон колоколов в православных церквях. Многие считали, что наступил бесповоротный конец шляхетскому господству.

Хмельницкий думал иначе. Радость и торжество народа переполняли и его душу, но умом он прекрасно понимал — борьба еще далеко не закончена и скорее всего протянется еще долгие годы.

И поэтому все нужнее становилась помощь России. В январе 1649 года Хмельницкий направил в Москву свое первое посольство. В нарушение сложного дипломатического этикета посол Хмельницкого Силуян Мужилковский был принят самим царем. Силуян передал просьбу восставших — принять Украину «под высокую государскую руку», оказать военную и дипломатическую помощь.

Ответным шагом русского правительства была посылка царского посольства к Хмельницкому. Это был в глазах всего тогдашнего мира акт открытого официального признания и поддержки. Прорехавший всю Украину русский посол отметил общее стремление всех украинцев к братскому союзу с Россией. «А как ехали Запорожскую землею от порубежного города Конотопа до Чигирина, и в городах полковники и сотники, атаманы и есаулы встречали и провожали конные с знаменами, а у городов пешие с ружьем. И на встрече и на провожанье стреляли из пушек».

Весть о народной войне на Украине уже растеклась по всему европейскому миру. Из Англии прислал Богдану Хмельницкому приветственное письмо Кромвель. С могучей Турцией Хмельницкий заключил почетный и очень выгодный казакам договор: они получали право беспрепятственно плавать и торговать на Черном море. Это и крымского хана заставило иначе относиться к казакам — Орда обещала помощь в борьбе против Речи Посполитой.

Но главные надежды гетмана и всего украинского народа лежат в той северной туманной стороне, где стояла белокаменная Москва. Россия все активнее поддерживала восстание на Украине. Отряды донских казаков, разных служилых людей из приграничных областей активно действовали в составе войск Богдана Хмельницкого. Весной 1649 года из России был открыт беспощинный вывоз в украинские земли хлеба, соли и всяких припасов, включая оружие. Десятки обозов — по сотне возов в каждом — ежедневно пересекали теперь русско-украинскую границу.

Русское правительство не мешало своим подданным уходить через границу и записываться в «запорожские казаки». А вот польские паны, перебежавшие на русскую территорию и скрывавшиеся тут от возмездия восставшего народа, по указу правительства немедленно отсылались назад, за границу. Тех же украинских крестьян-переселенцев, что уходили от преследований ожесточившейся шляхты, в русских владениях принимали без всяких ограничений, наделяли землей и назад, невзирая на требования магнатов и шляхтичей, не выдавали.

Помощь России была разнообразной. Но главного — воссоединения Украины с Россией — осторожное правительство царя Алексея Михайловича пока не делало. Оно боялось резкого осложнения

международной обстановки. Ведь такой шаг означал бы, во-первых, открытую войну на западном направлении — с Речью Посполитой, которая считала Украину своей неотъемлемой вотчиной. Во-вторых, было ясно, что воссоединение озлобит крымского хана и стоявшую за ним Турцию, то есть и на юге дело могло быстро дойти до открытой войны. Наконец, на севере, где располагалась недружественно настроенная к России Швеция, недавно захватившая приневские земли, могли развернуться неблагоприятные события.

Поэтому, когда поднялось восстание, русское правительство, всемерно помогая восставшим, открытого и решительного шага, несмотря на неоднократные просьбы Хмельницкого, не делало.

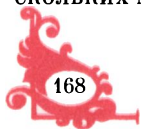
А Речь Посполитая всячески пыталась повернуть события вспять! Сначала послала к Хмельницкому посольство. Хитрый магнат Адам Кисель привез Богдану от короля булаву и знамя, задалбривал его, убеждал «отступить от черни, чтобы холопы пахали, а казаки воевали». Но Хмельницкий разгадал коварные замыслы врага — расколоть силы народа, оторвать казачество от крестьянства. И прямо заявил королевскому послу, что будет добиваться полного освобождения Украины — «по Львов, Холм и Галич!»

Не сумев задобрить украинского гетмана, Речь Посполитая вновь решила прибегнуть к военной силе. Новый король Ян Казимир дал указ собирать «посполитое рушение» и, встав во главе его, сам выдвинулся на Украину. Все лето 1649 года предпринимал он бесславные попытки разгромить восставших, но в конце концов, едва избежав поражения, вынужден был заключить с ними под городом Зборовом новый договор, где подтвердил все прежние их завоевания, еще больше увеличил реестр, обещал упразднить церковную унию и восстановить православие.

РОССИЙСКАЯ ПОДДЕРЖКА

В 1650 году в Варшаву прибыло из Москвы посольство братьев Пушкиных. На первом же официальном приеме братья заявили, что посланы они из-за того, что Речь Посполитая нарушает «вечное докончанье» — мирный договор, заключенный еще в 1634 году после русско-польской войны.

А выразилось это, по заявлению Пушкиных, в том, что во многих бумагах неверно пишут титул русского царя. В категорической форме послы потребовали, чтобы польский король казнил нескольких магнатов, искажавших царские титулы, а кроме этого вер-

нул России захваченный Речью Посполитой Смоленск и внес в царскую казну 500 тысяч золотых!

Дипломаты Речи Посполитой были ошеломлены. Им сразу стало ясно, что русский царь ищет повод для разрыва мирного договора и вступления в войну.

Этот дипломатический нажим имел большие последствия. Поняв, что Россия может открыто выступить против Речи Посполитой, король вынужден был держать наготове против нее большие военные силы, которые в другом случае мог бы бросить против войск Хмельницкого. Именно поэтому весь 1650 год прошел без больших сражений и позволил Хмельницкому накопить силы.

Лишь в феврале 1651 года шляхетское войско смогло начать наступление. Вторгшись на казацкую территорию, оно двинулось в направлении Винницы. Король не случайно начал войну зимой. Пешее войско восставших вязло в снегах, боеспособность его снизилась. Погиб верный сподвижник Хмельницкого Данила Нечай.

В этот тяжелый для Украины момент в Москве был созван Земский собор. Собравшимся боярам, дворянам, посадским людям, православному духовенству было оглашено царское письмо. В нем говорилось, что Речь Посполитая нарушила «вечное dokonчanye», виновные в этом не наказаны. Более того, король договорился с крымским ханом о нападении на Россию, а также пропустил в Швецию ханского посла, который ехал, чтобы и ее подбить к войне с Россией. В конце письма говорилось, что гетман Богдан Хмельницкий просит принять его под высокую государеву руку.

Земский собор был единодушен: с Украиной воссоединиться, а «вечное dokonчanye» с Речью Посполитой разорвать. Историческое решение было принято, теперь предстояло, преодолевая огромные трудности, претворить его в жизнь. Это удалось не сразу.

КОРОЛЕВСКИЕ ПОТУГИ

Распознав четкую российскую линию, король Ян Казимир понял: нужны немедленные действия! Весной 1651 года коронное войско, возглавленное лично королем, двинулось на Украину. Под началом короля шли 40 тысяч шляхтичей, 20 тысяч наемных солдат да 36 тысяч регулярного войска. Огромная сила! В мае уже в пределах Украины в нее влились большие отряды магнатских войск. Армия достигла численности в 150 тысяч человек! Теперь Ян Казимир не сомневался в том, что восстание удастся задуть.

Коронное войско сошлось с армией Хмельницкого, к которому на этот раз примкнуло большое татарское войско, под городом Берестечком. Первые бои 18—19 июня были успешными для восставших. Но 20 июня королевскому войску удалось обратить в бегство стоявших на левом фланге татар. Хмельницкий сам бросился к месту прорыва, пытался повернуть хана, но был им предательски схвачен и увезен с поля боя. Лишь через несколько дней, находясь уже чуть ли не в сотне верст от Берестечка, Хмельницкий вырвался из цепких лап «союзника».

Но вернуться к своей армии, блокированной под Берестечком, он уже не мог — пути через кольцо окружения не было.

После фактического пленения Хмельницкого командование армией принял полковник Иван Богун. Он не потерял головы в обстановке тяжелого оборонительного боя. Восставшие быстро окопались, окружили лагерь повозками. С трех сторон казаки были заперты вражеским войском, а с четвертой было непроходимое болото. Опасаясь, что восставшие все-таки смогут его преодолеть, враги направили на другую сторону мощный заслон.

Ян Казимир остался доволен. Успех был полным: войско восставших блокировано целиком, а искрошить его — это дело нескольких дней. Одним ударом будет добыта победа, восстановлена покорность Украины, хлеб ее вновь потечет в житницы феодалов Речи Посполитой, зазвенит чистое серебро по заветным сундукам!

Однако ни на первый, ни на второй, ни на третий день штурма лагерь восставших взять не удалось. Прошла неделя, потом десять дней — все попытки оказались безрезультатными.

А казаки, отбивая непрерывные атаки, скрытно от врагов соорудили длинную гать через болото. В ночь на 30 июня их неожиданный удар смял стоявший за болотом заградительный отряд и открыл путь к выходу из окружения, а значит, и спасения армии — главной силы освободительной войны.

Ян Казимир долго не подозревал о том, что восставшие уходят из плотно окруженного его войсками лагеря. Это обнаружилось лишь утром. Коронное войско всей силой обрушилось на не успевшие уйти отряды казаков.

Неравный бой в лагере под Берестечком навсегда останется одной из самых трагических страниц народной войны. Ни один из казаков и крестьян не принял предложения сдаться. «Одна казацкая дружина числом 200 или 300 человек, — писал в столицу шляхтич, участвовавший в кровавой бойне, — засев на островке, оказывала нашим такой решительный и мужественный отпор, что хотя гетман Потоцкий обещал даровать им жизнь, они не захотели согласиться

на это... и стали так сильно обороняться, что пехота была принуждена наступать на них всей массой и хотя расчленила их и разогнала, они тем не менее отступали на болото, не желая сдаваться и там поодиночке каждого из них нужно было убивать. А один из них, захватив лодку, дал на глазах короля и всего войска пример нехолопского мужества, обороняясь на этом челне при помощи косы несколько часов!»

Все, кто находился в лагере, включая и не успевших уйти женщин и детей, были убиты озверевшими феодалами, бесновавшимися из-за того, что от них ускользнули основные силы восставших.

Казалось, враг победил. Но так только казалось. Украинский народ не думал сдаваться и духом не пал.

Вырвавшись из плена, Хмельницкий энергично восстанавливал свою армию. Стихийно возникавшие отряды тут и там нападали на войска Речи Посполитой. Скоро они из оккупантов превратились в осажденных.

В результате никакой речи о полном разгроме народного движения на Украине уже не шло.

В сентябре был заключен Белоцерковский договор между казаками и властями Речи Посполитой. Он был тяжелым для Украины — сокращался казацкий реестр и казачья территория, на которой не было правительственных войск. Шляхта получала право вернуться в свои имения, на всей Украине размещались шляхетские войска.

Но как ни тяжок был новый договор, уже сам факт его заключения свидетельствовал о крахе планов покорения Украины. Общим сторонам было ясно — договор будет недолговечен. Украинский народ готовился бороться за полное освобождение, а шляхта стремилась к восстановлению старых рабских порядков.

Возвращение шляхты в имения, появление королевских войск вызвало массовые уходы крестьян и казаков в Россию. Только из Черниговщины ушли более 2 тысяч семейств. Украинский город Константинов целиком переселился на другой берег пограничной реки — в Россию. Степные области на юге России, заселенные в это время украинцами, стали называть Слободской Украиной, здесь появились и начали быстро расти будущие крупные города — Харьков, Сумы.

Жители русского приграничья по-братски встречали переселенцев, крестьянская взаимовыручка помогала хозяйствам быстрее встать на ноги.

1652 год прошел без больших сражений, король собирал силы. Для Хмельницкого он был наполнен приготовлениями к новым

сражениям, заботами об укреплении международного положения Украины. А оно было после неудач очень сложным.

К марту 1653 года королем были набраны первые 10 тысяч солдат — их тут же бросили на Украину, рассчитывая сорвать подготовку восставших к летним боям. Но украинский гетман вновь не дал осуществиться планам короля. Он отрядил для борьбы с этим крупным авангардом небольшую часть своих сил, и во главе их поставил самого искусного из своих полковников Ивана Богуну. Долго изматывал Богун врага бесконечными маневрами, а затем неожиданно перешел в контрнаступление и полностью разгромил наемников.

Вновь пришлось королю отложить генеральное наступление. И лишь в октябре 1653 года, в осеннюю распутицу огромное войско короля двинулось на Украину и скоро подошло к небольшой крепости Жванцу, расположенной недалеко от города Каменец-Подольского.

Хмельницкий уклонился от генерального сражения — сил у него было не так много: часть войска во главе с Тимошем Хмельницким вела тяжелые оборонительные бои в Молдавии. Расчет украинского гетмана заключался в другом. Он помнил, что армия Речи Посполитой начала активные действия в неподходящее время — на носу дождливая осень, а там и зима с холодом и бескормицей. Поэтому восставшие охватили район расположения королевских войск кольцом партизанской войны.

Летучие казацкие отряды перехватывали обозы с продовольствием и фуражом, устраивали засады на дорогах, ослабляли врага тысячами мелких нападений.

Скоро в королевском войске начались болезни и голод, а осенние холода и дожди быстро породили у солдат уныние и подавленность.

К концу ноября 1653 года Хмельницкий намеревался нанести противнику решающий удар. Но подошедшая к Жванцу Крымская орда не позволила ему атаковать королевское войско — хан Ислам-Гирей не хотел освобождения и усиления Украины. Ему было выгодно, чтоб она пребывала в постоянных военных муках, пользуясь которыми можно было беспрепятственно грабить украинский народ.

Хмельницкому пришлось отступить и пойти на вынужденное перемирие. Положение его снова стало очень сложным. Король сговорился с крымским ханом. На юге, в Молдавии, казаки потерпели поражение от объединенных валашских и шляхетских войск. Поздней осенью там умер от ран Тимош Хмельницкий.

Одна осталась надежда — на Россию.

Москва пристально следила за событиями на Украине, все больше наращивала помощь восставшим. Один за другим шли на Украину отряды смелых донских казаков — становились под знамена Хмельницкого. Десятки обозов с пушками, порохом, ядрами посылал к гетману Пушечный приказ. Тайно, под сильной охраной везли к нему мешки серебра — на закупку продовольствия для армии, оружия, фуража.

К осени 1653 года, когда обстановка на Украине стала критической, собрался общероссийский Земский собор. 1 октября 1653 года он принял единодушное решение — «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское, с городами их и с землями принять под свою государскую высокую руку!». Не было на Руси человека, кто не одобрил бы этого шага, хотя был он труден, обещал тяготы и лишения. Принятое собором решение означало объявление войны могущественной Речи Посполитой. Кроме того, оно до крайности обостряло отношения с Крымом и могущественной Османской империей, делало очень вероятным столкновение со Швецией. А сил у России, пережившей не так давно разруху и трагическое «смутное время», когда даже Москва оказалась в руках врага, было еще не так много. И последующие годы подтвердили, что, восстанавливая братский союз с Украиной, Россия возложила себе на плечи тяжкую ношу трудной войны не только с Речью Посполитой. Союзником короля сразу стал крымский хан, а через год в войну ввязалась и Швеция. Тринадцать долгих лет тянулась тяжелая война! Но Россия пошла на эти испытания, потому что того требовало историческое братство русского и украинского народов.

ПЕРЕЯСЛАВСКАЯ РАДА

После решения Земского собора на Украину было послано великое посольство. Его возглавил ближний царский боярин тверской наместник Василий Бутурлин. С ним ехали окольничий, муромский наместник Иван Алферьев и думный дьяк Ларион Лопухин. С посольством следовал большой почетный конвой.

31 декабря 1653 года русское посольство прибыло в город Переяслав. Здесь встретило его «всенародное множество с женами и с детьми и с великою радостью». У въезда в город были выстроены шпалерами казаки, они приветствовали послов ружейным салютом.

6 января 1654 года в Переяслав приехал Богдан Хмельницкий. 7 января он навестил Бутурлина и затем назначил на следующий день созыв общей Рады.

Это не был обычный казацкий сбор. Гетман приказал — «собрать Раду, явную всему народу!». В ней приняли участие казаки, крестьяне, ремесленники, купцы, казацкая старшина, православное духовенство, мелкая украинская шляхта — «великое множество всяких чинов людей».

8 января в 2 часа дня стали бить в барабан, сзывая народ на площадь — «слушати о деле, хотящем свершиться».

«Во второй час дни, — сообщали послы, — бито в барабан с час времени. Учинили круг пространный... а потом и сам гетман вышел под бунчуком, а с ним судьи и есаулы, писарь и все полковники».

Выйдя в центр круга, Хмельницкий обратился к народу. Он говорил о долгих «беспрестанных бранях и кровопролитиях», идущих уже шесть лет. «Какое пленение, какое нещадное пролитие крови, какие от панов утеснения — никому вам сказывать ненадобно!» В конце Хмельницкий сообщил, что московский царь, «которого мы уже шесть лет беспрестанными молениями нашими себе просим», прислал к украинскому народу посольство. Богдан призвал к соединению с единокровным русским народом. Мощный гул одобрения был ему ответом.

Старшины, обходя круг, громко вопрошали: «Все ли так соизволяете?» — «Все единодушно!» — гремел ответ.

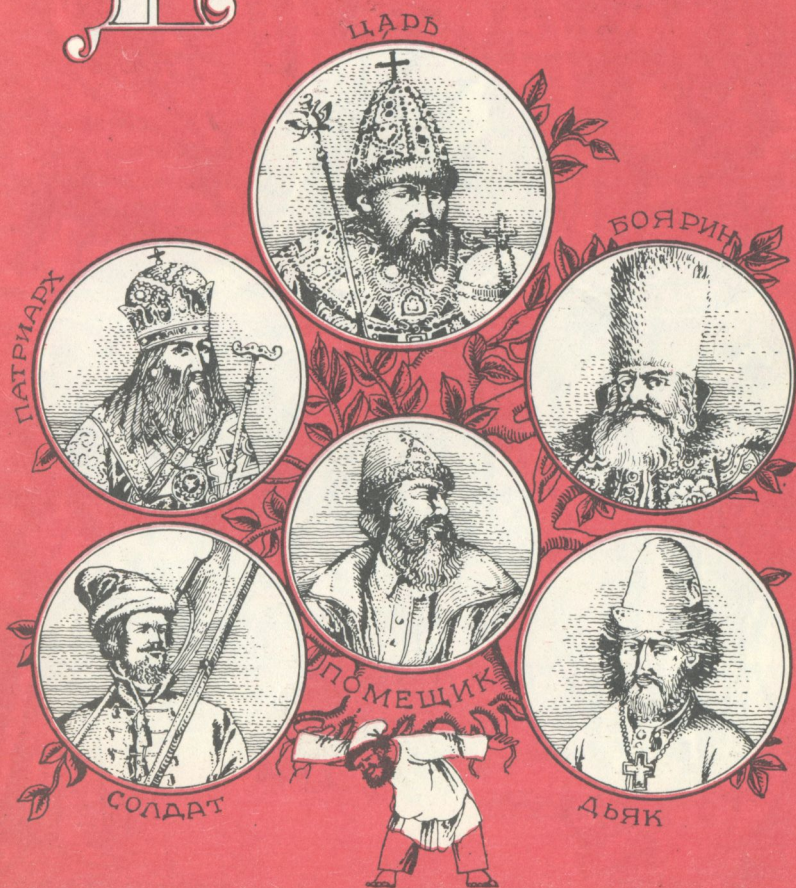
Известие о Переяславской Раде быстро облетело всю Украину. Повсюду рождало оно радость и ликование. «По всей Украине, — отмечал украинский летописец, — весь народ с охотой тое учинил, немалая радость межи народом стала!».

Великий акт воссоединения скрепил исторически сложившуюся неразрывную связь русского и украинского народов. Ныне это братство, проверенное многими испытаниями общей судьбы, отсчитывает уже четвертое столетие. А жить ему тысячи лет!

глава 8

ВУТЯШНЫЙ БЕК

ПРИЕМ
ИНОСТРАННОГО
ПОСОЛСТВА

СОКОЛЬНИКИ

МОНАХИ

КУПЕЦ
ГЕОРГИЙ
ФЕТИСОВ

НАЗАРНИК ПОСОЛСКОГО ПРИКАЗА
БОЯРИН А. ОРДЫН-НАМОНИН

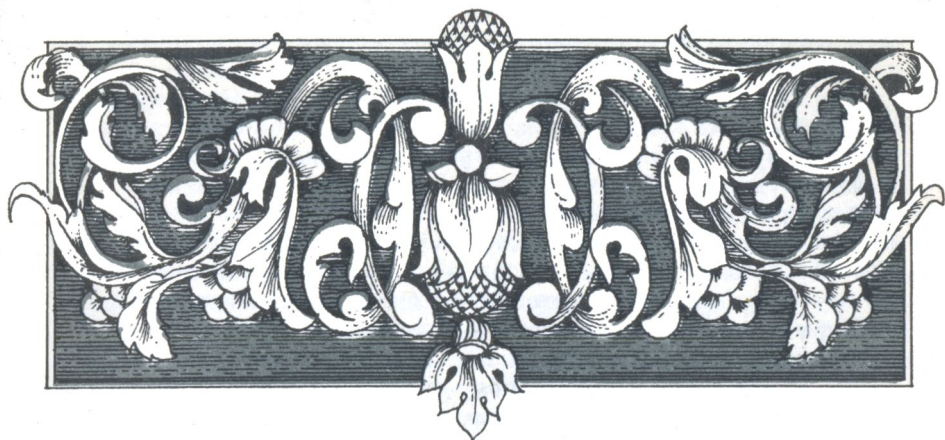

ОРУЖЕЙНИК
А. АБРИКОСОВ

КУПЕЦ

ЗНАТНЫЙ БОЯРИН

КРЕПОСТНАЯ НЕВОЛЯ

Идаром XVII век прозвали в народе бунташным. Он начался со «смутного времени» и вспыхнувшей в центре страны первой крестьянской войны. В середине столетия по городам, большим и малым, прокатилась судорога отчаянных восстаний. «Мир качается!» — воскликнул напуганный ими современник. Чуть позже взбудоражил страну до самых глубин церковный раскол. В третьей четверти века вновь сотрясла государство крестьянская война, которую возглавил Степан Разин. Это был мощный народный ответ на совершившееся закрепощение крестьянства. А на закате уходящего века всколыхнули столицу кровавые стрельцкие мятежи...

Феодализм на Руси находился в XVI—XVII веках уже в стадии зрелости. Этот общественный строй, пришедший когда-то во всех странах на смену рабовладению, а кое-где, в том числе на Руси, возникший прямо из родового строя, имеет несколько главных признаков. Хозяйство при феодализме является натуральным, почти все, что нужно для жизни, производилось непосредственно в крестьянских дворах. Товарно-денежные отношения, купля-продажа были развиты слабо. Политическую власть в государстве крепко держало военное сословие феодалов. Мелкие и средние феодалы получали поместья и вотчины у великого князя и обязаны были за это служить ему. По своему устройству это сословие сначала напоминало гигантскую пирамиду: мелкие феодалы зависели от

средних, средние — от крупных, крупные — от высшей знати, а та — от князя. Но постепенно, по мере централизации государства, эта сложность исчезла, и все феодалы в русском государстве стали служить одному господину — великому князю, а затем царю, который жаловал их за службу землей, населенной крестьянами.

Основную часть населения страны составляли крестьяне. Они имели орудия труда, но поскольку вся земля принадлежала феодалам, крестьяне зависели от них.

Крестьянин «сидел» на земле феодала, за что платил ему оброк или обрабатывал барские поля. Он был подвластен и подсуден своему господину, подвластен и высшему выразителю интересов всех феодалов — великому князю.

Феодалы всячески стремились расширить и упрочить свою власть над крестьянством. В эпоху централизованного государства эта власть в конце концов обрела крепостнические формы.

Крепостничество возникло не в один день. Оно было результатом длительного наступления феодалов на сопротивлявшееся произволу крестьянство. Вначале, еще при Иване III, древнее право крестьянского перехода от одного помещика к другому было ограничено коротким осенним сроком. Такой переход от хозяина к хозяину называли «отказом» — крестьянин «отказывался» от старого владельца и шел к другому, с которым заключал новый ряд-договор. При этом составлялась особая порядная грамота. В ней подробно указывалось, что должен делать крестьянин на земле нового хозяина: избу ставить, поля расчищать, пашню пахать, помещика во всем слушаться, оброки ему платить, чем изоброчит, и всякое дело делать, какое он укажет.

Судебник 1497 года установил для крестьянского «отказа» знаменитый Юрьев день. «А крестьянам отказываться из волости в волость, из села в село, один срок в году, — говорилось в нем, — за неделю до Юрьева дня осеннего (26 ноября) и неделю после Юрьева дня осеннего».

Но и такого ограничения феодалам показалось мало, поэтому они устроили еще одну большую препону крестьянским переходам. «Дворы пожилые платят... за двор рубль, — установил Судебник. — А который крестьянин поживет за кем год, да пойдет прочь, и он платит четверть двора. А два года поживет да пойдет прочь и он полдвора платит. А три года поживет и пойдет прочь, и он платит три четверти двора. А четыре года поживет, и он весь двор платит». По такому закону получалось, что чем дольше живет крестьянин у какого-нибудь помещика, чем больше он построит во дворе — избу, хлев, сарай, погреб, баню, овин, — тем больше он должен хозяину! А чтоб заплатить рубль «пожилого» (так стали называть

этот новый налог), всей семье крестьянской надо было не один год трудиться, откладывая деньги к деньге. Сумма эта была по тем временам очень большая. На рубль можно было купить, например, почти сто пудов ржи или двадцать пять баранов.

Так постепенно начиналось в централизованном государстве прикрепление крестьян к земле. Лет через девяносто после введения Юрьева дня, при Иване Грозном, переходы — «отказы» были запрещены совсем. Произошло это в годы Ливонской войны и хозяйственной разрухи. Война требовала денег, а правительство никак не могло выжать их в достаточном количестве из оскудевших крестьянских хозяйств. И вот чтобы не дать крестьянам уклониться от непрестанно повышавшихся государевых платежей и собрать потребное серебро, правительство объявило о временном введении «заповедных лет». В эти годы переходы запрещались.

Когда правительство придумало отмену Юрьева дня, оно об интересах отдельных дворян не очень-то и заботилось — не до того было. Главным тогда было — собрать государственные подати с крестьян. Но дворянство скоро смекнуло, что запрет переходов дает большие выгоды. Теперь можно было увеличить оброки-поборы, не боясь того, что крестьянин уйдет из-за этого в другое владение, где будет хоть немного легче.

Так русский крестьянин стал «крепок земле», то есть оказался прикрепленным к тому наделу, который он обрабатывал, обильно поливая трудовым потом. Кому пожалует царь этот надел, тот и хозяин крестьянину.

Крестьянство не смирилось с этим произволом. Переходы после введения «заповедных» лет превратились в побег. Бежали и на дальний российский юг; именно в это время возникает там мощная историческая сила — казачество. Пройдет несколько десятилетий, и она заставит содрогнуться Российское царство. По-прежнему убегали крестьяне и в ближние волости, если удавалось договориться с новым владельцем о сносных платежах. Помещики сами часто укрывали беглых, поселяли их на своей земле. Между ними шла яростная борьба за рабочие руки, ибо земля без крестьян не приносила дохода, сколько бы ее ни было. Стихия жизни диктовала свое, несмотря на царские запреты.

Царская власть, видя, что указ о «заповедных годах» действует плохо, переходы продолжают, а побег стали массовыми, стала все жестче их пресекать. К концу XVI века появились первые законы о сыске и наказании беглых. Срок сыска был установлен сначала в пять лет. Если за этот срок владелец находил своего крестьянина где бы то ни было, то имел право, несмотря на протесты помещика, принявшего беглого, вывезти его обратно в свое поместье.

Вскоре срок сыска был увеличен до десяти лет. Боярский царь Василий Шуйский, угождая самым настырным и жадным землевладельцам, довел его до пятнадцати лет.

А Уложение 1649 года сделало сыск бессрочным. Теперь пока жив был убежавший от помещика крестьянин, его искали, а найдя, возвращали хозяину. А хозяин теперь делал что хотел! Год от года росли крестьянские платежи: деньгами, хлебом, мясом, рыбой, медом, льном — всем, что создавалось ежедневным трудом. Мало этого! Теперь заставлял помещик еще и на своем поле работать. Сначала день в неделю, потом два, а кое-где уже и три, и четыре! Ничто не сдерживало владельца: крестьянин был по закону «крепок», то есть прикреплен к земле, а значит, и к хозяину.

Не дремали и дьяки в разросшихся московских приказах. Что ни год, то новую подать придумают! То потребуют царские слуги собрать «стрелецкие деньги» — стрельцам за службу платить. Только выколотят их посланные по уездам дворяне, а уж новый указ идет — собрать «стрелецкий хлеб», стрельцам на пропитание. После каждой войны несколько лет собирали регулярно деньги «полоняничные» — для выкупа попавших в плен к противнику. А перед войной взимались деньги «пищальные» — на покупку пушек и боеприпасов. Постоянно требовали с крестьян деньги «городовые» — на строительство городов; «острожные» — на сооружение крепостей-острогов; «мостовые» — на ремонт мостов. И еще собиралось множество платежей, постоянных и разовых: деньги валовые, даточные, поворотные, ратным людям на жалованье, подьячим на отписки, отставным стрельцам на корм, бортные, лавочные, кабацкие, на приказ ствольного дела, на уголье, сенной платеж... Были даже «банные деньги», взимавшиеся с тех, кто имел хоть небольшую баньку. В разных уездах по указам разных приказов (а их развелась тьма тьмущая!) собирали то «немецкий хлебный запас», а то «сибирский хлебный запас», мучали крестьянские хозяйства «подводной повинностью», бесконечно заставляя перевозить на своих лошадях и подводах различные грузы.

Отбиралось у крестьян уже не только то, что называется прибавочным продуктом, создававшимся упорной работой на полях, но и те материальные средства, которые были совершенно необходимы хотя бы для полуголодной жизни. Забирались семена, отложенные на посев будущего года; сено, собранное для единственной тощей лошаденки; куца овчина, припасенная на козушок подраставшему мальцу; последняя полтина, скопленная, чтоб купить плужный лемех на смену износившемуся.

Сотни и тысячи хозяйств в каждом уезде подходили — кто раньше, кто позже — к черте, за которой, уже не имея возможности

удержаться в крестьянском состоянии, то есть вести полнокровное земледельческое хозяйство, разорялись и превращались в малоимущих бобылей, становились нищими и шли кормиться «меж дворы» или продавались в холопство. В третьей четверти XVII века уже чуть не каждый четвертый взрослый мужчина-работник в стране был не крестьянином, а бобылем! Целые слободы, населенные этими полунищими людьми, возникли в каждом уездном городе, росли в крупных селах, их бедные дворики были теперь в любой деревне.

Немногим лучше, чем у крестьян, была жизнь обитателей городских посадов, которых так и называли — посадскими людьми. Это были ремесленники, мелкие торговцы, тянувшие государственное тягло, — деньгами и работой на разнообразных «городских строительствах». Платежи были нелегки, и нередко посадские, подобно крестьянам, уходили в бега. Их ловили и возвращали на место. Уложение 1649 года строго предписывало посадским: «...тем всем быти в тех городах на посаде, где кто ныне живет. А которые розвезены в уезды, в села и в деревни с посадов, и тех всех, сыскивая, свозити на посады тех городов, где кто сыскан будет».

Были среди посадских немногочисленные «лучшие» люди — заботящиеся на удачной торговле мироеды. Были люди «средние», чуть выбившиеся из бедноты. Но большинство жителей числилось в «молодших» людях, то есть были бедняками.

Высшей категорией городского населения (исключая, конечно, феодалов) были гости-купцы и состоятельные торговые люди. Их феодальная власть любила за тугой кошелек, поручала им вести свои торговые дела.

Рядом с закрепощенным крестьянством, забитым посадским людом и обнищавшими бобылями, существовала многочисленная категория еще более бесправных людей. Это были холопы. Они находились в полной, почти рабской зависимости от своих хозяев. Формально запретив «убивать холопа до смерти», Уложение 1649 года, однако, не предусматривало никаких мер наказания хозяина, если он убивал своего холопа. Вот если это сделал кто другой, то его наказывали, поскольку, убив холопа, он наносил материальный ущерб владельцу. Сбежавшего, но пойманного холопа били по закону «кнутом на козле нещадно, чтобы то смотря иным неповадно было».

Люди попадали в холопское состояние разными путями. Холопом можно было родиться — сын старинного холопа принадлежал владельцу уже от рождения, как принадлежит хозяину приплод домашних животных. Холопом можно было стать, продавшись в кабалу за взятый у господина денежный долг. Выплатить его кабальный, конечно, почти никогда не мог, и оставался рабом до смерти

господина — кончина хозяина освобождала его от кабального обязательства. Наконец, важным источником холопства был военный плен. Захваченные в многочисленных битвах пленники становились работниками-холопами на господских полях.

Чем больше вращалось в русскую жизнь крепостничество, тем невозможней становилась жизнь крестьян, холопов, бобылей. Выбора у многих уже не было: либо умирать бессловесно и без сопротивления, либо, вконец отчаявшись, бунтовать!

ЦАРСКАЯ ЖИЗНЬ

гнетенные массы крестьян, ремесленников, холопов, бобылей составляли основание пирамиды, на вершине которой стоял «помазанник божий» — царь. «До бога высоко, до царя далеко!» — говорили в народе. Однако наивная вера в царскую доброту еще жила в людях. Многим казалось, что царь не знает о тяжелой доле простого человека, что злые бояре и дворяне скрывают от него правду.

Вера в непогрешимость царя, его доброту и любовь к подданным искусно поддерживалась царским окружением и церковью. Жизнь царя от рождения до смерти была заполнена сложными церемониями, смысл которых сводился к тому, чтобы убедить всех в ее неземной высоте и святости, затмить глаза пышностью, а умы — мыслями о божественном происхождении царской власти.

Пышные празднества и церемонии сопровождали уже само появление царевича на свет. Как только рождался в царской семье мальчик, царь посылал гонцов к патриарху, и тот тут же учинял торжественный молебен. Затем молебны, сопровождавшиеся щедрой раздачей милостыни, шли по всем церквам и монастырям. Царь тем временем устраивал для высшей знати обильный «родильный стол». Стрельцов и служилую дворянскую мелкоту опаивали вином из царских подвалов. Да в этот же день царские стольники, стряпчие и доверенные дворяне отправлялись во все города с известием о рождении царевича. Там по их прибытии тоже устраивались молебны и богатые обеды, а принесший радостную весть посланник одарялся щедрыми подношениями. Приехав в Москву, он подробно рассказывал дьякам, чем его одарили, и не дай бог, если дары в каком-нибудь городе были скудны. Об этом докладывалось царю и тот «бывал гневен» — воеводу, наместника сразу смещали.

Через несколько дней после рождения совершались пышные крестины царевича, вновь сопровождавшиеся богатым пиром, на

который все являлись с дарами для новорожденного. В эти дни в царском дворе выставлялось ежедневно по сто—двести ведер вина да тысяча ведер пива и меда. Пить мог всякий, кого туда допускали, запрещалось только уносить питье с царского двора домой.

Еще пышней бывала царская свадьба. Если праздник по случаю рождения царевича тянулся недели две, то свадебные торжества со всеми приготовлениями и того дольше. У большинства знатных бояр и боярынь были во время многочисленных свадебных церемоний свои строго определенные роли: посаженные отец и мать, бояре-«поезжане», сопровождавшие молодых на венчанье; дружки и подружья, свахи, дружковы жены, свечник, державший свечу, когда наряжали-«укручивали» царевну-невесту; коровайники, носившие в церковь хлеба на обитых бархатом носилках; конюшие, «сидячие» бояре, сидевшие на свадьбе за почетными ближними столами, и множество других более мелких свадебных служителей.

В вечер перед днем свадьбы царь устраивал стол для бояр и родителей жены. На другой день утром царь шел в соборную церковь на молебен, получал там благословение патриарха, потом навещал Архангельский собор, где кланялся и «учинял прощение» у гробов своих предков.

К этому дню уже была готова палата для свадебного пира. Ее обивали вишневым бархатом, устилали персидскими и турецкими коврами. Но на столах и для царя и для раздетых в лучшие свои золотые одежды гостей ставили пока только хлеб с солью. Когда собирались и рассаживались все приглашенные, занимала свое место невеста, то, сотворив еще одну молитву, во главе большой процессии, возглавляемой ближним царским попом, появлялся в палате царь. Войдя, он кланялся развешанным здесь иконам.

После благословения новобрачных все усаживались за столы и начинали пробовать приготовленные хлеба, но наесться не спешили. А царь-жених вообще ничего не ел, с его стола отрезанные от хлебов куски передавались на другие столы; получить такой — считалось большой честью.

Затем здесь же за столом происходил сложный обряд «укручивания» косы у невесты. В это же время от имени царевны гостям подносились подарки — расшитые золотом и серебром полотенца-ширинки.

Затем процессия шла в собор — на торжественное венчанье, а оттуда под всеобщий колокольный звон и молодые, и все гости шли в царские палаты. Здесь рассаживались строго по чинам, где кому укажут, и начинался главный пир. Ели и пили до тех пор, пока не приносили третью еду — запеченных лебедей. В это время молодых провожали в опочивальню, а гости продолжали веселиться

На другой день с утра царь по обычаю шел в баню-мыльню, а затем, раздевшись, шествовал к патриарху, а потом по всем церквам, в каждой совершался молебен и раздавались дары.

В обеденное время вновь устраивалось пиршество на царском дворе. Его именовали «княжьим». Здесь гости подносили подарки молодым. Царю — бархаты, атласы, соболиные связки, серебряные кубки; царице — тоже куски дорогой материи, серебряные сосуды, перстни с драгоценными камнями и другие украшения.

На третий день вновь устраивался стол — уже от имени царицы, он именовался «княгининым», — тот же пышный обед, снова горы дорогих подарков.

Все дни во дворе и по сеням большого царского дворца играли оркестры: дудели трубки, пели свирели, били литавры. Целые ночи во дворе «для светлости» жгли огромные костры.

На четвертый день царь устраивал обед для патриарха и высших церковных чинов. На пятый, шестой, седьмой дни устраивались столы для стольников, для стряпчих, для дворян московских. Все являлись с подарками, никто не хотел ударить в грязь лицом, пыжился изо всех сил, чтоб заметили.

На второй неделе царь и царица по окрестным ездили монастырям, деньги раздавали, принимали монашеские благословения.

По всем городам рассылались грамоты, чтобы всюду радовался народ. Из тюрем по царскому указу освобождали на волю почти всех, «кроме самых великих убийственных дел».

А в конце долгих празднеств царь «по всей его царской радости» раздавал высокие чины, должности и вотчины многочисленным родственникам жены — «чтоб они теми вотчинами и воеводствами и приказным сидением побогатели».

А уж как пышны были царские похороны! Когда случалось такое, первым делом посылали к патриарху и к боярам. Патриарх указывал звонить в большой колокол — его редкие тоскливые удары возвещали жителям столицы о несчастье. Патриарх шел в церковь и служил по усопшему великий канон. Одетые в черное бояре и думные дьяки и все ближние к царю люди шли прощаться с телом. Лишь после этого покойника одевали в царские одеяния и корону и клали в обитый вишневым бархатом гроб. Шесть недель стоял гроб в царской церкви, и шесть недель попы день и ночь читали псалтырь и молились. По всем городам шло поминовение царя.

На третий день после смерти в царском дворце устраивали поминальный стол, где подавали лишь одно блюдо — пшеничную кашу-кутью с сахаром и ягодами.

Хоронили царей в кремлевском Архангельском соборе. В день похорон съезжались в Москву церковные чины, воеводы и дворяне

из многих городов. Похороны устраивались поздним вечером, ближе к ночи. Тысячи и тысячи бесплатно розданных дорогих восковых свечей горели в толпе. Впереди похоронной процессии шли попы, дьяки, певчие — пели церковные каноны. Следом несколько священников несли гроб, за которым шли одетые в черное патриарх, бояре, царевичи, потом царицы, царевны и боярыни, а следом толпы дворян — все «рыдающе и плачущу».

Гроб вносили в собор, а следом входили туда лишь высшие церковные чины, царская семья и боярство. После отпевания гроб опускали в могилу, вырытую здесь же в соборе, и закапывали.

Но на этом церемонии не кончались. Патриарх святил специально приготовленную кашу-кутью. Окурив ее ладаном, он сам съедал три ложки, а потом подносил по ложке всем присутствующим. Лишь после этого участники похоронной церемонии расходились по домам.

По всей Москве раздавались из царской казны поминальные деньги. Патриарх получал 100 рублей, митрополиты по 80, архиепископы по 70, архимандриты по 50, а церковная мелкота по одному, два, три рубля. Деньги щедро раздавали по монастырям, богадельням — все на помин царской души. Раздачи шли и в других городах — здесь они были в два-три раза скромнее московских. По оценкам приказных дьяков на царские похороны уходил годовой доход казны — многие десятки тысяч рублей серебром.

В день похорон пустели московские тюрьмы — всех освобождали без наказания. Вырвавшаяся на волю разбойная братия устраивала царю свои «поминки». «Горе тогда людям, будущим при этом погребении, — писал один из московских наблюдательных жителей в середине XVII века, — потому что погребение бывает в ночи, а народу бывает многое множество, и московских и приезжих из городов и из уездов. А московских людей натура не богобоязливая — мужеска пола и женского по улицам грабят платье и убивают до смерти. И сыщется в те дни, как бывает царю погребение, мертвых людей убитых и зарезанных больше 100 человек».

Имя усопшего царя заносили в церковные и монастырские поминальники для вечного поминания по субботним дням.

Роскошь дворца росла год от года. Кладовые ломились от тяжелых роскошных нарядов, палаты полны были золотой и серебряной утвари, заморских диковин, дорогого оружия. Каретные сараи не вмещали колесных и санных экипажей. Несколько тронов были расставлены по залам дворца. Один был целиком из слоновой кости, он появился еще при Иване Грозном. Другой, подарок турецкого султана, был весь облеплен крупной, как речная галька, бирюзой. А в 1660 году армянские купцы поднесли Алексею Михайловичу за

дарованные им торговые привилегии знаменитый Алмазный трон, хранящийся ныне, как и другие, в Оружейной палате. Девятьсот алмазов украшали царское сиденье. «Каменьев драгоценных, что звезд на небе!» — восхищенно говорили о нем те, кто видел диковинное сокровище.

ДВОРЯНСКИЙ КРУГ

рядом с царем всегда была высшая знать — бояре, назначавшиеся царем из самых знатных княжеских родов — Черкасских, Воротынских, Трубецких, Голицыных, Хованских и прочих.

Вторым по значению после боярского был чин окольничего. Название его происходило от слова «околь», «около», то есть они тоже стояли по своему положению около царя. Круг семейств, представители которых из поколения в поколение занимали чины окольничих, тоже был невелик — пятнадцать—двадцать родовитых фамилий. Но подчас попадали в окольничие и выходцы менее знатных фамилий, если им удавалось отличиться на царской службе.

И бояре, и окольничие входили в Боярскую думу — постоянно действующий совет знати, решавший важнейшие государственные дела. Кроме того, в нее входили несколько думных дворян и влиятельных думных дьяков, которые вели делопроизводство. Боярская дума заседала чуть не каждый день, решая государственные дела — внутренние и внешние. Все ее постановления начинались словами «Царь указал, а бояре приговорили».

Собираясь, думные люди рассаживались строго по чинам и родовитости — «бояре под боярами, кто кого породой ниже, окольничьи под боярами, под окольничьими — думные дворяне, а дьяки стоят, а иным временем царь велит им сидеть». Фактически главой думы являлся боярин, занимавший чин царского конюшего, который по обычаю смотрел за царскою конюшней. Соповещения шли подолгу — высказаться мог всякий чин. Однако многие бояре сидели молча. «Брады свои уставя, ничего не отвечают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе и многие из них грамоте не ученые». Для решения особо значительных дел, принятия общих законов созывались время от времени Земские соборы, в которых участвовали дворяне всех городов, богатое купечество и верхушка посадских людей — городские власти столицы и крупнейших городов.

Со временем Боярской думе все сложнее и сложнее было охватывать многообразие жизни и управлять большой страной. Поэтому в XVI и XVII веках усилилась власть и влияние приказов — специальных учреждений, руководивших военными, земельными, финансовыми, иностранными и прочими делами.

Приказы возникли в начале XVI века, и постепенно сеть их стала очень обширной и густой. Многие из них возникли стихийно, под воздействием вдруг появившихся потребностей. Границы их деятельности часто пересекались, тогда возникала путаница и противоречия.

К середине XVII века существовали уже около восьмидесяти приказов: Поместный, Разрядный, Посольский, Разбойный, Ямской, Холопий, Монастырский, Печатный, Стрелецкий, Пушкарский, Казачий, Бронный, Ствольный, Аптекарский, Сибирский, Казанский; каменных дел, сыскных дел, полковых дел, денежных сборов, золотых и серебряных дел — всех не перечесать. При царе Алексее, большом любителе охотничьих потех, появились даже специальные Соколиный и Ловчий приказы. Кроме того, чтоб избавиться от опеки и боярских глаз, Алексей создал «Приказ великого государя тайных дел». «А устроен тот приказ для того, чтоб его царская мысль и дела исполнялись по его хотению, а бояре бы и думные люди о том ни о чем не ведали». Приказ занимался то производством новейших снарядов для артиллерии, то следствиями по важным политическим делам, то царскими именьями — всем, чем государь хотел заниматься лично.

Приказная система, возникшая из-за необходимости централизовать управление, со временем стала дробить его на отдельные все более мелкие части. Дела запутывались, решались по-разному или не решались вообще. В середине XVII столетия пышным цветом расцвела печально знаменитая московская волокита, в приказах развелось взяточничество, подкупы, казнокрадство. Никакие строгие меры делу не помогали, поэтому в конце концов приказная система была сломана на корню. Но это произошло уже при Петре I.

Были в царском окружении люди, в обязанность которым вменялось обслуживание царской персоны. Вместе с царем в его спальне, меняясь посуточно, ночевали спальники — по четыре человека каждую ночь. Обычно это была молодежь знатных родов. Место спальника было почетным, оно часто открывало путь к получению боярского или окольного чина. Особо выделялся в этой группе постельничий, которому поручалось «ведать» царскую постель и, кроме того, хранить «для скорых и тайных дел» царскую печать. Чин постельничего приравнивался к окольному.

Важным был и другой придворный чин — стольника. Стольники прислуживали особо почетным гостям на пирах — разносили яства. А самому царю подавал еду и питье кравчий. Бывало стольников до пятисот человек. Служба их была разнообразной — их включали в посольства, посылали на воеводства, поручали ведение сыскных дел.

Несколько ниже стольников стояли на феодальной лестнице стряпчие. Их почетной обязанностью было носить или держать во время служб царские регалии: скипетр, шапку, державу. В походах они возили кто царский панцирь, кто саблю, кто лук со стрелами. Их было еще больше, чем стольников. Как и те, они не сидели без дела, им поручались разные службы, но меньше по значению, чем стольникам.

Кроме этого на царском дворе постоянно жили, сменяя друг друга, несколько десятков жильцов — «для походу и для всякого дела». С этого чина обычно начиналась служба при царском дворе.

Активно привлекались для исполнения разных служб и рядовые дворяне, особенно московские. Всякий из них старался выслужиться и получить в награду вотчину, прибавку к денежному жалованью или теплое местечко в приказе.

А получая какую-нибудь царскую службу или назначение, каждый дворянин сразу бежал узнавать — а кто еще с ним вместе к этой службе назначен? И если вдруг обнаружилось, что его «товарищем» оказывался менее родовитый человек, то ни за что не соглашался с ним ехать. Тут же составлял челобитье к царю. В нем обидевшийся описывал, где и когда его отец, деды и прадеды служили «выше» предков феодала, назначенного ему ныне в «товарищи», и просил царя, чтобы он велел сыскать и «по сыску в бесчестьи указ учинить». По этим челобитьям дьяки Посольского и Разрядного приказов поднимали книги старых служб и выясняли, кто кого «породою и честью выше». Получив от них сведения, царь давал указ — «кому с кем быти по службе мочно».

А если кто и после «сыска» упорствовал и доказывал, что он «породою выше», царь часто приказывал отослать его «головою» к тому боярину, стольнику или окольничему, которого он «бесчестил» своим отказом от совместной службы.

Взяв спесивого упрямца за руки, пешком вели его по городу в усадьбу к тому, с кем он «быти не хотел». Приведя во двор, ставили на нижнем крыльце и посылали за хозяином. Когда тот выходил, присланный царем дьяк торжественно объявлял: «Великий государь указал и бояре приговорили — того, кто с тобою быти не хотел, за твое боярское бесчестье, привести к тебе и выдать головою!» Формально считалось, что обиженный может теперь сделать с обид-

чиком что угодно. Но хозяин по заведенному правилу только благодарил горячо царя «за милость», а обидчика отпускал со двора, пальцем не тронув, даже если тот кричал по-прежнему и «лаял бранными словесами». Эта процедура принудительного привода к обиженному считалась наказанием и позором для обидчика. Тех же, кто его приводил, хозяин щедро одаривал.

Такие тяжбы дворян назывались местничеством, с их помощью решалось, кому какое место занимать в феодальной пирамиде.

Основным принципом, на котором строилась эта пирамида, была родовитость. Самыми знатными на Руси считались те, кто принадлежал к царскому роду Рюриковичей. В нем были ветви, представители которых формально могли считаться более родовитыми, чем, например, сам царь Иван Грозный. Его род шел от легендарного прародителя Рюрика, через несколько поколений приходил к Александру Невскому, а еще через несколько «колен» — к самому Грозному. А княжеский род Шуйских, например, вел род тоже от Рюрика, но в числе их прямых предков стоял старший брат Александра Невского, что считалось более почетным.

Родовитость являлась основой, но на нее накладывалась запутанная сеть должностей и назначений, когда-либо получавшихся представителями той или иной фамилии. Реальная политическая и особенно военная жизнь сильно запутывала родословную сеть. Какой-нибудь «худородный» феодал, отличившись в сражении, при осаде, в посольстве, а то и просто понравившись царю на пиру или на охоте, мог возвыситься и претендовать на более высокие служебные места. Феодалы, недовольные этим, не упускали случая потягаться с ним насчет «мест», засыпали царя челобитьями. Вопросы часто становились неразрешимыми, поскольку речь шла о соотношении многих фамилий. Одни оказывались выше других по «породе», другие — «по чести».

Распри возникали не только по службе, но и по любым более мелким поводам. Кому сидеть на царском пиру ближе к царю, а кому дальше? И здесь тоже затевались местнические тяжбы. Не желая сидеть «ниже», чем они считали возможным, феодалы прикидывались больными или отпрашивались у царя «куды к кому в гости». Правда, если становилось известно, что кто-то просится в гости «на обманство» или притворяется больным, царь приказывал хитрецу быть на пиру и сидеть где указано. Если дворянин и тут отказывался, его приводили и сажали силой. Часто бывало, что обиженный таким обращением начинал выбиваться из-за стола, скандалил и кричал: «Хотя де царь ему велит голову отсечь, а ему под тем не сидеть!» А то залпзал под стол. Такие истории обычно кончались тем, что скандалиста сажали на некоторое время в тюрьму.

Со временем местнические споры становились все сложнее и путаней. Цепочки доказательств, состоявшие из многих случаев службы предков челобитчика, разобрать подчас становилось почти невозможно. «Князь Александра Кашин, — доказывал, например, один из челобитчиков, — был меньше отца моего, а князю Костентину Курлетеву был дядя, а со князем Костентином Курлетевым ровен был князь Иван Лугвица Прозоровский, а брат его меньшей князь Федор Прозоровский бывал ровен со князем Иваном Троекуровым...» — и так далее в том же духе. Соперник отвечал ему такой же длинной цепочкой. Споры разбирали назначенные к тому бояре, а иногда и сам царь.

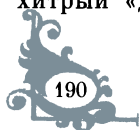
Местничество долгое время было одним из главных принципов, с помощью которого организовывался и действовал в Русском феодальном государстве аппарат управления — политического, военного, административного, внешнеполитического. Но постепенно, по мере того как господствующий класс становился все более однородным и сплоченным, местнические тяжбы стали мешать централизованному государству. И в 1682 году «богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество» отменили. Разрядные книги, в которых записано было, кто с кем и когда служил, были торжественно вынесены из приказов, свалены в кучу и принародно сожжены. Отныне установили: на всякой службе дворянам «быти меж себя без мест».

СТИХИЯ ВОССТАНИЙ

Род шел за годом, понемногу тек XVII век. Жизнь простого люда не только не улучшалась, но, напротив, становилась тяжелее. Подать шла за податью, и к середине XVII века ни один крестьянин на необъятной Руси, сколько бы он ни работал, заплатить их не мог. Весь простой народ был должен казне — кто больше, кто меньше. Царские сборщики нещадно выколачивали недоимки, словно не понимая, что нельзя выколоти́ть из крестьянина того, чего у него и в помине не было.

15-летний царь Алексей Михайлович, занявший трон после смерти царя Михаила в 1646 году, разумеется, не представлял, как свести концы с концами в сложных финансовых делах. Он во всем полагался на советчиков. В народе говорили, что «царь глядит все изо рта у бояр, они всем владеют!». Власть оказалась в руках кучки бояр и дьяков,правлявших делами приказов. Во главе их стал хитрый «дядька»-воспитатель Алексея боярин Морозов.

Размышляя над тем, как выколотить деньги из подданных, Морозов скоро понял, что недоимок с крестьян не взыскать, сколько ни бить их кнутами за недоплаты. Серебро из оскудевших волостей текло в казну тонким ручейком, но Морозов ни на час не сомневался в том, что крестьяне и посадские люди упорно обманывают казну. Деньги, рассуждал он, в народе, конечно, есть, просто отдавать не хотят. Надо придумать какой-нибудь особый способ и все-таки выжать их!

И вот в начале 1646 года в голову Морозову пришла прекрасная, как ему казалось, идея. Возможно, он придумал ее за одним из пышных и жирных обедов, когда обильно солил пойманный в густых щах кусок доброго мяса. А ведь без этого простого продукта — соли — не может жить, сообразил боярин, ни один человек — ни взрослый, ни ребенок. А что, если обложить продажу соли большим налогом в пользу казны? Всякий человек будет вынужден платить за нее втридорога, но покупать-то будет — и денежки долгождан-ные потекут в казну! Можно закопать скопленные копейки в землю, можно спрятать зерно в тайном лесном хранилище, но спрятаться от необходимой жизненной потребности человеку не по силам!

Идея показалась Морозову великолепной. Быстро был сочинен и 7 февраля 1646 года утвержден специальный указ. Отныне соль облагалась налогом в две гривны с пуда. Прикинув доходы, которые вот-вот должны были хлынуть в казну, Морозов даже распорядился отменить два самых тяжелых прежних налога — «ямские» и «стрелецкие» деньги.

Потирая руки, ходил «дядька»-правитель по дворцу, рисовал недалекому царю-юноше золотые да серебряные горы. Однако результат из морозовских задумок вышел самый неожиданный. Люди оказались не в состоянии покупать соль! Ее потребление резко — в десятки раз! — упало. Соли не стало не только на крестьянском столе. Рыбные артели на многочисленных промыслах тоже не могли теперь приобрести ее, чтоб засолить добычу, горы ценного продукта гнили на берегах рек, озер и морей. Сразу неспокойно стало во многих городах. Черный люд открыто хулил царских советчиков за изуверскую выдумку.

Серебряный поток не хлынул в казну. Более того, поскольку два налога отменили, денег в нее стало поступать даже меньше, чем прежде.

Без малого два года упорствовал Морозов в своей затее — думал пересилить народ и заставить его покупать ставшую драгоценной соль. Но не заставил, потому что денег у крестьян и посадских попросту не было.

Провал боярской затеи, вызвавший заметное озлобление низов, заставил правительство в декабре 1647 года отменить соляной налог. Но поскольку к этому времени в царской казне остались только мыши, решено было взыскать ямские и стрелецкие деньги за 1646, 1647 и 1648 год одновременно! Предстоял сбор крупнейших налогов в тройном размере!

С начала нового, 1648 года царские слуги принялись их усердно выколачивать. Негодование трудового люда быстро пошло к критической точке, но Морозов и его родственники-лихоимцы, заседавшие по московским приказам, не чувствовали этого. Особенно усердствовал прославившийся самым бессовестным казнокрадством глава Земского приказа Леонтий Плещеев.

Положение крестьян и горожан становилось просто отчаянным.

Особенно острым было недовольство жителей столичного посада, хорошо знавших, кто так рьяно радеет ныне о государственных делах. Безвестные заводилы призывали москвичей идти с жалобой к царю, который, как они наивно думали, не ведал о боярских злокозненных делах.

Москва являлась в это время одним из самых больших городов мира. Лишь Константинополь и Париж немного превосходили ее

по размерам. Жителей в городе насчитывалось около 200 тысяч. Половину их составляли посадские люди, пятую часть — служилые феодалы, помещики да вотчинники. Много было в Москве приказных дьяков и подьячих, иноземцев. Еще больше — холопов и разного безродного люда. У некоторых бояр жили в огромных усадьбах и по сто, и по двести, и по триста холопов. Боярин Романов владел в середине века 486 холопами, князь Черкасский — 533, боярин Морозов — 362, князь Трубецкой — 278!

Особо славилась Москва ремеслом. Всякое ремесленное дело процветало в столице — двести пятьдесят специальностей насчитала одна из переписей. Почти полторы сотни кузниц дымили в разных концах города, с раннего утра слышался в них энергичный трудовой перестук больших молотов и маленьких молотков. Много было мастеров-древоделов, кожевенников и хлебников, ювелиров и сапожников, портных и литейщиков — во всяком ремесленном искусстве и товаре нуждался большой город.

Почти каждый ремесленник был и мелким торговцем, сам продавал созданные изделия. Но и торговцев-перекупщиков хватало. Кто чуть побогаче, имел каменную лавку. Коль не было денег на каменную — строил деревянную. А мелюзга торговая торговала на московских перекрестках с лотков, скамеек, а то и прямо на земле раскидывая товар. Некоторые торговали в воротах собственных дворов, превращая их в подобие лавок. А лавок развелось на Москве невиданное число — на московском рынке их лепилось друг к дружке почти 4 тысячи! Впервые попавший сюда человек поражался и обилию товаров, и огромному числу зазывал-продавцов, каждый из которых нахваливал свое.

Баловались «торговлишкой» многие стрельцы, а их по Москве гуляло уже 20 тысяч. В разных местах столицы располагалось двадцать стрелецких слобод-приказов. Кроме стрелецких полков в Москве был размещен еще и особый «государев полк» — 7 тысяч дворян служили в нем, меняясь каждые три месяца. Военная сила была главной опорой самодержца и боярской верхушки. Чтобы обучать солдат, внедрять разные военные новинки, царь все чаще приглашал на русскую службу офицеров-иностранцев. Но еще больше, чем офицеров, было на Москве иностранных купцов — «аглицких, галанских и иных немецких государств гостей торговых». Они торговали на Руси беспощинно, имели большие капиталы, действовали на рынках сплоченно, безжалостно разоряя конкурентов. Большинство русских торговцев попадали к ним в зависимость, становились должниками, закладывали и лавки, и товары.

Каждый день открывали двери четыреста московских церквей. По большим праздникам звонили в городе тысячи и тысячи

колоколов. Попов и всяких церковных причетников жили в Москве многие тысячи. У церквей по обычаю постоянно толпились, надеясь на подавание, нищие, калеки, юродивые.

Боярские каменные хоромы соседствовали на московских улицах с крепкими дворами приказных дьяков. Богатые дома иноземных и российских купцов чванливо теснили скромные «хоромишки» торговой и ремесленной мелочи. По задворкам богатых усадеб прятались набитые холопами «избы плоские людские», крытые, подобно сараям, плоскими крышами. На окраинах многочисленных московских слобод ютились кельи нищих, полуземлянки и землянки бродяг, наймитов — разного обездоленного люда.

Многолюдной и многоликой была Москва. Роскошь и довольство жили в ней бок о бок с голодом и болезнями. Глумливый произвол феодалов жил рядом с холопьем рабством. Глухой народный гнев давно бродил в недрах столицы. Пришло время, и он выплеснулся на улицы.

1 июня 1648 года, когда царь возвращался из Троице-Сергиевого монастыря, у въезда в город его встретила огромная толпа. Впереди посадских стояли выборные с челобитной грамотой. Они пытались вручить ее Алексею, но напуганный венценосный юнец приказал разогнать толпу, что и бросился исполнять сопровождавший царя отряд охранников.

2 июня был большой церковный праздник. В Кремле шел крестный ход, и набожный царь следовал в процессии. А у кремлевских стен снова волновался народ, требовал допустить к государю. Усиленная охрана не пускала толпу в Кремль. Но скоро она была смята, и восставшие ворвались в Кремль. Народ требовал выдачи Морозова и его ненавистных всякому родственников Плещеева и Траханиотова. Царь и бояре попрятались по дворцам.

К середине дня на улицах Москвы восстание разгорелось уже в полную силу. Слетали с железных петель дубовые ворота боярских усадеб, трещали двери хором, а кое-где уже плясали красные языки пожаров. В ночь на 3 июня город горел уже во многих местах, пожар скоро принял грандиозные размеры. Вместе с ним бушевала стихия Соляного бунта. Морозов бежал. Парализованная боярская верхушка, пытаясь сбить волну гнева, решила выдать на расправу Плещеева и Траханиотова. Царь послал их на Лобное место — объясняться с народом. Объяснение вышло коротким: оба царских сатрапа были убиты восставшими.

Тем временем царь сообразил наконец, что делать. Последние деньги из казны он приказал раздать стрельцам. Возликовавшее царское воинство принялось рьяно «утишать» восставших. Через несколько дней вихрь восстания угас.

10 июня царь созвал совещание бояр и дворян. Напуганные феодалы требовали созыва Земского собора, для того чтоб сообща придумать меры для обуздания волнующегося народа. Собор открылся в Москве примерно через месяц. На нем решено было составить новый свод строгих законов — Уложение. Оно стало последним шагом в оформлении бесчеловечного крепостничества.

Начавшемуся Соляным бунтом царствованию Алексея суждено было стать самой неспокойной частью бунташного века. В 1650 году волна народных выступлений захлестнула южные, «украинные», как их называли, города — Козлов, Воронеж, Елец, Волхов, Чугуев. Следом заволановался Русский Север — Чердынь, Соликамск, Нарым. Зимой 1650 года поднялись Псков и Новгород. Почти полгода боролись восставшие с царскими войсками и местными лихоями.

Двадцать одно восстание случилось за два с небольшим года! Словно океанская зыбь ходили они по громадной стране, — затухая в одном месте, поднимались в другом.

Времена были трудные. После присоединения Украины началась тяжелая война с Польшей. Снова и снова требовалось казне серебро. Да и на разные царские надобности нужно было его немало. Одна охотничья потеха, до которой Алексей был большой охотник, обходилась казне в огромную сумму — сотни сокольников и псарей, конюхов и охотников содержались для нее. Хозяйство это было столь сложным, что им управляли два специальных приказа — Сокольников и Ловчий.

День и ночь ломали головы царские дьяки — как поправить дела? В начале 50-х годов придумали: стали чеканить медную монету, объявив царским указом, что она равна серебряной. Впервые появилась денежная медь на Руси. Доверия к новым деньгам не было — все привыкли к полновесному серебру, среди которого, правда, ходила масса фальшивой монеты. Недоверие к медным деньгам укреплялось в народе еще и из-за всяких царских хитростей. Чеканили ее миллионами рублей в год, но все налоги при этом собирали только серебром. Помещики в оброк медную монету тоже не брали. Купцы и менялы ценили ее против серебряной в десять—пятнадцать раз дешевле. Скоро даже стрельцы отказались брать жалованье медными деньгами.

К началу 60-х годов медные деньги совсем обесценились и страна оказалась на грани финансового хаоса. Товары вздорожали, цены вздулись и запутались. И крестьянин, и посадский человек, и мелкий лавочник, и богатый купец серебро приберегали, прятали подальше. А кто и в землю закапывал — кладов XVII века немало находят в нашей земле и до сих пор.

Из-за всех этих царских хитростей денег в казне стало даже меньше, чем прежде. Правительство, столкнувшись с этим, пошло привычным путем — ввело несколько новых срочных налогов и принялось выколачивать недоимки с удвоенной против прежнего нещадностью.

Взволновался московский люд.

Летом 1662 года сотрясло столицу новое восстание — Медный бунт.

В ночь на 25 июля были расклеены по Москве «воровские» письма-листы. В них говорилось о великой измене бояр и других влиятельных деятелей, которые казну государеву «отпускают» к королю польскому, да и Москву продали полякам и татарам. Были в «листах» даже списки изменников — в них попали бояре Милославские, окольничий Хитрово, дьяк Приказа тайных дел Башмаков, гости-купцы Шорин и Задорин.

Утром заполнивший московские улицы народ пришел в волнение. Зачинщики восстания уже не прятались, а читали свои воззвания по многим местам, в том числе и на Красной площади. «Были в том смятении, — писал позднее бежавший из России дворянин Григорий Котошихин, — люди торговые, и их дети, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди...» Но наиболее активно выступили солдаты одного из размещенных в Москве полков.

Царь в это время находился в Коломенском. Туда и устремились толпы восставших да присоединившиеся к ним полтысячи ратных людей. Часам к десяти огромная толпа прихлынула к царской резиденции в Коломенском.

Алексей и не подозревал о том, что творится в столице. Большое царское семейство — 14 человек — собиралось праздновать именины царской сестры, а с утра набожно выстаивало службу в церкви. Напугавшись до крайности прихода толпы, царь выслал к восставшим нескольких бояр. Наказал им крепко-накрепко все челобитья, какие будут, взять и уговорить толпу идти «тихим обычаем» обратно в Москву. Обещать, что царь, мол, скоро туда приедет и все решит: виновных накажет, правых пожалует и вознаградит.

Уговорить народ удалось не сразу. Лишь когда восставшие, отказав боярам, сами поднесли царю челобитье, толпа двинулась обратно в столицу.

А Москва кипела! Дворы изменников были разнесены по щепочкам, сами лиходеи попрятались кто куда. Дальше решили идти в Коломенское, на помощь первой партии. Около 5 тысяч восставших разными улицами через ворота Земляного города двинулись к загородной резиденции.

Где-то на полпути отряды встретились. После короткого буйного совещания все снова двинулись к царю. Подступив к дворцу, восставшие потребовали выдать изменников-бояр. Наступил критический момент. Еще немного — и не миновать бы царскому дворцу разгрома! Но оказалось, что перепуганное царское окружение не теряло времени даром. К Коломенскому уже было стянуто около 8 тысяч дворян и стрельцов. По сигналу царя, который закричал, повелев побивать восставших, началось их жестокое избиение — сначала у дворца, потом в окрестностях Коломенского, а потом и на всех ведущих к нему дорогах.

Царь-крепостник подавил восстание с немилосердной быстротой. «Заводчиков» бунта выявили и казнили, солдат разослали по дальним крепостям. Правда, выпуск медных денег пришлось правительству прекратить.

Скоротечное восстание закончилось, но борьба народных масс против крепостничества продолжалась. Очередной грозный вал ее — крестьянская война — был не за горами. Не прошло и десяти лет, как вновь задрожала российская земля, поднялся на борьбу Степан Тимофеевич Разин.

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ

ерно служила феодалам православная церковь, от рождения до смерти заполняя жизнь человека дурманом религиозных верований и обрядов. Она учила покорности, вдалбливала мысли о божественном происхождении царской власти, о беспрекословном повиновении богу и царю, и помещикам. За это терпеливым обещалась райская жизнь в загробном мире, земная же считалась несправедливой и греховной.

Тонкий яд религии пропитывал все поры средневековой жизни. Все неугодное власти и церкви объявлялось пристрастием от дьявола-антихриста, подвергалось нещадным гонениям. Неправедным объявлялось все, что было неугодно феодалам или просто исходило не от церкви: игры, народная музыка, молодежные забавы. «Горе тем, — грозили священники, — кто ждет вечера с его музыкой — гуслими, флейтами, тамбуринами, тем, кто делает вид, что не знает, какой вред приносят гусли, игры, танцы и пение».

Тысячи и тысячи попов по всей Руси денно и ночью вершили церковные службы и церемонии: крестины, венчания, отпевания, поминовения, пышные церковные празднества, не забывая при этом обирать прихожан по любому поводу. Но церковными сборами

церковь не удовлетворялась. Вышние сановники церкви — архиепие, митрополиты и сам патриарх — сосредоточили в своих руках огромные земельные богатства, на них работали десятки тысяч крестьян. А уж об алчности монастырей ходили легенды. Крестьяне называли церковников-угнетателей «волками несатыми», обиравшими подчас круче, чем царь и помещики.

Отталкивало от церкви и поведение многих попов. «Попы и церковные причетники в церквах всегда пьяны и без страха стоят и бранятся, и всякие речи непотребные всегда исходят из уст их, попы же в церквах бьются и дерутся промеж себя».

Среди крестьян продолжали сохраняться многие древние обычаи. Это не нравилось церковникам и царю Алексею, который отличался большой набожностью. Он часто издавал указы, запрещавшие даже самые невинные развлечения. «Государю стало ведомо, — строго писалось в одном из таких указов, — что умножилось в людях всякое бесованское действие. Многие увлекаются скоморохами и, сходясь на позорища, слушают их богомерзкие скверные песни и игры! Иные чародеев и волхвов приглашают для бесовского волхования! Медведей водят и с собачками пляшут, и зернью, и карты, и шахматы, и ладыгами-костями играют! И чинят бесчинные скакания и плясания и поют бесовские песни!»

Впрочем, всяких колдунов и юродивых сам царь и церковники тоже часто привлекали. Патриарх Никон приглашал к себе юродивых — сумасшедших, в которых, как верили многие, вселялось какое-нибудь божество. Особенно часто зазывал он к себе бродившего нагим по московским улицам юродивого Киприяна. Сажал его обедать — еду подавал только на серебре, благоговейно угощал «божьего человека» из своих рук, а объедки доедал сам.

Нараставший крепостной гнет неизбежно порождал все новые обострения классовой борьбы.

Середина XVII века ознаменовалась яростными городскими восстаниями в Москве и других городах. Сложные социальные и идейные брожения, происходившие в разных слоях русского общества, в конце концов коснулись и церкви — при патриархе Никоне произошел церковный раскол. В нем, как в кривом зеркале, отразилось глубинное недовольство и протест угнетенных против нараставшего феодального произвола.

Первые ростки раскола появились задолго до Никона, ставшего патриархом в 1652 году. По дремучим лесам в разных местах необъятной страны хоронились «лесные старцы», отрицавшие многие догматы веры, особенно церковные богатства и монахов-сребролюбцев, презиравшие пьяниц-попов. Своим аскетизмом они поражали даже черных монахов-пустынников. Особенно прославился

на этой стезе обитавший в Поволжье старец Капитон. «Воздержан в посте, — говорили о нем, — вериги на себе носит каменные, плита сзади, а другая спереди, по полтора пуда в обеих. И всего весу три пуда! Петля ему была поясом, а крюк в потолке, и обе железны — то ему постеля: прицепил крюк в петлю и повис спать...»

Церковники не раз укоряли и судили Капитона, засылали его в монастыри, но он раз за разом убегал, бродил по деревням, где прибивались к нему ученики и последователи.

Так прорастали в уродливых формах семена социального протеста против крепостничества и самодержавия. В середине века все эти движения были подхлестнуты церковной реформой патриарха Никона. Возвысившись, грубый и гордый патриарх стал открыто говорить о превосходстве церковной власти над царской. «Священство боле есть царства! — похвалялся он. — Священство от бога есть, от священства же цари помазуются!» Сила Никона была в том, что он долгие годы был «собинным другом» царя Алексея, и в конце концов даже присвоил себе титул «великого государя», который носил только царь. Он стал открыто вмешиваться в государственные дела, диктуя царю, с кем воевать, а с кем мириться. Он не согласился с Уложением 1649 года, в котором дворянству удалось добиться ограничения роста церковных богатств, открыто называл Уложение «проклятой книгой».

Одежды Никона, хранящиеся ныне в Оружейной палате, были богаче государевых. Не довольствуясь царскими подарками, он заказывал себе один наряд дороже другого. В 1654 году изготовили Никону широкий и длинный до пят саккос — парадное одеяние патриарха. Скроили его из итальянского бархата-аксамита. Расшили несметным числом крупного, как хороший горох, жемчуга. От ворота до подола украшали его массивные накладки из черненного золота — каждая размером с ладонь! А между ними сияли крупные, чуть не со сливу величиной, изумруды-яхонты. Тяжело было Никону облачаться и носить драгоценный наряд, ибо весил он полтора пуда — двадцать четыре килограмма!

Суть затеянной им реформы сводилась к следующему. Дело в том, что в разных местах огромной России совершали церковные службы по-разному. Отличия в службах и местных рукописных церковных книгах появились не сразу, а постепенно, в течение многих столетий, поэтому и прихожанам, и местным попам они казались естественными, точнее, их просто не замечали. А Никон решил, проявив власть патриарха, повсюду ввести единообразие. Он приказал отпечатать новые, исправленные в соответствии с греческими образцами книги. Кроме того, креститься теперь надо было

не двумя, а тремя пальцами. Отменялись земные поклоны. Никон указал — «в пояс бы вам творити поклоны». Иными становились многие службы, церковные речи и песнопения.

Новые книги были разосланы по всем церквам, и тут выяснилась непредвиденная вещь. Большинство попов были малограмотны, службы церковные они когда-то выучили на слух и всю жизнь повторяли их наизусть, только делая вид, что читают по книгам. Новые книги читать и усвоить они просто-напросто не могли! Соловецкие монахи прямо признались в своей челобитной: «Навыкли мы божественные литургии служить по старым служебникам... Мы священники и дьяконы маломочны и грамоте ненавичны, и к учению косны, а по новым учебникам на сколько ни учиться, а не навкнуть!..»

Простому люду изменения в службах казались совсем новой верой, которая была противной старой привычной вере. В этом убеждали их и многие попы. «Всех еретиков от века ереси собраны в новые книги!» — заявлял самый талантливый противник нововведений протопоп Аввакум. Он не признавал ни новых обычаев, ни новых книг, ни новых икон, где святые изображались полными и родными. «Посмотри на рожу ту и на брюхо то! — негодовал Ав-

вакум. — Как в дверь небесную вместиться хочешь? Узка бо есть!..»

В ответ на многочисленные протесты, Никон перешел в наступление. Всех недовольных реформой церкви служителей проклинали, отлучали от церкви, урезали языки и ссылали. Аввакум попал в Сибирь, где продолжал борьбу. В конце концов по царскому приказу он был сожжен в городе Пустозерске.

Реформа медленно побеждала, несмотря на то, что сам Никон, поссорившись с царем, выше которого он хотел стать, попал в опалу и был изгнан. Случилось это в 1658 году, когда приехал в Москву грузинский царевич Теймураз. Царь Алексей не пригласил Никона на торжественный прием царевича — это было неслыханное оскорбление для спесивого патриарха. Более того, сопровождавший Теймураза во дворец окольничий щелкнул палкой по голове патриаршего слугу князя Мещерского. А когда тот закричал, что служит государю великому патриарху Никону, окольничий остановился и крикнул на него: «Не дорожися патриархом!» — после чего ударил князя по лбу еще раз. Никон был взбешен и потребовал у царя немедленно наказать обидчика. Но царь и бровью не повел. Вскоре он перестал посещать собор, когда в нем служил Никон, а в послании упрекнул его, что он пишет себя в грамотах «великим государем, чем царское величие пренебрег!».

Видя такой поворот, Никон, вспомнив Ивана Грозного, решил разыграть драму отречения. После одной из служб в главном Успенском соборе, он снял с себя патриаршее облачение и заявил оробевшей толпе прихожан, что больше не будет патриархом. И скоро уехал в подмосковный монастырь.

Но никто не приехал туда просить его вернуться. Более того, когда он сам захотел сделать это, царь изгнал его из Москвы. Никона низложили и сослали в северный Ферапонтов монастырь.

А раскол жил! Отколовшееся от официальной церкви течение стали называть староверческим, так как последователи его ратовали за «истинную» старую веру. Раскол шел вширь — это происходило потому, что в сознании темного и забитого крестьянства «новая вера» связывалась с усилением крепостничества. Крестьянам казалось, что одно порождает другое. Простой люд шел за учителями раскола, покидая обжитые места, уходил за Волгу, на Север, где появились скрытые от властей и никонианской церкви скиты.

В раскол шли те, кто изверился в справедливости, кого разочаровали жестокие поражения угнетенных в городских восстаниях и великой крестьянской войне.

В раскол шли те, кто не мог терпеть каждодневных унижений и нищеты, рожденной бессовестным помещичьим грабежом, кто не мог вынести крепостнических порядков, быстро приблизившихся к настоящему рабству. Для многих протест против официальной церкви был и неосознанным протестом против несправедливого мира, который она защищала.

В раскольничьи общины стекались и те, кому не нашлось места в обществе: гулящие люди, бездомные бобыли, несчастные вдовы и дети, потерявшие кормильцев.

Раскольники пытались создать в удушающей нравственной атмосфере феодальной жизни оазис иного мира. Но все, что удавалось создать, — это фантастический бред религиозных мистерий, иллюзорный мир «старой веры», при которой якобы была на свете справедливость.

Раскол был формой протеста против крепостного гнета, но формой уродливой, на деле еще больше затемнявшей истинные причины народных бед. Не случайно он скоро стал вырождаться в изуверские секты. Тысячи раскольников подвергли себя «огненному крещению» — самосожжению. В конечном итоге религиозный фанатизм уводил народ от активной борьбы с угнетателями, ослаблял и дробил его силы.

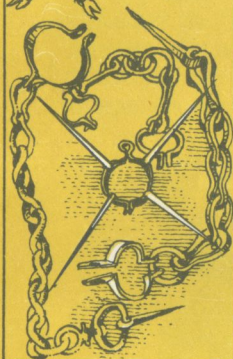

глава 9

Разинская Песня

ASTRACHAN

ОРУДИЯ
НАКАЗАНИЙ

СТЕПАН РАЗИН

СТРЕЛЕЦ

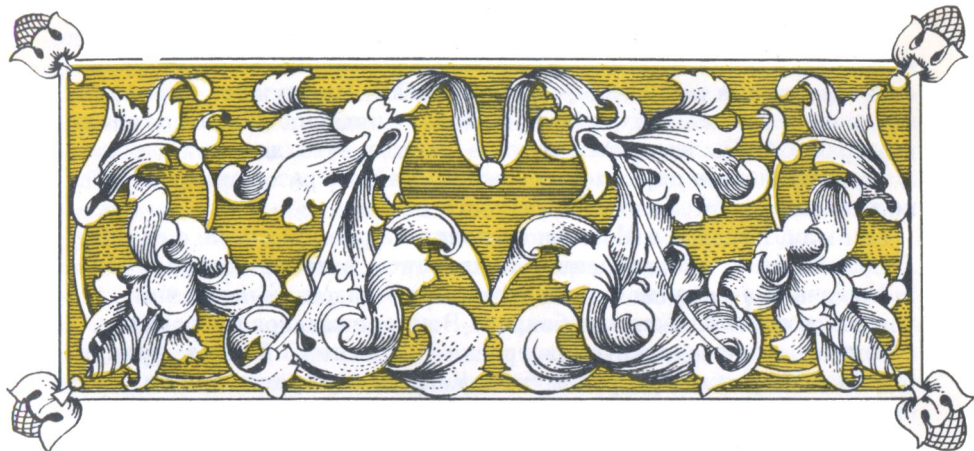

ТАТАРЫ

РАЗИНА ВЕЗУТ НА КАЗНЬ 1671 ГОД

ПЕРВЫЙ РАСКАТ

Первый дальний гром приближавшейся крестьянской войны раскатился по России в 1666 году. Весной на Дону начался «глад великий» — кончились запасы небывало скудного для донских мест прошлогоднего урожая. Хлеб остался только у домовитых богатеев, а на голытьбу донских верховьев надвинулась голодная смерть. Пухли с голоду дети, старики лежали не вставая, а многие люди и умирали.

Пытаясь одолеть нахлынувшую беду, казаки пошли не раз проверенным путем — поступать на службу, то ли к украинскому гетману, то ли к русскому царю — все равно. Они за службу и кормить будут и жалованье какое-нибудь дадут. Собирал казаков на службу опытный атаман Василий Родионович Ус, недавно вернувшийся с польской войны. Народу собралось неожиданно много. Не пятьдесят—шестьдесят человек, как бывало в прежние годы, а целых семь сотен. И все как один «голутвенные», стоявшие на краю полной нищеты, да и беглого люда среди пришедших было немало.

С началом лета двинулись в поход, и к июню примерно пятьсот конных казаков — большая сила — добрались до Воронежа. Туда же на легких стругах приплыли еще двести безлошадных охотников «на государеву службу и за государевым жалованьем».

Из Воронежа поскакала в столицу казацкая станица — летучий отряд из шести человек — с прошением к царю: прими, государь, служить!

Отряд медленно двинулся следом за посланцами, поближе к Москве, и остановился только в окрестностях Тулы. Сюда с невестелыми вестями вернулись казацкие послы. В «службе» царь отказал, повелел всем идти обратно на Дон, видно, чтоб дальше с голоду помирать. Собрали казаки круг — решать, что делать. Порешили — отправить к царю новых послов. На этот раз станицу возглавил сам Василий Ус.

9 июля, приехав в Москву, он подал второе прошение о службе. Правительство, обеспокоенное появлением в центре страны большого казацкого отряда, ответило резким отказом. Было от чего тревожиться царю Алексею да боярам! В лагере казаков вызревали явственные антифеодальные настроения. Многие из беглых, прибывших к Василию Усу, родом были как раз из воронежских и тульских мест и активно агитировали земляков присоединяться к казакам. «Подговорщики» объявились даже в самой Москве!

И главное, самое опасное, — результаты такой широкой агитации и подговоров быстро сказались. Сотни крестьян и холопов примкнули к отряду. К концу июля в отряде Василия Уса было уже больше 3 тысяч человек!

А в Москву посыпались челобитные — десять, двадцать, сто! Тульские помещики и вотчинники жаловались царю, что усовцы собрали по дороге «холопов наших и крестьян, которые от нас убежали, и иных всяких чинов людей». Московские дворяне тоже доносили царю, что казаки «принимают к себе холопов и крестьян. И с теми де людьми приезжают в поместья и вотчины, и те де их поместья разоряют, людей и крестьян подговаривают!».

Напуганный приказчик одного из больших имений под Тулой с унылым страхом сообщал, что казаки «побили государя моего скотины 10 свиней, 20 баранов...».

Местное дворянство охватила паника, не было имения, откуда бы не бежали холопы и крестьяне, десятки поместий были разорены налетами. Дворяне с семьями и имуществом устремились в Тулу, под защиту крепостных стен. «И ныне государь, — слезливо писали они оттуда в Москву, — тульские помещики и вотчинники многие, поместья и деревни покинув, прибежали в Тулу, з женами, з детьми и вдовы, бояся разоренья и насильства».

Заволновались и в московских приказах от таких сообщений. Спешно собралась Боярская дума, на заседание и сам царь явился. Посоветовавшись, бояре вынесли приговор: во-первых, казакам немедленно вернуться на Дон, а во-вторых, выдать всех беглых из своего отряда, пусть даже они сбежали два, три и пять лет назад.

Такое требование было открытым посягательством на старинный казацкий обычай — «С Дону выдачи нет!». Коль ушел кто на

Дон, то становился вольным казаком, в холопство и помещичью крепость его не возвращали.

Боярское требование не было пустой фразой. В случае неповиновения власти собирались казаков покарать. Для этого стояла наготове тысяча солдат во главе с князем Юрием Борятинским.

Вновь собрался казачий круг. Бороться с прекрасно вооруженным полком голытьба не могла. Поэтому 26 июля, отказавшись выдать беглых, отряд Уса начал организованно отходить на Дон. Зная коварство царских воевод, отступали быстро, подчас и лошадей кормили, не слезая с них, а только отпустив поводья, — все время были начеку. Разделившись на несколько частей, отряд вернулся на Дон, рассеялся. С усовцами пришли в донские края новые сотни беглых, пополнивших ряды антифеодально настроенной голытьбы.

Войсковой атаман Корнила Яковлев по настоянию Посольского приказа вызвал Василия Уса и его ближайших сподвижников в Черкасск — столицу донского казачества, стал разбираться и наказывать усовцев. На допросах Василий твердил одно: «Шли на великого государя службу, а идучи дорогою, разоренья и грабежу никому не чинили». Атаман понимал, что признаваться нельзя, — царский суд не помилует. Казацкая верхушка осудила усовцев, все, кто участвовал в походе, были лишены ежегодного жалованья.

Этот первый раскат приближавшейся грозы ничему не научил ни царя, ни бояр. На Москве сочли, что дело сделано: казаки ушли, заводчики волнений наказаны, разоренье феодальных вотчин прекратилось. Дворяне-владельцы снова принялись наперегонки с приказами, выдумывавшими все новые платежи, выжимать последние соки из оскудевших крестьянских хозяйств. До поры до времени это сходило с рук безнаказанно.

ВОЖДЬ НОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

тепан Разин был казаком во втором поколении. Отец его Тимофей Разя сошел на Дон из Воронежа в тяжелые 20-е годы XVII столетия. Он поселился в станице Зимовейской и через несколько лет, благодаря энергичной жизненной хватке, храбрости и удаче, вышел в «домовитые», зажиточные казаки. Сам войсковой атаман Корнила Яковлев стал кумом Тимофея и крестным отцом родившегося около 1630 года Тимофеева сына.

Мальчика нарекли Степаном. О жизни его в юные и молодые годы мы почти ничего не знаем. Рассказывали, что он был у отца лю-

бимым сыном, Тимофей часто ласкал его, мечтая, когда Степан подрастет, сходить с ним помолиться — через всю Россию — в Соловецкий монастырь. Среди казаков считалось, что обращение к соловецким «чудотворцам» помогало исцелять раны. А их у Тимофея имелось не мало — ни один большой поход не обходился без него, а где поход, там бои и раны.

Но мечте не суждено было сбыться. Тимофей умер около 1650 года еще сравнительно нестарым, ему не было и пятидесяти лет, — прежние раны дали себя знать и свели казака в могилу.

Степан очень любил отца. Не случайно первое документальное известие о народном герое связано с исполнением отцовского завета. 5 ноября 1652 года Степан, которому минуло двадцать с небольшим лет, просил казачий круг, собравшийся в донской столице Черкасске, отпустить его в Соловецкий монастырь, выполнить желание отца — «помолиться соловецким чудотворцам».

Казачий совет отпустил его, и Разин отправился в путь. Впервые покинул он пределы родного Дона, и чем дальше на север ехал молодой казак, тем безрадостней становились картины, виденные им. На огромных заснеженных равнинах встречались ему малые деревеньки и большие села, полные полуголодного, обобранного лиходеями народа. Нужда глядела из каждого крестьянского дома. Каждый четвертый житель страны был бобылем, то есть вконец обнищавшим человеком, который не мог уже тянуть крестьянскую лямку, — не было ни скотины, ни семян на посев. В господских усадищах трещали амбары, их распирали отсыревший хлеб, а за барскими хорами, среди скотных построек в плоских, вросших в землю избушках ютились холопы, совершенно бесправные рабы, попавшие в кабалу за одолженный когда-то у помещика мешок сорного зерна.

Посмотрел Разин и на Москву, которую не миновал по пути на север. Столица российской поразила его величием храмов, мощной торжественностью Кремля, густым колокольным звоном и множеством людей. И уже тогда запомнились Степану московские бояре, богатые и злые феодальные правители, перед санями которых падали ниц встречные. Не раз вспоминает он позднее, уже в годы восстания, этих кровопийц-сребролюбцев.

Отцовский завет был исполнен, и, вернувшись на Дон, Разин окунулся в кипучую казацкую жизнь — походы, малые стычки и большие сражения, азартный дележ добычи — вечный круг казацкой жизни. Не по годам умный, быстро набравшийся военного опыта Разин быстро и прочно вошел в казацкую верхушку. Корнила Яковлев — атаман Войска Донского — покровительствовал крестнику, стал поручать ему ответственные дела. В 1658 году Разин

в составе казачьей станицы-посольства побывал в Москве, где участвовал в переговорах с правителями-боярами.

Еще через три года он в составе Донского посольства был направлен на переговоры с калмыцкими князьями-тайшами. Переговоры прошли неплохо, и когда через год к тайшам направили уже посольство из Москвы, Степан Разин был включен в него. Посольству удалось договориться с калмыцкими вождями о совместной борьбе против крымцев и их союзников, которые много зла чинили и России и калмыцкому народу. Успех был полный, из Москвы на Дон пришла составленная в Посольском приказе одобрительная грамота.

Минул год, и Разину было доверено в походе руководить большим отрядом, который вместе с калмыками и запорожцами «повоевал» Перекоп и разгромил крымцев в ожесточенной битве у Молочных вод.

Военные знания и дипломатическое искусство освоил Разин уже в зрелые годы. Они приложились к другим знаниям и умениям, а их у Степана Тимофеевича было немало. Во время странствий он хорошо узнал жизнь и русского народа, и других народностей огромной страны. А в молодые годы Степан освоил немало языков. По свидетельству секретаря шведского посольства Кемпфера, Разин знал восемь языков. Трудно ручаться за достоверность этого сообщения, но то, что он владел татарским, калмыцким, турецким языками, — несомненно.

Острый ум, глубокое знание русской жизни, мужество и храбрость, военный опыт и умение дипломата, наконец, кипучая энергия, целеустремленность и титаническая воля — вот качества, которые определяли личность Степана Тимофеевича Разина к тому времени, когда он встал во главе великой народной войны.

К этому нужно добавить, что Разин был человеком большого личного обаяния. Внимательными глазами смотрел на Разина голландец Стрейс, оказавшийся в Астрахани во время ее взятия казаками, все запоминал, а вечерами записывал виденное за день в путевой журнал.

Былинная красота и мощь Разина поразили заезжего иностранца. «Я несколько раз видел его в городе и на струге, — писал Стрейс в один из дней. — Это был стройный степенный мужчина крепкого сложения, с гордым прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью». Почти то же сообщает и одна из русских летописей: «Разин был росту высокого и красивый, в силе и мужестве изобилен!»

Стрейс верно подметил самую характерную черту разинского характера. Вождь разгоравшейся крестьянской войны был плотью

от плоти русского народа, смелого и вольнолюбивого донского казачества. «Стеньку нельзя было отличить от остальных, — отметил голландец в другом месте своих записок, — если бы он не выделялся по чести, которую ему оказывали... называя его не иначе как батька и отец. И конечно он был отцом этих безбожных детей!»

Оставим на совести богобоязненного и приверженного средневековым устоям иностранца слова о безбожности восставших. Задавленные крепостным гнетом люди шли под разинские стяги просто потому, что им стало невтерпёж, что они не хотели умирать бессловесно и без сопротивления.

Сложен путь, которым «домовитый» казак Степан Разин пришел к тому, чтобы стать во главе крестьянской войны. Перед ним открывалась (и уже началась!) блестящая войсковая карьера. Он предводительствовал в походах, входил в дипломатические миссии, жил в чести и достатке.

Но народная боль жгла душу Разина, как каленое железо жжет лоб раба. Уже накануне войны к этому добавились и личные мотивы. В 1665 году по распоряжению князя Долгорукого, командовавшего русскими войсками в войне против Польши, был казнен брат Степана Иван, возглавлявший полк донских казаков. Казнь брата потрясла Степана, ускорила укоренявшееся в нем понимание несправедливости существующих порядков.

Прошло немного времени, и Степан Тимофеевич Разин стал вождем крестьянской войны против тяжелого феодального гнета.

ПОХОД «ЗА ЗИПУНАМИ»

Инул год после неудачной попытки усовцев «послужить государю». Положение донской гольтыбы стало еще более тяжелым. Новая весна принесла новый голод. Службы не было, жалованья не было, у многих кончился последний хлеб.

Голодно было и во многих уездах России. Ратный люд, возвращавшийся в родные места после того, как заключили перемирие с Польшей, находил в родных деревнях опухших от голода жен и детей. Отчаяние овладевало людьми, а выход виделся один: бежать от такой жизни, попытать счастье в казацкой вольной стороне.

И началась волна повального бегства!

Бежали тысячи и тысячи крестьян и холопов, в одиночку, семьями, а то и целыми деревнями.

«Ведомо нам, великому государю, учинилось, — обеспокоенно

и раздраженно писал в грамоте, отправленной на Дон, царь Алексей, — что объявились в понизовых (донских и волжских) местах воровские люди, беглецы из разных мест после учиненного миру с польским королевством». Воеводы южных уездов со всех мест доносили в Москву: «Во многие де в донские городки пришли беглые боярские люди и крестьяне з женами и з детьми, от того де ныне на Дону голод большой».

Казацкая беднота недолго искала выход из бедственного положения. Способ был найден старый и испытанный. Весной 1667 года массы казаков объединились вокруг атамана, бросившего клич о походе на Каспий — «за зипунами».

«В Войске Донском, — говорит этот атаман, — есть стало нечего, а государства денежного и хлебного жалования присылают скудно, и пошли на Волгу покормиться!»

Атаманом, возглавившим поход, был Степан Тимофеевич Разин.

В апреле вскрылись реки, и вместе с весенним половодьем стал прибывать в назначенное место — на островок близ Паншинского и Качалинского казачьих городков в верховьях Дона — злой и обездоленный люд. Пробирались на острова «тайным обычаем», чтобы не встревожить до времени царских лазутчиков, которых год от года становилось на Дону все больше. А добравшись, не сидели без дела — у Разина всем находилась работа. Готовили припасы, оружие, строили и ремонтировали струги. Воронежские купцы, земляки покойного отца, ссудили атамана порохом и свинцом, оговорив свои торговые выгоды.

Одновременно Разин вел широкую разведку на всех южных реках — на Дону, Волге, Яике — и выстраивал план похода. План этот состоял в том, чтобы с Дона перейти на Волгу в район Царицына по волго-донской переволоке, прорваться мимо Астрахани в море, а затем захватить Яицкий городок, расположенный в низовьях Яика (Урала). Степан Тимофеевич думал превратить городок в базу для постоянных операций на Каспии — против шаха и богатых купеческих караванов.

В мае Разин начал воплощать план в жизнь. В середине месяца, перетавив струги с Дона на Волгу, разинцы объявились у Царицына. Первый большой караван встретился им около урочища Каравайные воды. Напав на него, казаки быстро расправились с купеческими приказчиками, захватили много оружия и боеприпасов, немало товаров и имущества. Уже в ходе нападения выяснилось, что часть стругов принадлежала царю Алексею и патриарху, а некоторые из судов были полны работных людей и закованных в «железа» сыльных, которых везли в волжские понизовые городки. Разгромив охрану, казаки освободили подневольных, и те — не-

сколько сотен человек — «охотою своею» влились в разинское войско.

Весна 1667 года стала как бы заповем будущей народной войны против угнетателей. Сквозь «разбойные» замыслы и действия разинского отряда начинает проглядывать антифеодальная направленность нарождающегося мощного движения. Стычки с царскими охранниками, расправы над купцами-сребролюбцами, привлечение на свою сторону «голи несчастной», всех обиженных властью и задавленных нуждой — все эти черты явственно обозначают русло, в которое устремлялся поток возникшего движения.

28 мая казацкие струги достигли Царицына. Перетрусивший царицынский воевода Унковский крепко-накрепко заперся в крепости. Стрельцам-пищальникам было приказано обстрелять разинские струги. Ослушаться злого воеводу сочувствовавшие казакам ратные люди не могли — они обстреляли струги, но зарядили пушки одними пыжами. Под пушечный оглушительный грохот тридцать пять разинских стругов спокойно прошли вниз по Волге.

Через три дня отряд, выросший почти до 2 тысяч человек, достиг Черного Яра, небольшой крепости на подходе к Астрахани. Здесь к их встрече подготовились основательно — 500 человек пехоты на судах загородили дорогу по Волге, а на берегу ждали казаков 600 конных стрельцов. Бой, казалось, был неминуем — ни водой, ни сушей не уйти.

Но не учли царские воеводы сметливости Разина. Подойдя к берегу, казаки стали дружно высаживаться со стругов на берег, всем своим поведением выказывая, что хотят штурмовать Черный Яр. Стрелецкая конница ринулась под стены города, туда же, в спешке причаливая к берегу, устремилась и царская пехота.

А разинцы по сигналу атамана дружно повернулись, попрыгали обратно в свои струги, оттолкнулись от берега и на глазах у противника, разинувшего рты от такого оборота, с веселым гиканьем последовали вниз по Волге — на Астрахань!

Но у Астрахани боя избежать не удалось, хотя разинцы и стремились выйти в Каспий без ненужных стычек. Астраханский воевода со стрельцами преградил отряду путь. Решительно напав на царский отряд, казаки разгромили стрельцов в скоротечном бою, а незадачливого воеводу взяли в плен.

Теперь путь на Каспий был свободен. Выйдя в море, струги устремились в устье реки Яик, к Яицкому городку, с казаками которого у Степана Тимофеевича была договоренность о помощи. Подшли незаметно и укрылись в речных камышах и за мысами.

Затем Степан Разин и сорок самых удалых казаков, переодетых богомольцами, не спеша двинулись к городку, где стали слез-

но просить царских охранников впустить их в город — помолиться в здешней церкви. Охрана доложила гарнизонному начальству. Стрелецкий голова сам был человеком набожным и позволил «странникам» войти в город.

Дальше все произошло молниеносно. Оттеснив от ворот охрану, «богомольцы» открыли ворота, и двухтысячный отряд ворвался в крепость. Крупного боя, впрочем, не получилось — большая часть стрельцов дружно перешла на сторону казаков.

Скоро об успехах разинского отряда прослышали в Москве. Царя разгневала нерасторопность астраханских воевод и начальных людей — всех сместили со своих постов. Разинское движение вызвало большую обеспокоенность. Собравшаяся в июле Боярская дума порешила послать к Астрахани четыре полка отборных московских стрельцов. Кроме того, указано было набрать в поволжских городах «служилых пеших людей с пушками и з гранатами и со всеми пушечными запасами». Эту грозную силу двинули к Каспию и Яицкому городку. Туда же сбросили и все наличные астраханские силы — 1600 стрельцов и солдат.

Свыше 5 тысяч ратников шли усмирять Разина! Но в успехе царь, видно, вовсе не был уверен, поскольку одновременно через войскового атамана Корнилу Яковлева переслал Разину «милостивую грамоту». В ней он обещал Степану Тимофеевичу прощение, если атаман вернется на Дон и отстанет от своего отряда. Московские власти уже тогда верно оценили мощь разинской натуры и не без оснований надеялись, что уход атамана, имя которого уже гремело на Дону и Волге, собьет волну нарастающего движения.

Разин приказал зачитать грамоту на казацком круге. Она была единодушно отвергнута.

Между тем подошла зима. Разин решил провести ее в Яицком городке. Подхода царских войск пока можно было не опасаться: зима остановила царских воевод. Правда, московские власти подгоняли своих нерасторопных военачальников и те двинулись на разинцев уже в феврале 1668 года. Триста верст тысячи ратников шли берегом моря. Расчет у царских воевод был двойной: или уговорить Разина прекратить борьбу, или заставить капитулировать силой.

Но вновь ничего не вышло. Отвергнув все предложения о прекращении борьбы, Разин вышел из городка, прихватив на струги легкие пушки, и, рассеяв царский отряд, устремился на Каспий.

Здесь присоединились к нему несколько больших казачьих групп, проследивших о разинских успехах. Самый большой отряд — 700 человек — привел атаман Сергей Кривой, скоро

ставший правой рукой Степана Тимофеевича в этом походе.

Огромный разинский отряд, почти 2 тысячи человек, обосновался на каспийском острове Чечень. Отсюда казаки совершали дерзкие нападения на владения шаха персидского, его торговые караваны, действуя на всем протяжении каспийского побережья — от Дербента до Баку. Казацкой добычей становилось купеческое добро, продовольствие, одежда, ткани, утварь, оружие. Много брали и пленных «кызылбашенинов», которых обменивали на русских, захваченных персами и обращенных в рабство.

Удары Разина приходились по владениям персидских богачей, а бедняки-иноземцы, «скудные многие люди» часто просились в разинский отряд. С радостью шли к нему и освобожденные из неволи, пополняя редевшие в боях ряды казаков.

Царь к этому времени Разина ненавидел уже сверх всякой меры. Он обратился к персидскому шаху с решительной просьбой — бить разинцев без пощады и направил в Персию наемного рыцаря полковника Пальмара, чтобы тот помог персам организовать разгром казаков. Шах, который сначала, видя разинскую грозную силу, пошел на переговоры, после царской поддержки переговоры прекратил, а присланных Разиным послов затравил собаками.

В ответ разинцы разгромили несколько шахских городов — Ферабат, Астрабад и Решт.

Зиму 1669 года уставшее от постоянных боев казацкое войско провело на полуострове Миян-кале в южной части Каспия. Злые ветры, холод и болезни сделали зимовку исключительно тяжелой. Весной разинцы перебрались в район Баку и расположились на Свином острове.

А шах не терял времени. За зиму он с помощью иностранцев, в том числе и добравшегося до Персии Пальмара, отстроил большой флот — пятьдесят больших плоскодонных судов. На них разместились 3700 воинов. Возглавил экспедицию опытный Менеда-хан.

В июле 1669 года персидская армада придвинулась к Свиному острову. Численное превосходство персов было подавляющим. О победе в открытом сражении нечего было и думать, но Разин уже не раз брал врага не числом, а умением. И сейчас он разработал и осуществил операцию, которую можно считать образцом тогдашнего военно-морского искусства.

В один из дней по разинскому сигналу все казачьи струги прямо на виду у неприятельского флота отчалили от берега и кинулись в открытое море, изображая паническое бегство. Менеда-хан быстро двинулся за ними. Его большие корабли с множеством гребцов быстро настигли казаков. Решив покончить с Разиным раз и навсег-

да, персидский военачальник, догнав разинцев, приказал соединить свои корабли цепями, и широкое полукольцо стало неумолимо охватывать метавшиеся в море казачьи струги. Менеда-хан уже праздновал победу, но тут началось нечто непредвиденное.

Несколько казачьих стругов, вместо того чтобы убегать или сдаваться на милость победителя, вдруг устремились к флагманскому кораблю персов. Последовал молниеносный яростный abordаж — все персы были перебиты или взяты в плен, а корабль, на котором хранился основной запас пороха, взорван! Затонув, он потянул за собой прикованных к нему соседей. И в это время на лишенный управления персидский флот соколами кинулись развернувшиеся в боевой порядок разинские струги! В короткий срок сорок семь персидских судов были сожжены или потоплены, и лишь три, сумев отцепиться от роковой смертельной связки, бежали в море. Казаки не преследовали их — разного добра и пленных и так некуда было девать.

Победа была полной. Но отряд Разина, и без того уставший от боев, постоянных тяжелых переходов, болезней, нуждался в отдыхе. Разин решил возвращаться домой. В конце июля нагруженные

добычей струги двинулись на север, к устью Волги. В начале августа двадцать два струга, 1200 оставшихся бойцов подошли к острову Четыре Бугра у входа в Волгу.

Астраханские власти долго готовились к возвращению «воровских казаков», поэтому, узнав о подходе Разина, они выслали ему навстречу четырехтысячное войско на пятидесяти вооруженных пушками кораблях. Правда, уже не в первый раз, не надеясь на военный успех, князь Львов вез Разину и новую «милостивую» грамоту царя.

Казаки, завидев астраханский флот и верно оценив обстановку, срочно погрузились на струги и стали уходить в море. Легкие струги скоро оторвались от тяжелых царских судов.

Князь понял, что догнать разинцев не удастся. Он остановил флот и послал вдогон стругам легкую ладью сотника Николая Скрипицына.

Казаки, видя, что их не преследуют, сбавили ход. Сотник догнал их и рассказал Разину о «милостивой» царской грамоте.

Фактически это сообщение сотника было предложением о мирных переговорах. Разин сразу согласился: силы отряда были подорваны изнурительным походом, да и, поднабрав за морем «зипунов», казаки были склонны к миру. Поэтому Разин принял сотника дружелюбно; здесь ему пригодилось дипломатическое искусство, изученное когда-то в посольствах. Он принял царскую грамоту в обе руки, торжественно поцеловал ее и сунул за пазуху. После этого щедро одарил сотника за благою весть, а князю Львову послал с ним россыпь жемчуга и дорогое персидское седло.

Надо сказать, что царское предложение вовсе не было «милостью» — это было вынужденное решение властей. А побудили их к такому «великодушию», во-первых, росшее на Дону движение казачьей голытьбы, а во-вторых, явное сочувствие Разину со стороны простых горожан Астрахани и части местного гарнизона. Наконец, в-третьих, была у местных воевод и корыстная мыслишка поживиться за счет добра, привезенного из долгого похода казаками.

Переговоры шли недолго. Казакам разрешили проход на Дон при условии сдачи в Астрахани пушек и другого оружия, кроме того, им предписали отпустить из отряда царских служилых людей, а поднявшись до Царицына, оставить там все струги.

22 августа 1669 года огромная флотилия — казачьи струги и суда князя Львова, больше семидесяти кораблей, — подошла к Астрахани. Корабли Львова дали салютный залп из пушек и мушкетов. Им ответил салютом стоявший в Астрахани многопушечный корабль «Орел». Следом ударили холостыми пушки и пищали разинских стругов. Гром стоял необыкновенный и неслыханный!

Вся Астрахань высыпала на берега подивиться невиданному зрелищу: разукрашенные парчой и шелками, словно сказочные корабли, шли на виду у честного народа казацкие струги. Грохот салюта смешался с восторженными криками простого люда. Таких встреч Астрахань еще не знала.

В тот же день Разин явился в астраханскую приказную палату, где сдал символ власти — бунчук и десять знамен. Казаки сняли со стругов и отдали властям двадцать одну тяжелую пушку, отпустили пожелавших уйти от них служилых людей. Но двадцать легких пушек остались у разинцев, якобы «для охраны от татар» по пути на Дон.

Астраханские власти попытались учинить перепись всему разинскому отряду, но Степан Тимофеевич и слушать не стал. «На Дону такого обычая не повелось!» — заявил он.

Две недели провел Степан Разин в Астрахани. Популярность казаков была необычайной. «Казаки были одеты, как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканые золотом», — сообщал голландец Ян Стрейс. Разин гулял по Астрахани, сопровождаемый толпами людей, сыпал вокруг себя золотые дукаты. Главный астраханский воевода Иван Прозоровский выклячил у Разина соболью шубу, крытую атласом и изукрашенную драгоценными камнями. Цены той шубе не было, Стенька и сам любил ее, но, махнув рукой, отдал воеводе: «Возьми себе шубу, да не было б шуму!» Молва разнесла весть об истинно царском подарке, и слух о нем дошел до самого царя Алексея.

Казаки раздаривали и продавали ткани, дорогую утварь и разные заморские диковины. В легендах о Разине были уже смешивались с фантазиями, здесь и там распевались первые песни о славном атамане.

Но не только весельем были отмечены астраханские дни. Как отметил в записках служивший в русском войске голландец Фабрициус, Разин «сулил вскоре освободить всех от ярма рабства боярского, к чему простолюдины охотно прислушивались, заверяя его, все они не пожалеют сил, чтобы прийти к нему на помощь, лишь бы он начал».

Зная о такой агитации, воеводы постарались поскорее отправить Разина вверх по Волге. 4 сентября Разин двинулся в путь. И вновь, как уже не раз бывало, к отряду стали прибиваться гулящие и работные люди. Отряд рос, и на подходе к Царицыну был уже гораздо больше, чем в Астрахани.

А в Царицыне он вырос еще больше. Здесь казаки с местной тюрьмы замки сбили, выпустили всех тюремных сидельцев, большинство которых тут же присоединилось к отряду. С царицынским

воеводой Унковским Разин после таких действий, конечно, не поладил. Дело дошло до прямой стычки, Степан его «бранил и за бороду драл», как жалостливо отписал воевода в Москву после ухода казаков.

В начале октября 1669 года Разин пришел на Дон. Поход «за зипунами» был окончен. Имя Разина было теперь на устах у половины России — от волжских низовьев до Москвы!

«НА БОЯР И ВОЕВОД!»

а Дону Разина ждали, испытывая разные чувства. «Домовитая» казацкая верхушка почти не скрывала вражды, а «голубутвенные люди были гораздо рады», что Степан Тимофеевич вернулся в родные места.

Обычно после походов казацкое войско распадалось и участники походов расходились по домам до следующего сбора. А разинский отряд — и это удивило и насторожило власти! — не распался! На острове Прорва у Кагальницкого городка, откуда начинался поход, разинцы соорудили земляной городок и здесь зазимовали.

С приходом Разина на Дону установилось двоевластие. В Черкасске, столице донского казачества, сидел войсковой атаман Корнила Яковлев, а выше по течению в двух днях пути расположился Разин. Он не только не признавал указов казацкой старшины, но и начал противодействовать ей. Не пропустил к Черкасску «зимовных казаков», которые шли в донскую столицу, на случай защиты от турок и крымцев, заявив им, что коль надо будет защищать Черкасск, то сделает это он, Разин, и никто другой!

Войско росло не по дням, а по часам. В октябре 1669 года, когда Разин вернулся на Дон, у него насчитывалось полторы тысячи бойцов, к концу ноября — почти три, а к маю 1670 года — около пяти тысяч хорошо вооруженных воинов!

По всему видно было, что Разин задумал новый поход. Но куда? Вот над чем ломали голову власти и казацкая верхушка. «Какая у него мысль, — с досадой сообщал в Москву царицынский воевода, — некоторыми мерами у них, воровских казаков, дознаться невозможно!»

В марте 1670 года Разин созвал круг — решать, куда идти. Один из есаулов предложил идти на Азов — казачий круг молчал, не поддержал предложения. Вышел другой и крикнул: «На Русь ли, на бояр итить?!» — такое предложение было встречено нестройны-

ми криками. А вот когда третий разинский есаул предложил «итить на Волгу», собравшиеся ответили ликующим воплем. Так и решили: идти на Волгу!

Проведав о намерении разинцев, казацкая верхушка тут же описала об этом в Москву. Власти срочно отрядили на Дон опытного дипломата-разведчика Герасима Евдокимова, уточнить все окончательно. Герасим примчался в Черкасск уже 10 апреля. Казацкая верхушка лебезила перед царским посланником, заверяя в верности и готовности служить царю.

Узнав о приезде московского посланника, Разин с товарищами поспешил в Черкасск. Там как раз собрали по случаю приезда именитого гостя казачий круг. Разин явился на площадь, раздвинул толпу, вошел в круг и задал Евдокимову вопрос: «От кого он приехал, от великого государя или от бояр?» В «хорошего царя» большинство казаков верило, считая, что все беды идут от бояр-лихоимцев.

Зачем Евдокимов приехал на Дон, было ясно всякому. Разин прямо назвал его лазутчиком, а рассвирепевшая казачья беднота бросила посланника в Дон. Таким образом, выступление разинцев против царской власти стало открытым. Следом за Евдокимовым казаки учинили расправу царскому воеводе Хилкову — его посадили в черкасскую тюрьму.

Черкасская верхушка перепугалась не на шутку. Корнила Яковлев попытался упрекнуть Разина, но тот взглянул на крестного отца и ответил коротко, как отрубил: «Ты владей своим войском, а я владею своим войском!» На том и кончился разговор.

С этого времени Разин, почувствовав свою силу и народную поддержку, перестал скрывать, что начинает борьбу со знатью, которая правит крепостной Россией. «Итить мне на Волгу с бояры повидацца!» — решил он после черкасских событий.

В начале мая разинское войско поднялось и двинулось к волгодонской переволоке. Сюда же по уговору подошел с большим отрядом закаленный в боях славный атаман Василий Ус, ставший главным сподвижником Разина в новом походе. У переволоки Разин собрал круг, чтоб еще раз спросить всех: куда идти? Здесь он поделился с товарищами своими думами о будущем походе.

«Любо ль всем идти с Дона на Волгу, а с Волги итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им с Московского государства вывести изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей?» — спросил Разин казаков. «Любо!» — отвечал круг.

Разинские слова о защите царя «от государевых неприятелей» не должны удивлять нас. Рассуждения о «хорошем» царе и

«плохих» боярах естественны и для XVII, и для более поздних веков феодальной эпохи. Путей изменения существующего общества ни Разин, ни сподвижники его, да и никто в тогдашнем мире еще не видел. «Это было время, когда люди брали оружие просто потому, — писал В. И. Ленин, — что не хотели умирать бессловесно и без сопротивления».

Но туманные иллюзии, вера в «хорошего» царя сочетались у повстанцев с ясным пониманием того, против чего они идут бороться. Врага каждый знал хорошо.

«Черным людям дать свободу!» — так сформулировал цель похода Степан Тимофеевич Разин.

Известие о том, что под разинские стяги идут тысячи и тысячи обездоленных, что затевается новый, невиданный по масштабам поход, всерьез взволновало московские власти. Воеводам приграничных городов было указано усилить оборону, выставить многие дополнительные заставы в степи. На помощь Царицыну срочно бросили стрелецкий отряд в тысячу человек под командой Ивана Лопатина.

Но стремительность движения разинской — уже семитысячной! — армии не позволила Лопатину прибыть в Царицын ко времени, что быстро предопределило судьбу этой крепости с небольшим гарнизоном. Простой царицынский люд возликовал, узнав о приближении разинцев. В городе началось восстание. По указанию Василия Уса, которому было поручено взятие Царицына, жители сбили замки с городских ворот и впустили повстанцев в город. Царицынский воевода с ближайшим окружением заперся в одной из городских башен, где и просидел три дня, покуда не был выбит оттуда казаками.

В городе было создано управление по казачьему демократическому образцу. На городском круге жители избрали атамана и других должностных лиц. Имущество изгнанных и казненных царских приспешников поделили между восставшими.

А казаки собрали свой круг, на котором еще раз обсудили дальнейший путь. Решили идти вверх по Волге — «воевод из городов выводить».

Уже почти все было готово к выступлению, когда Разин получил тревожные известия: с севера подплывал к Царицыну Лопатин с тысячей стрельцов, а на юге несколько тысяч ратников собрали астраханские воеводы. Один из иностранцев, оказавшийся тогда в этом горячем месте, писал, что царские воеводы хотели «таким образом зажать Стеньку Разина в тиски».

Но разинский военный опыт взял верх над задумками царских слуг. Устроив Лопатину засаду в пяти верстах от Царицына, они

основательно потрепали отряд. Едва отбившись от восставших, стрельцы, налегая на весла, устремились к Царицыну, думая, что он еще не взят восставшими. Но на подходе к городу незадачливый царский вояка попал под мощный огонь крепостных царицынских пушек. Суда стали в беспорядке причаливать к берегу, стрельцы высадились с них, сбились в кучу — и тут налетели разинские конники! Разгром оказался полным, в руки восставших попало большое количество оружия. Оно было весьма кстати: народ к Разину все прибывал и прибывал, в его войске насчитывалось уже 10 тысяч человек.

Собрав новый круг, казаки несколько изменили план похода. Решили прежде, чем идти «в верхние города», взять оставшуюся в тылу Астрахань с ее сильным гарнизоном. Это было тем более необходимо, поскольку астраханский воевода князь Львов уже выступил на восставших во главе пятитысячного отряда.

5 июня 1670 года, оставив в Царицыне тысячу человек для обороны от возможных нападений, Разин двинулся к Астрахани. Основные силы двигались на судах по Волге, лишь один большой конный отряд шел берегом.

Князь Львов поджидал разинцев в Черном Яре. 10 июня на военном совете, не зная, что Разин уже близко, царские военачальники решили выступить из крепости навстречу восставшим. Но утром следующего дня примчались в крепость взмыленные разведчики, кричавшие, что казаки скачут за ними по пятам.

Львов поднял армию по тревоге, выстроил ее в боевой порядок, лично объехал полки. Как сообщает служивший в царском войске голландский офицер-артиллерист Фабрициус; князь «прошел по рядам и напоминал всем выполнить свой долг и помнить клятву, которую они дали царю... После чего все воскликнули: «Мы отдадим нашу жизнь за царя и будем биться до последней капли крови!»

Скоро к крепости придвинулись разинцы. Войско восставших, по словам наблюдавшего за ним из крепости Фабрициуса, имело «необычайно парадный вид». Оно быстро выстроилось широко развернутым фронтом. Далеко не все разинцы имели в руках оружие, многие вооружались лишь длинными палками, обожженными с одного конца, прикрепив к ним небольшие флажки-лоскуты. Но издали лес этих самодельных копий выглядел внушительно.

Львов готовился дать сигнал к наступлению, когда вдруг без команды ударили в его войске барабаны. Развернув знамена, астраханские полки один за другим с радостными криками двинулись к разинцам, где началось братание с повстанцами. «Они стали обниматься и целоваться, — с растерянностью и возмущением сооб-

щает Фабрициус, — и договорились стоять друг за друга душой и телом, чтобы, истрепив изменников-бояр и сбросив с себя ярмо рабства, стать вольными людьми!»

Сражение не состоялось, лишь с черноморских стен несколько раз ударили в сторону восставших крепостные пушки, но гарнизон крепости мигом арестовал воеводу и прекратил огонь. А вот когда растерянные воеводы и сотники во главе со Львовым кинулись к лодкам, чтобы бежать в Астрахань, пушки ударили вновь, а выскокившие наперерез стрельцы не дали им ускользнуть.

Победа была полной.

Военный люд, влившийся в войско Разина, резко повысил его боеспособность. Богатейшие трофеи позволили не только выдать оружие тем, кто шел в битву с простыми палками, но отослать часть захваченных пушек, пороха и снаряжения в Царицын, где тоже нуждались в оружии.

Путь на Астрахань был свободен, и Разин скоро двинулся вниз. Астрахань считалась по тем временам одним из крупнейших городов, считалась сильной крепостью. Здесь стоял русский гостиный двор и торговые дворы многих восточных стран: армянский, бухарский, индийский, персидский. Несколько слобод в городе было населено иностранцами, в своих письмах на родину они дружно называли Астрахань «отличным торговым городом».

Гордостью здешнего воеводы Прозоровского была и сама мощная астраханская цитадель, на стенах которой стояли пятьсот пушек, а гарнизон насчитывал 6 тысяч стрельцов и солдат.

Но одно тревожило воеводу: беспокойный работный народ, беглые, во множестве селившиеся под городом, разный гулящий люд, перебивавшийся в Астрахани случайными заработками, большая, разросшаяся в последние годы Слобода Нищих — все это иногда казалось ему огромной — выше городских стен — горой сухой и хорошо промасленной пакли. Залетит искра — не погасить будет пожара!

Поэтому старательно укреплял воевода и без того могучую крепость. Она имела три оборонительных пояса. В центре располагался каменный кремль, имевший шесть ворот и десять башен. К нему примыкал Белый город, окруженный мощными стенами высотой до девяти и толщиной до трех метров. И наконец, внешний пояс обороны, окружавший возникший в XVII веке новый посад, составлял высокий земляной вал, по гребню которого шла мощная деревянная стена. Перед валом был выкопан глубокий ров.

Подход к крепости с Волги прикрывал первый большой многопушечный русский военный корабль «Орел», несший постоянную службу в Астрахани.

По мнению голландского военного специалиста Стрейса, против мощи астраханской крепости не смог бы «устоять и один миллион человек!».

Узнав о черноморском поражении, воевода Прозоровский устроил усилия по подготовке к разгрому восставших. У каждой пушки теперь круглосуточно дежурили два человека. За подготовку укреплений отвечали состоявшие на царской службе иностранцы — капитан Бутлер и полковник Бейли. Они старались изо всех сил и сделали многое. В награду Бутлер был произведен в подполковники, получил от воеводы кафтан, две пары штанов и две рубахи.

Оказавшийся в Астрахани по пути в Москву персидский посол был произведен Прозоровским в полковники. Он сформировал большой отряд из живших в городе персов, татар и калмыков. По сообщению Бутлера, они «маршировали каждый день в добром порядке вокруг валов, подбадривали солдат танцами, пением, литаврами и дудками».

Разин подошел к Астрахани 19 июня. Через парламентариев он предложил Прозоровскому сдаться, но тот казнил его посыльного прямо на крепостной стене, на виду у восставших.

Повстанцы стали готовиться к штурму. Армия была поделена на восемь ударных отрядов, ставших вокруг города. Приготовили штурмовые лестницы, веревки.

В ночь на 24 июня штурм начался. Прозоровский с лучшими силами успешно отбивал приступы у Вознесенских ворот. Но в это время с другой стороны крепости разинцы с помощью астраханских стрельцов быстро поднялись на стены. «Астраханские жители, проклятые изменники, — со злостью писал позднее один из дворян, — тех воров на градскую стену начали принимать!»

Первый же приступ восставших к стенам города послужил сигналом к восстанию городских низов. Уже в начале штурма к Бутлеру прибежал полковник Бейли — щека проколота и на ноге рана. «Эти раны нанесли полковнику наши государевы солдаты, — писал позднее Бутлер, — когда он их убеждал отступить от казаков как от мятежников и верно защищать город, на что ему ответили — «чтобы он заткнул свою глотку». Бутлер уговорил полковника и его офицеров вернуться и еще раз призвать солдат к исполнению долга, но «новая измена, — сокрушался он потом, — была хуже первой, ибо все они были убиты своими подчиненными». Жители Астрахани, по свидетельству очевидца, «дворян и сотников, и боярских людей, и пушкарей начали рубить в городе прежде казаков сами».

Поднявшись на стены, там, где их не ждали, разинцы устремились к Вознесенским воротам и вышли в тыл к отбивавшему натиск штурмовавших Прозоровскому. В завязавшей рукопашной схват-

ке был убит брат воеводы, а сам он ранен. С горсткой приспешников воевода спрятался в соборной церкви, где, впрочем, их скоро, сломав дубовую дверь, взяли в плен и затем судили на общем кругу. Многих феодалов судом восставших приговорили к казни.

Вместо самодержавно-воеводской системы управления Разин учредил в Астрахани демократическое правление по казачьему образцу. Население было поделено на десятки, сотни и тысячи с выборными десятниками, сотниками и атаманами во главе. Высшим органом города, где решались все важнейшие вопросы, стал круг — общее собрание горожан. Здесь судили феодалов, определяли им наказание, делили конфискованное у богатеев имущество. Быстро налаживался народный правопорядок, защищавший интересы простых жителей. Все подневольные получили свободу, в Приказной палате были по распоряжению Разина уничтожены «многие кабалы и крепости», то есть документы, которыми оформлялось крепостное и кабальное состояние зависимых людей.

Разинцы хотели сделать то же самое по всей России. «Стенька Разин, — сообщал один из стрельцов, — не только в Астрахани в Приказной палате дела велел драть, и вверху де у государя дела все передрет!»

коло месяца провел Разин в освобожденной Астрахани и затем, оставив здесь Василия Уса, с двухтысячным отрядом двинулся вверх по Волге.

С Разиным шли около 12 тысяч человек.

Двести разинских стругов медленно поднимались против течения великой реки, протяжные песни помогали уставшим гребцам.

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых молодцев, людей беглых.
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички!

Разин поднимался по Волге, рассчитывая в конце концов достичь Москвы, где и посчитаться с боярами-изменниками, якобы обманывавшими «хорошего» царя. Вера в него была у подневольного народа очень сильна. Впереди огромной флотилии шел струг, обитый красным бархатом. Восставшие распространяли слух — и сами в него верили — о том, что на нем плывет царевич Алексей Алексеевич, чудом избежавший смерти от бояра. Эго роль Разин возложил на молодого князя Андрея Черкасского, попавшего в плен к восставшим.

Вторым шел струг, обитый черным бархатом. Здесь, как уверяли многие, плыл вместе с восставшими опальный патриарх Никон, заточенный по приказу бояр в дальнем северном монастыре. Религия прочно господствовала над личностью средневекового человека, поэтому повстанцы искренне верили, что правота их дела должна быть освящена церковью. «Крестьянство, — писал А. И. Герцен, — даже новое принимает в старых одеждах».

4 августа подошли к свободному от самодержавия Царицыну. Отсюда большой отряд во главе с родным братом Степана Тимофеевича Фролом ушел на юго-запад — подымать народ в южных уездах. Народная война вспыхнула во многих концах Руси. Иногда хватало одной разинской грамоты, чтобы на борьбу поднимался целый уезд. Горели барские «усадища», награбленное феодалами добро возвращалось к тем, кто создал его. Дворяне сотнями бежали в Москву или под защиту ближних крепостей. Поднялось на борьбу с самодержавием и угнетаемое царизмом и местными феодалами нерусское население Поволжья: мордва, чуваша, калмыки, татары. Гнев народа против крепостного права, против подневольного рабского труда, против голода и нищеты выплеснулся по всей Руси и заставил содрогнуться существующий строй.

Царское правительство поняло, что начинается смертельная борьба. Огромные силы крепостного государства были мобилизованы на подавление восстания. Царь жаждал одного: утопить народное выступление в крови. В большинстве уездов прошли экстренные сборы ополчения — перетрусивших дворян буквально палками сгоняли на царскую службу. За июль — август сформировали свыше десяти дворянских, стрелецких, солдатских полков, и все они во главе с лучшими полководцами царя князьями Урусовым, Долгоруким, Борятинским двинулись против Разина.

Имя Степана Тимофеевича неустанно поносилось с церковных амвонов, патриарх предал его анафеме и объявил «антихристом».

А простой народ считал разинское движение своим кровным делом. Его везде ждали готовые подняться на борьбу люди. Зная это, Разин во все стороны рассылал быстрых гонцов, развозивших по селам и городам его «прелестные письма». Призывы, заключенные в них, были понятны каждому угнетенному, поэтому столь велико было их воздействие.

«Пишет вам Степан Тимофеевич всей черни. Кто хочет богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу, и я выслал казаков, и вам бы заодно изменников выводить и мирских кровопивцев выводить!»

Призыв к борьбе и расправе с классовыми врагами — «мирскими кровопивцами» — ясно звучал во всех посланиях Разина и его сподвижников. Но чем заменить феодальный порядок, против которого восстал народ, вожди повстанцев не ведали. Они знали порядки и правила казачьей вольницы и пытались строить жизнь по такому образцу. Но при этом Разин допускал и существование «хорошего» царя и даже «хороших» бояр. Степан Тимофеевич был сыном своего времени, и, естественно, и он сам, и его сподвижники не могли подняться до понимания истинных причин своих бед и лишений.

Борьба продолжалась.

7 августа Разин с 10-тысячной армией выступил из Царицына. Его войско теперь уже на девять десятых состояло из плохо вооруженных крестьян, работных людей, беглых холопов, а опытных в военном деле казаков оставалось немного. Боеспособность армии уменьшалась.

15 августа Разин подошел к Саратову. Накануне в городе вспыхнуло восстание, власть феодалов была свергнута, и восторженный народ встретил Разина у городских ворот хлебом-солью. Не задерживаясь, поскольку лето кончалось, Разин двинулся дальше и через несколько дней подошел к Самаре. Здесь повторилась саратов-

ская история: взрыв народного восстания смел царскую администрацию и горожане передали крепость восставшим.

Новые успехи окрылили разинцев, и войско устремилось к Симбирску. Взять Симбирск было заветной мечтой Разина. Этот город был центром мощной симбирской засечной черты — оборонительной линии длиной в несколько сотен верст. Отсюда открывался беспрепятственный путь на Москву.

Царские воеводы сильно боялись «Симбирска не потерять, а в черту б вора не пропустить!»

Двести разинских стругов подошли к Симбирску 4 сентября. Город был хорошо укреплен. На вершине горы находился кремль, имевший высокие бревенчатые стены и башни по всем четырем углам. Второй пояс укреплений, окружавший симбирский посад, состоял из рва, вала и бревенчатых стен по его гребню. Гарнизон Симбирска, возглавлявшийся родственником царя воеводой Милославским, насчитывал 5 тысяч обученных стрельцов и солдат. А накануне разинского прихода добрался и расположился в его окрестностях с двумя рейтарскими полками и несколькими сотнями дворян князь Борятинский.

Разин остановился в трех верстах от города. День ушел на разведку, а ночью восставшие прошли вверх по течению Волги и высадились на полверсты выше города. Отсюда рано утром 5 сентября они двинулись на штурм. Попытка Борятинского ударить по восставшим с фланга провалилась, бой продлился целый день, и к вечеру потрепанные царские полки были оттеснены от города.

Утром следующего дня разинцы пошли на новый приступ. Во время нового штурма в городе вспыхнуло восстание стрельцов, что позволило Разину быстро овладеть первой линией укреплений. Остатки гарнизона укрылись в кремле.

Новая попытка Борятинского выбить повстанцев из захваченного города обошлась ему еще дороже, чем вчерашняя. Потеряв половину войска и обоз, он спешно отступил от города.

Но взять симбирский кремль Разину не удалось ни на другой, ни на третий день.

Прошла неделя, вторая. Войско Разина росло и достигло почти 20 тысяч человек, но мощная цитадель держалась, а дорогое время уходило. Между тем царские власти накапливали силы для решающего наступления.

А разинские атаманы поднимали народ во многих уездах. За сентябрь разинскими отрядами были взяты Саранск, Пенза, Темников, Наровчат, Нижний Ломов, Верхний Ломов, Керенск, Алатырь, Курмыш, Ядрин, Васильсурск, Козьмодемьянск и многие другие города. Пламя восстания охватило уже десятки уездов.

Все новые и новые вести летели в Москву с волжских берегов. Все больше и больше пугали они царя Алексея. Страх, поселившийся в феодальной верхушке, заставлял правителей действовать лихорадочно, с «большим поспешанием». В столицу стягивались войска, которым царь перед отправкой устроил личный смотр. Главным воеводой был назначен князь Долгорукий, лучший из царских полководцев, энергичный и жестокий. Весь сентябрь правительство накапливало войска в Арзамасе, Казани, Шацке, ограничиваясь, пока не были собраны все имевшиеся силы, разрозненными действиями против отдельных повстанческих отрядов.

А разинцы, осаждая Симбирск и, вероятно, зная о сосредоточении правительственных войск, не оценили этого должным образом, не приняли защитных мер.

В начале октября каратели наконец предприняли общее решительное наступление на восставших. К Симбирску, под которым стояло 20-тысячное войско Разина, подошла армия Борятинского. Князь-воевода кипел злостью, вспоминая свое сентябрьское поражение, жаждал победоносного реванша.

Сражение развернулось прямо под стенами осажденного города. Ни до, ни после того не видывал Симбирск таких ожесточенных боев. Беззаветная храбрость разинских полков долго не позволяла опытному царскому войску одолеть восставших. Степан Разин сражался в гуще битвы, его видели на самых опасных участках.

Но силы были не равны.

К исходу дня 3 октября Борятинский сумел прорвать боевые порядки разинского войска и соединиться с осажденным в крепости гарнизоном Милославского.

К этому времени уже дважды раненный, истекающий кровью Разин принял верное решение. Развернув и перестроив войска, он бросил их на отчаянный штурм цитадели. Приступы один за другим продолжались целую ночь, несколько раз разинцы были близки к успеху. Но военная хитрость опытных царских воевод помогла им одолеть восставших. Увлечшиеся штурмом разинские отряды не выставили дозоров в тылу, с внешней стороны осадного кольца. Борятинский и Милославский воспользовались этим и послали сильный отряд ратников в обход штурмующих.

Нападение с тыла оказалось ошеломляющим и роковым. В темноте октябрьской ночи совершенно непонятно было, кто и откуда напал, какова сила неожиданно ударившего в спину врага. Войско повстанцев было дезорганизовано, началась паника и неразбериха. Этим сразу воспользовались Борятинский и Милославский — дворянские отряды из крепости бросились добивать дрогнувшее войско. Серое утро 4 октября 1670 года осветило финал страшного

разгрома. Тела тысяч павших бесстрашных бойцов устилали поля перед городом.

Ликующий Борятинский сразу сел диктовать дьяку-переписчику победное донесение. Одно огорчало его — ни среди убитых, ни среди пленных не было Степана Разина. Чуть-чуть не догнали царские ратники небольшой отряд повстанцев, уносивший раненого вождя к Волге, на струг, но казацкая удаля оказалась выше старательности царских слуг. Казацкие струги скользнули по тихой воде и скрылись в утреннем волжском тумане.

«А его вора и преступника Стеньку, — с досадой диктовал Борятинский, — самого было живого взяли! И рублен саблею, застрелен из пищали в ногу, и едва ушел!»

Но и такое тяжелое поражение, конечно, не могло погасить пламя крестьянской войны, бушевавшей на огромных просторах России. Долгорукий бросал войска из одного уезда в другой, из сражения в сражение, непрерывно требовал подкреплений из столицы, получал их, немедленно бросал в бой, но погасить буйный взрыв народного гнева не мог. После боев рассеянные по степи отряды собирались вновь и продолжали борьбу.

Историки подсчитали, что осенью и зимой 1670 года в крестьянской войне участвовали около 200 тысяч восставших. В Арзамаском уезде сражался с царскими войсками семитысячный отряд под предводительством местной крестьянки «старицы Алены». В конце концов воеводам Долгорукого удалось захватить мятежную Алену — ее схватили и сожгли на костре. Перед смертью она крикнула палачам: «Если бы побольше людей дрались так же храбро, Долгорукому пришлось бы повернуть вспять!»

В Слободской Украине действовал отряд Алексея Хромого. Мордовию поднял против царя мурза Акай. В Лесном Заволжье, в Нижегородском уезде, на Ветлуге и во многих других местах шла упорная кровопролитная борьба. За сентябрь — октябрь 1670 года повстанцы дали царским полкам тридцать крупных сражений!

Героическая Астрахань, откуда начался решающий этап войны, продолжала борьбу еще целый год и пала под ударами царских войск лишь 27 ноября 1671 года.

Только с помощью беспощадного террора, переросшего в бесчеловечные зверства, феодальное правительство сумело сбить накал борьбы и постепенно с неимоверными усилиями подавить восстание.

Расправы над повстанцами изумляли даже выдавших разные крепостные изуверства современников. Огонь и меч — других средств царь Алексей, словно в злую насмешку прозванный Тишайшим, не признавал.

От рук карателей пало около 100 тысяч человек! В одном только Арзамасе, где помещалась ставка Долгорукого, за три месяца было казнено 11 тысяч человек — по сто—сто пятьдесят казней в день! «Место сие, — писал потрясенный современник, — являло зрелище ужасное и напоминало собой преддверие ада! Вокруг были возведены виселицы, и на каждой висело человек 40, а то и 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немалое число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны».

ПЛЕН И КАЗНЬ СТЕПАНА РАЗИНА

Вернувшись на Верхний Дон, раненый Разин не отступился от борьбы. Обосновавшись в любимом Кагальницком городке, он начал собирать новые силы для похода на Москву. Скоро у него набралось уже более трех тысяч человек. В декабре атаман поехал в Царицын за пушками.

Но обстановка на Дону изменилась. «Домовитое» казачество, обнадеженное поражением Разина под Симбирском, теперь смелее выступало против восставших. Пока Разин был в Царицыне, большой отряд напал на Кагальник, перебил оставленных для его охраны разинцев, захватил казну, запасы оружия, жен Степана и Фрола и быстро вернулся в Черкасск.

В ответ Разин после возвращения с Волги пытался в январе 1671 года штурмовать Черкасск, но «домовитые» отбили нападение. А в апреле, получив царский указ, черкасские казаки во главе с Корнилой Яковлевым предприняли новый большой штурм Кагальника. Ворвавшись в подожженный город, они разгромили разинский отряд, а Разина и его брата Фрола захватили в плен.

Закованных в цепи братьев под сильным конвоем отправили в Москву.

Конвой возглавлял сам войсковой атаман Яковлев, бывший когда-то крестным отцом Степана.

Близ Москвы конвой остановился, поджидая специальную «позорную» телегу. С Разина сняли шелковый кафтан, в котором его захватили во время штурма Кагальника, и одели в грязные лохмотья. Скоро подошла и специально сделанная «ругательная» телега, гораздо выше и шире обычной, везли ее три лошади. «На телеге была сделана виселица, — сообщает очевидец, — топор воткнут, и плаха поставлена, и петля повешена, а сам весь раскован по столбам». Царь и бояре желали бы казнить Разина всеми мысли-

мыми казнями. Вокруг раскованного по столбам вождя народной войны сидели четыре стрельца с дубинами. Следом за телегой шел прикованный к ней цепями Фрол.

Впереди телеги шел конвой из трехсот пеших солдат со знаменами, факелами и мушкетами. Такой же отряд шел сзади, а окружал телегу большой отряд «домовитых» казаков. Тысячи москвичей вышли на улицы. Большинство стояли молча, жалели атамана.

Братьев привезли прямо в пыточный застенок, где начались долгие и жестокие допросы. Многие пункты «расспросных речей» составлял лично царь Алексей. Степана Тимофеевича жгли раскаленным железным прутем, били огромными кнутами, выкручивали руки, поднимали на дыбу. Он мужественно переносил страдания, поддерживал своего менее стойкого брата. По свидетельству очевидца, после одной из тяжелых пыток Разин сказал измученному Фролу, «что должно помнить ему, сколь многим пользовался он в жизни, что долго жил среди друзей в чести и славе, и имел под началом тысячи и тысячи, а потому надлежит ему нынче принять тяжелую долю свою с терпением».

Суд над Разиным шел многие дни с утра до ночи. «Бояре ныне беспрестанно за тем сидят. С двора съезжают на первом часу дни (в шесть часов утра), а разъезжаются в тринадцатом часу дни (в седьмом часу вечера). По два дни пытали. На Красной площади изготовлены ямы и колы вострены», — сообщал один из современников.

Казалось, царю и боярам мало было убить Разина. Казнью народного вождя феодалы хотели навсегда утратить угнетенных, поэтому приговор носил жесточайший характер. Звериная жестокость самодержавия явственно видна на каждой странице этого длинного документа, зачитанного 6 июня 1671 года публично перед казнью.

В этот скорбный день толпы людей заполнили площадь и близлежащие улицы. Место казни было окружено тройным кольцом дворянской гвардии, на перекрестках московских улиц по всему городу стояли отряды войск.

В приговоре Степан Разин щедро наделен прозвищами «вора», «разбойника», «мятежника», «изменника», «злодея», «богоотступника» и «богохульника».

«...И за злые и мерзкие перед господом богом дела и к великому государю за измену и ко всему Московскому государству за разорение по указу великого государя, — прокричал последние слова стоящий на лобном месте дык, — бояре приговорили казнить злою смертью — четвертовать!»

Степан Тимофеевич спокойно выслушал приговор. Стоявший рядом Фрол, сломленный пытками и напуганный предстоящей казнью, не выдержал и крикнул: «Государево слово!» — желал показать, что знает важную государственного значения тайну, которую до сих пор не выдавал. Степан посмотрел на брата, жестко сказал: «Молчи, собака!» — и отвернулся. Фрола подхватили и увели. Пять лет после этого он провел в тюрьме и был казнен в 1676 году.

На помосте остался один Степан Разин. Он перекрестился, поклонившись на все стороны, сказал «прости» окружавшему место казни московскому люду и лег на смертную плаху.

«И вот зажали его промеж двух бревен и отрубили правую руку по локоть и левую ногу по колено, а затем топором отсекли голову. Все было совершено в краткое время и с превеликой поспешностью. И Стенька ни единым вздохом не обнаружил слабости духа!»

В СЕРДЦЕ НАРОДНОМ — НАВЕЧНО!

иковал царь Алексей Тишайший, ликовали бояре. В соборах служили благодарственные молебны, царь получал поздравления от иностранных послов.

А в темных избах по бесчисленным городам и деревням плакал по своему великому вождю обездоленный крестьянский люд, оборванные холопы, казацкая голытьба, городская голь. Разина любили горячо, словно отца или брата, смерть его стала личным горем подавляющего большинства русских людей. Лучшие черты русского народного характера были воплощены в нем: страстная любовь к свободе, ненависть к угнетению и несправедливости, широта и удаль.

В волжских степях лютовали дворянские отряды. Даже за малое подозрение в сочувствии к восставшим кара была одна — смертная казнь. Все военные силы бросило крепостное феодальное государство, чтобы задушить восстание, уничтожить его активных участников, а затем вытравить из народа и саму память о народной войне, о Степане Разине, о счастье и воле.

Разинский вихрь терял силы, дробился, рассеивался и замирал. И хотя еще мужественно сопротивлялись организованному войску отряды восставших во многих уездах, движение шло на спад. К концу 1671 года были подавлены его последние очаги.

Но разинская народная война, очищающей бурей отшумев над Россией, не исчезла. Уйдя из реальной жизни, ее могучее течение

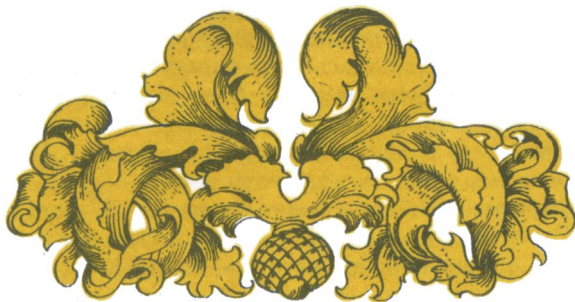
весь свой сильнейший вольнолюбивый заряд передало в духовную жизнь народа, навечно отложилось в его глубокой и благодарной памяти. Множество сказаний и запретных песен появилось в ту пору на Руси и живет до наших дней.

Помутился славный Тихий Дон
От Черкасса до Черного моря!
Помешался весь казачий круг!
Атамана боле нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову!

Ни одно из имен народных героев — а Русь знала их немало — не оставило по себе такой доброй и искренней любви и глубокого сочувствия, как имя Степана Разина! Слава о нем переходит от поколения к поколению, не увядая под гнетом лет, не теряя от времени ярких красок.

И самым простым и сильным доказательством этому служит тот факт, что любой русский, читающий эту книгу сегодня, когда уже больше трех столетий отделяет нас от разинской войны, наверняка может вспомнить хотя бы одну песню о любимом народном герое. Например, о том, как выплывают из-за острова на стрежень сильной волжской волны расписные челны знаменитого атамана.

Самым поэтическим лицом русской истории назвал Степана Разина Александр Сергеевич Пушкин. Эти слова были сказаны в 1824 году. С тех пор прошло полтора столетия. Они подтвердили правоту великого поэта. Таким навсегда останется в народной памяти великий буйный вольнолюбец.

К ПЕТРОВСКОМУ БЕРЕГУ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Чerez год после казни Степана Разина в предпоследний майский день 1672 года в Кремле у чадолюбивого царя Алексея родился четырнадцатый ребенок. Мальчика назвали Петром.

Средневековая жизнь еще господствовала на Руси. Барщина стала для крестьян «бременем неудобноносимым» — во многих местах в пахотную и сенокосную пору владельцы не оставляли крестьянам ни одного дня для работы на своем поле. А осенью, собрав оброк и столовые запасы, требовали с крепостных, по свидетельству честных современников, «излишнего побору и тем излишеством крестьянство в нищету загоняли».

«Крестьянину не давай обрости, но стриги ево, яко овцу, догола!» — посмеиваясь, советовали дворяне друг другу.

Непосильное бремя угнетения часто заставляло крестьянина бросать дом и бежать куда глаза глядят. Тысячи и тысячи людей бродили по лесам и степям, хоронясь от царских застав, устремлялись на юг, где еще существовали остатки былой вольницы. Но скоро рука правительства дотянулась и туда — сыск беглых стал повсеместным, число и власть царских сатрапов росли год от года.

На берегах Невы, отторгнутой от России в начале XVII века, шведские феодалы обирали до нитки русских и карельских крестьян, тысячами бежавших через границу в Россию. Шведское правительство чуть не каждый год требовало от Москвы не принимать беглых, а возвращать их Швеции. На юге по-прежнему терзали рубежи хищные феодалы Крымского ханства.

Но уже чувствовалось приближение каких-то неведомых перемен. Первые мануфактуры — железоплавильные, стекольные, пушечные, полотняные — дымили в городах, застила окрестности едким серным дымом. Оборванный рабочий люд затемно тянулся на мануфактурные дворы, а часов через двенадцать — пятнадцать — снова затемно — измочаленный работой брел по домам.

По Москве гуляли ратники первых полков регулярного строя.

А в 80-х годах послышалась из подмосковного села Преображенского, где жил с матерью царевич Петр, первая дробь барабанов, под которую маршировали набранные из мальчишек-ровесников Петра потешные полки. Неровный и слабый шаг их с каждым днем становился все тверже и четче, хотя никто не гадал и не думал, что из царевичевых забав начинает вырастать будущая гвардия государства Российского — Измайловский и Преображенский полки.

Уже бегал по московским улицам, торгуя пирожками, сын хуторного конюха Данилы Меншикова Алексашка, будущий первый сподвижник Петра, светлейший князь, фельдмаршал, кавалер

высших орденов, владелец несметных богатств. В «барабанную науку» определили в потешном батальоне малолетнего князя, будущего славного петровского фельдмаршала Голицына. В эти же годы старательно осваивал разное ученье родившийся года за два до Петра сын потомка шотландских королей Вилима Брюса, бежавшего в Россию от революционной ярости Кромвеля. Пройдут годы, и выросший Яков Брюс, знаток математики, астрономии, артиллерии, ботаники, минералогии, географии, станет самым просвещенным соратником Петра.

Петру было три года, когда прибыл в Архангельск сбежавший от отца, богатого женевского купца, разбитной и отважный искатель приключений 19-летний Франц Лефорт. Минут годы, и Петр, полюбив Лефорта, сделает его сотоварищем во многих делах.

Петру исполнилось восемь лет, когда в неблизкой от России Ютландии в семье скромного бюргера Беринга родился сын Витус. Мальчика готовили идти по отцовской стезе, но судьба приведет его в гигантскую страну. Он пройдет по просторам омывавших ее морей тысячи и тысячи миль, откроет острова, проливы, моря.

Великие хождения командора Беринга не будут внезапным географическим откровением. Они станут вершинным итогом вековых усилий. Ведь еще в 20-е годы XVII века отчаянные поморы обогнули мыс Челюскина. В тяжкой семилетней экспедиции 1633—1640 годов смелые путешественники Ребров и Порфирьев, выйдя в Ледовитый океан по Лене, дошли до Яны и Индигирки. А казачьи отряды Копылова и Москвитина достигли Охотского моря.

Еще через десять лет отряды Алексеева, Игнатьева и Стадухина достигли чукотской реки Анадырь. Тогда же, в середине века, Василий Поярков дошел до Амура и спустился по нему в Тихий океан. Спустя три года экспедиция крестьянина Ерофея Хабарова положила начало хозяйственному освоению этого богатейшего края.

А Семен Дежнев в 1648 году обогнул Большой Каменный Нос, восточную оконечность Азии, решил давний спор — соединяется ли Азия с Америкой. Правда, открытие Дежнева было забыто и Берингу пришлось повторить его...

...Уже родились и росли по разным местам России, Европы и Азии многие другие сподвижники Петра. Подернутая непроницаемой завесой предстоящих лет личная судьба была неведома каждому из них. Великие дела, ныне хорошо известные всякому, были туманным будущим, которому еще только предстояло осуществиться. Россия медленно, но неотвратимо входила в великий исторический поворот. Новые ветры уже шевелили паруса ее кораблей, оставалось совсем немного до того часа, когда они наполнят их и начнется быстрое и неодолимое движение вперед.

РОССИЯ И ДРУГИЕ СТРАНЫ: ХОД ИСТОРИИ

XV ВЕК

Вторая половина

1462—1505 гг. Великое княжение Ивана III.
1463 г. Присоединение Ярославского княжества к Москве.
1466—1472 гг. Путешествие Афанасия Никитина в Индию.
1478 г. Включение Великого Новгорода в состав Руси.
1480 г. Свержение ордынского ига.
1485 г. Включение в состав Руси Тверского княжества.
1487—1491 гг. Строительство Грановитой палаты в Кремле.
1497 г. Судебник Ивана III. Установление Юрьева дня.

1453 г. Взятие турками Константинополя.
1455—1485 гг. Война Алой и Белой розы в Англии.
1475 г. Вторжение турок в Крым.
1492 г. Экспедиция Христофора Колумба. Открытие Америки.
1497—1499 гг. Открытие морского пути в Индию португальским мореплавателем Васко да Гамой.
Конец XV в. Захват Турцией северного побережья Черного и Азовского морей.
Конец XV в. Возвышение государства инков в Южной Америке.

XVI ВЕК

Начало XVI в. Расцвет творчества Дионисия, знаменитого русского живописца.
1505—1533 гг. Великое княжение Василия III.
1510 г. Присоединение Пскова к Русскому государству.
1514 г. Освобождение Смоленска и включение его в состав Руси.
1521 г. Поход крымско-казанского войска на Москву.
1522 г. Присоединение Рязанского княжества к Москве.
1535—1538 гг. Денежная реформа. Установление единой денежной системы на Руси.
1545—1546 гг. Добровольное присоединение к Русскому государству чувашей и марийцев.
1547 г. Принятие Иваном IV царского титула.
1547 г. Восстание в Москве.

Начало XVI в. Установление турецкого господства над Молдавией, Буковиной и Бессарабией.
1519—1522 гг. Первое кругосветное путешествие Магеллана.
1519—1521 гг. Завоевание Мексики испанскими конкистадорами.
1524—1525 гг. Крестьянская война в Германии.
1526 г. Основание империи Великих Моголов в Индии.
1531—1533 гг. Завоевание испанцами государства инков.
1540 г. Создание ордена иезуитов.
1543 г. Выход сочинения Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер».
1549 г. Восстание английских крестьян под предводительством Роберта Кета.
Середина XVI в. Возникновение Запорожской Сечи.

1552 г. Взятие Казани.
 1555—1560 гг. Сооружение храма Василия Блаженного в Москве.
 1556 г. Присоединение Астраханского ханства к России.
 1558—1583 гг. Ливонская война.
 1565—1572 гг. Опричнина Ивана Грозного.
 1571 г. Набег крымского хана Девлет-Гирея на Москву.
 1581 г. Запрещение крестьянских переходов.
 1581—1582 гг. Осада Пскова Батрием и ее провал.
 1581—1582 гг. Поход Ермака в Сибирь.
 1584—1598 гг. Царствование Федора Иоанновича.
 1585—1591 гг. Строительство стен Белого города в Москве.
 1586 г. Отливка Андреем Чоховым знаменитой царь-пушки.
 1598—1605 гг. Царствование Бориса Годунова.

1561 г. Захват Швецией Ревеля и Северной Эстонии.
 1562 г. Конец существования Тевтонского ордена.
 1562—1594 гг. Гражданские (религиозные) войны во Франции.
 1566—1609 гг. Нидерландская буржуазная революция.
 1572 г., 24 августа. Варфоломеевская ночь, массовые убийства гугенотов во Франции.
 1584 г. Выход сочинения Джордано Бруно «О бесконечности, вселенной и мирах».
 1588 г. Поход на Англию и гибель испанской «Непобедимой армады».
 1590 г. Захват Турцией всей территории Закавказья.
 1592—1598 гг. Война Японии с Кореей и Китаем.
 1595 г. Восстание бедноты в Лондоне.
 1600 г. Сожжение Джордано Бруно по приговору церкви.

XVII ВЕК

1603 г. Начало крестьянской войны в России.
 1605—1606 гг. Царствование Лжедмитрия I.
 1606—1607 гг. Восстание Ивана Болотникова.
 1607 г. Появление Лжедмитрия II.
 1609 г. Начало шведской интервенции и польской интервенции.
 1611 г. Народное восстание в Москве против интервентов.
 1612 г. Освобождение Москвы ополчением Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского.
 1613 г. Избрание царем России Михаила Романова.
 1619—1651 гг. Вхождение в состав России племен эвенков, якутов, бурятов и других народов Восточной Сибири.
 1643—1653 гг. Походы Василия Пояркова и Ерофея Хабарова на Амур.

1606 г. Открытие Австралии голландцем Виллемом Янцем.
 1610—1611 гг. Сочинение Галилео Галилея «Звездный вестник».
 1618 г. Восстание в Чехии против Габсбургов.
 1618—1648 гг. Тридцатилетняя война в Европе.
 1622—1634 гг. Войны американских индейцев против английских и французских колонизаторов.
 1627—1637 гг. Крестьянская война в Китае.
 1640—1660 гг. Буржуазная революция в Англии. Оливер Кромвель.
 1644 г. Начало завоевания Китая маньчжурами.
 1649 г. Провозглашение Англии республикой.
 1651 г. Восстание польских крестьян во главе с Косткой Напирским.

1645—1676 гг. Царствование Алексея Михайловича.

1648 г. Открытие Семеном Дежневым пролива между Азией и Америкой.

1648—1654 гг. Борьба украинского народа за воссоединение с Россией.

1649 г. Принятие Соборного уложения. Оформление системы крепостного права.

1654—1667 гг. Война России с Речью Посполитой за освобождение Украины и Белоруссии.

1662 г. Народное восстание в Москве — «медный бунт».

1667—1671 гг. Крестьянская война под предводительством Степана Разина.

1672 г., 30 июня. Рождение Петра I.

1687 г. Создание Славяно-греко-латинской академии в Москве.

1654 г. Объединение Шотландии и Ирландии с Англией.

1655—1660 гг. Война Швеции с Речью Посполитой.

1657—1660 гг. Датско-шведские войны.

1660—1668 гг. Реставрация королевской власти в Англии.

1666 г. Основание Парижской академии наук.

1666—1678 гг. Восстания афганцев против власти Великих Моголов.

1683—1698 гг. Война Турции с Австрией, Польшей, Венецией и Россией.

1687 г. Выход труда Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии».

1689 г. Нерчинский договор Китая с Россией.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. НА КРУТОМ ПОДЪЕМЕ

Собирание земель	7
Первый российский царь	18
Московский бунт и начало реформ	20

ГЛАВА 2. ОСНОВА ОСНОВ

Крестьянская доля	27
Ремесленные труды	43
Торговые хлопоты	48

ГЛАВА 3. ГРОЗНЫЙ ЧАС

Тучи на границах	53
Ливонский омут	55
Опричная метла	65
Татарский хан на троне	69
Цари и царевичи	71

ГЛАВА 4. НА СИБИРСКИЙ ПРОСТОР!

Вековые узы	79
Лондонские мечтатели	82
«Ермак со товарищи»	83
Сибирское взялье	84
Зимовки и последние бои	87

ГЛАВА 5. ПЕРВАЯ НАРОДНАЯ ВОЙНА

Триумф правителя	95
«И был глад великий и волнение великое!»	99
Первый Лжедмитрий	102
Против царя-боярина	107
Под столицей	109
У калужских стен	111
«Царевич Петр»	112
Тульские битвы	113
Осада и плен	115

ГЛАВА 6. ВОЛНЫ СМУТЫ

Еще один Лжедмитрий	119
Шведский обман	121
Сигизмундово вторжение	123
Смерть лучшего воеводы	—
Низложение Шуйского	126
Семибоярщина	127

«Время подвига пришло!»	130
«Крепкостоятельный» град Смоленск	134
Новгородские баталии	136
Гибель Прокопия Ляпунова	137
Гражданин Минин и князь Пожарский	139
В поход!	141
Ярославское стояние	142
Вызволение Москвы	143
Новая династия	148

ГЛАВА 7. НАВЕКИ ВМЕСТЕ!

Канун освобождения	153
Богдан Хмельницкий	158
Первые битвы	161
Борьба продолжается	164
Российская поддержка	168
Королевские потуги	169
Решительный шаг России	173
Переяславская Рада	—

ГЛАВА 8. БУНТАШНЫЙ ВЕК

Крепостная неволя	177
Царская жизнь	182
Дворянский круг	186
Стихия восстаний	190
Церковный раскол	197

ГЛАВА 9. РАЗИНСКАЯ ПЕСНЯ

Первый раскат	205
Вождь новой крестьянской войны	207
Поход «за зипунами»	210
«На бояр и воевод!»	218
У симбирской черты	225
Плен и казнь Степана Разина	230
В сердце народном навечно!	232

К ПЕТРОВСКОМУ БЕРЕГУ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	234
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	236

Дорогие читатели!

Автор, художник и редакция ждут ваших отзывов о содержании и оформлении этой книги.

Укажите, пожалуйста, свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу: 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».

Научно-художественное издание

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Дегтярев Александр Якимович

ТРУДНЫЙ ВЕК РОССИЙСКОГО ЦАРСТВА

Ответственный редактор *Н. Г. Ф е ф е л о в а.*

Художественный редактор *В. Г. Т р а у г о т.*

Технический редактор *Л. Б. К у п р и я н о в а*

Корректор *Н. Н. Ж у к о в а.*

ИБ 12377

Подписано к печати 30.11.88 с готовых диапозитивов. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Шрифт обыкновенный новый. Усл. печ. л. 13,95. Усл. кр.-отт. 29,75. Уч.-изд. л. 15,82. Тираж 75 000 экз. Заказ № 458. Цена 2 руб. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Дегтярев А. Я.

Д 39

Трудный век Российского царства: Научно-художественное издание/Рис. и оформл. В. Цикоты. — 2-е изд. — Л.: Дет. лит., 1989. — 239 с., ил.

ISBN 5—08—000295—6

Автор рассказывает о становлении Русского централизованного государства XV—XVII веков, показывает долгий и непростой процесс объединения Руси вокруг Москвы.

Д 4803010102—117
М101 (03)—89 Без объявл.

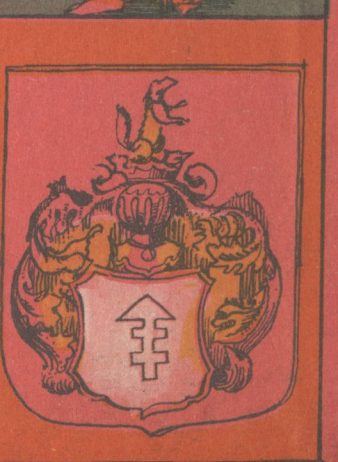
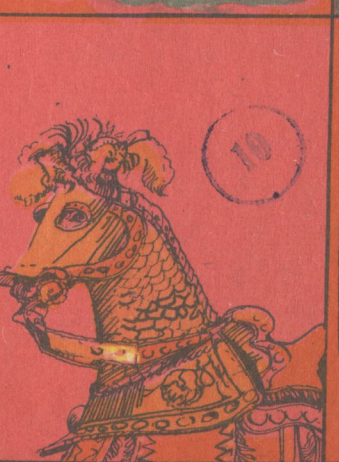
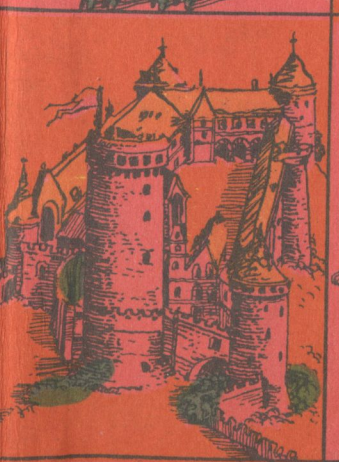
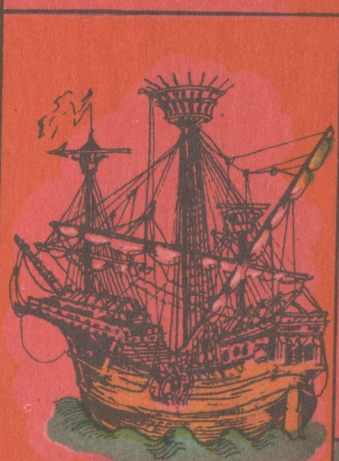
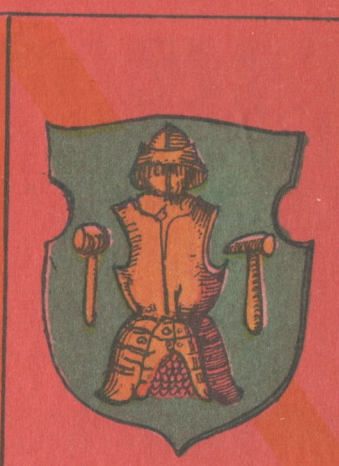
ББК 63.3(2) 44; 9(е) 13

граница
к концу 16в.

Русское
государство
в 17в.

1. ОЛЕКМИНСК
2. ТОМСК
3. КИЕВ
4. ТУРУХАНСК
5. КУЗНЕЦК
6. ОХОТСК
7. ИРКУТСК
8. КРАСНОЯРСК
9. ЯКУТСК
10. НЕРЧИНСК
11. ИРБИТ
12. ЖИГАНСК

2 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

А. ДЕТЯРЕВ ТРУДЫ КК РОССИЙСКОГО ЦАРЕТЯ